В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе.

Межкультурная коммуникация. Системный подход.

Москва 2005

Введение

Предлагаемая читателю книга построена на основе системного подхода к проблемам культуры и коммуникации. *Системный подход* - направление методологии, в основе которого лежит исследование *систем*. В научный обиход вошел в последние десятилетия XX века в связи с открытиями в термодинамике (Нобелевская премия И. Пригожина).

Под культурой при этом (от лат. cultura – возделывание, воспитание, образование) понимается особый способ осмысленной организации и развития человеческой жизнедеятельности, реализуемой в материальных и духовных ценностях, в системе отношений людей к природе и обществу. Применительно к культуре оказывается возможным рассмотрение ее *подсистем* – философии, религии, науки, искусства, этнографии, лингвистики и т.д. как относительно самостоятельных и взаимосвязанных элементов. Исследование *системы культуры* в процессе развития делает наглядным ее устойчивость и одновременную способность к переходу на качественно новый уровень, происходящий в момент скачка, бифуркационного взрыва. Множественность описаний, обусловленная природой элементов *системы* (их относительной самостоятельностью, непредсказуемостью) оказывается необходимой предпосылкой *межкультурной коммуникации*, взаимопроникновения *своего и чужого* и соответствует природе *концепта* как основной единицы культурной и межкультурной коммуникации.

Коммуникация (от лат. communicatio – связь, сообщение) понимается как категория, обозначающая взаимодействие системных элементов, взятых в знаковом, семиотическом аспекте. Теория коммуникации получила быстрое развитие в последние десятилетия XX века в связи с успехами кибернетики и компьютеризации. В лингвистике, психологии, этнологии выявлен широкий спектр функций и возможностей коммуникации. В культуре коммуникация – условие взаимодействия элементов, средство осуществления *прямых и обратных связей* системы: *производитель – артефакт – потребитель*.

Коммуникация межкультурная – особая ступень культурной коммуникации, обладающая дополнительным срединным членом в коммуникативной цепи и внесистемными элементами, разрушающими одну культурную коммуникацию, открывая возможности построения другой. Присутствие внесистемных элементов, порождающих логическую неупорядоченность, может приводить к взрыву, бифуркации (И. Пригожин). Отсутствие однозначных системно-иерархических отношений между элементами и частями культуры при соприкосновении с другой культурой увеличивает неопределенность, отчасти преодолеваемую благодаря «ключевым словам современной культуры» (Э. Бенвенист) и

концептам (В. Нерознак, Ю. Степанов). Концепт при этом понимается как микромодель системы культура. Концепт передает не значение, а смысл.

Смысл – фундаментальная категория бытия и культуры. Смысл антиномичен, поскольку возникает как «арена встречи» (А. Лосев) природного и человеческого, человеческого и Божественного, общезначимого и уникального. Смысл охватывает коммуникацию и культуру. Под смыслом понимается изменение фиксированного значения знаков в ходе коммуникации, возникающее в результате сближения, «встречи» и столкновения «своего» и «чужого». Смысл охватывает коммуникацию и культуру. Он имманентен и вместе с тем внеположен им.

Тема 1
Культура и цивилизация

Ключевые слова:
культура, цивилизация, естественный человек, базис, надстройка, цикличность, вызов времени, синергетическая катастрофа

1. Общее представление. Генезис

Слова «*культура*» и «*цивилизация*» употребляют нередко как синонимы. Известны выражения «культурный человек» и «цивилизованный человек», означающие примерно одно и то же. Вместе с тем уже наличие союза «и» свидетельствует, что культура и цивилизация – понятия не вполне тождественные. В самом общем смысле **при сопоставлении** *культуры* **и** *цивилизации* **первая оценивается как проявление высших человеческих предназначений, вторая – как олицетворение материальных форм бытия. Это заложено и в генезисе слов**.

Слова *культура* и *цивилизация* происходят от латинского корня: **colĕre** – выращивать; возделывать и обрабатывать землю; населять, обитать; **cultus** – почитать, поклоняться.

В современной трактовке культура – это «природа, которую пересоздает человек, утверждая себя посредством этого в качестве человека»[1]. Понятие «цивилизация» более позднее, хотя слова cīvis (лат.) – гражданин и cīvīlis, –е (лат.) – гражданский тоже были известны в Риме. Но в современном понимании «цивилизация» принадлежит XVIII веку, когда понятие начало ассоциироваться с гражданским обществом, прогрессом.

2. Исторический и этнический подходы к цивилизации

Концепция *цивилизации как исторической формы существования культуры* была выработана французскими просветителями. При этом предполагалось, что уровень цивилизации поднимается по мере развития человеческого общества от древнейших времен до современности. Этот оптимистический взгляд на историю цивилизации разделили многие историки и философы. Уже в XVIII столетии складывается и *оценочная характеристика цивилизации* как поведения, наиболее приемлемого для жизни в обществе.

Так, в трактатах политика и идеолога Просвещения маркиза де Мирабо цивилизация предстает уздой человечества и определяется как «смягчение нравов, учтивость, вежливость и знание, распространяемые для того, чтобы соблюдать правила приличий и чтобы эти правила играли роль законов общежития». Цивилизация у Мирабо призвана давать обществу

[1] Гуревич П.С. Культурология. - М., 1999. С. 39.

«основы и формы добродетели» (Маркиз де Мирабо. Друг женщин, или Трактат о цивилизации», 1768).

Но с древнейших времен бытовал и другой, пессимистический подход к цивилизации. В VII веке до н.э. в поэме «Труды и дни» греческий поэт Гесиод делит мировую историю на золотой, серебряный, медный, героический и железный века. И более ранние времена – лучше и счастливее современности. Причисляя себя к железному веку, Гесиод не жалеет красок для обрисовки падения морали, происходящего в железный век. Все в нем построено на насилии и жадности, дети стали чужими родителям, друг позабыл друга и брат – брата.

Представления о нисхождении нравственности в человеческом обществе по мере развития цивилизации постоянно тревожат мыслителей Запада и Востока, помещающих «блаженную страну» не в будущем, а в прошлом. Сама библейская история грехопадения Адама и изгнания людей из рая говорит об опасности выхода из неведения. И в век Просвещения, когда понятия Природы и Разума получают у философов новый смысл, став аргументами в осуждении прошлого и утверждении идеалов будущего, энергичная защита прогресса тоже подвергается критике.

Притом сомнения высказывали самые умные и образованные просветители. Английский писатель Джонатан Свифт (1667-1745) в главном итоговом произведении «Путешествие Гулливера» разрушает иллюзии о высоком предназначении цивилизации. В третьей части книги – «Путешествие в Лапуту…» мыслители и ученые создают проекты, не имеющие ничего общего с практическими нуждами людей. А в четвертой части – «Путешествие в страну гуингмов» мудрые лошади противопоставлены одичалым людям, двуногим отвратительным йеху, в похотливости, жадности и подлости которых Свифт с горечью признает черты своих современников. Их страсти и вожделения порождены цивилизацией.

Не принимал оптимизма просветителей и младший современник Свифта – один из самых глубоких мыслителей средифранцузских энциклопедистов – Жан Жак Руссо.

Жан-Жак Руссо (J.J. Rousseau, 1712-1778). В творчестве Руссо – французского философа, писателя, создателя, целого направления – руссоизма – в рамках французского Просвещения отразилась неудовлетворенность цивилизацией, усвоенной высшими классами абсолютистской монархии XVIII века, но и ощущение тревоги за будущее человечества. Ученый-энциклопедист, Руссо обладал познаниями в разных отраслях – от музыки до естественных наук и социологии. Славу Руссо принесло его первое «Рассуждение о науках и искусствах» (1750), возникшее как ответ на вопросы, поставленные Дижонской Академией. В трактате «Общественный договор» (1762) Руссо обосновал право народа на свержение абсолютизма. Свойственная Руссо идеализация природы и патриархального равенства отразилась в романах «Эмиль, или О воспитании», «Юлия, или Новая Элоиза», в «исповеди», а также в статьях и письмах. С ориентацией Руссо на чувство связано философско-художественное движение «руссоизм», сочетавший культ природы с культом добродетели. Во взгляде на прогресс Руссо полемизировал с Вольтером, утверждавшим идеи прагматизма («Будем возделывать наш сад»).

Подобно Свифту Руссо проницательно разглядел трагическую противоречивость прогресса буржуазной цивилизации. Звезда Руссо взошла в 1749 году, когда, отправившись пешком в Венсенн, чтобы навестить содержавшегося в заключении Дидро, Руссо прочел в газете извещение Дижонской Академии, объявившей конкурс трактатов на тему: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?». Сама постановка вопроса, свидетельствующего о возможности дать отрицательный ответ, подсказывала, что оптимистический взгляд на прогресс и в XVIII веке подвергался сомнению. Руссо дал отрицательный ответ: «пока умножаются жизненные удобства, совершенствуются искусства и распространяется роскошь, истинное мужество хиреет, воинские доблести исчезают, и все это тоже дело наук и всех этих искусств, что развиваются в тиши кабинетов»[2]. В трактате «Рассуждения о науках и искусствах», явившемся результатом мгновенной вспышки вдохновения, как пишет он сам в «Исповеди», Руссо возгласил требование возврата к природе и проповедь *естественного человека* вопреки соблазнам цивилизации.

Фридрих Энгельс (Engels, 1820-1895) - немецкий политэконом, социолог, философ. Совместно с Карлом Марксом обосновал теорию научного коммунизма. В эстетике сформулировал понятие реалистической типизации, выдвинув требование точности деталей и необходимости создания “типического героя в типических обстоятельствах” (Письмо к Гаркнесс). Предлагая характеристику культурно-историческим эпохам, Энгельс особенно подчеркнул прямую связь экономической необходимости и порождения культуры. Возрождение он определял как эпоху, “которая нуждалась в титанах и породила титанов” (“Диалектика природы”, 1873-1883). В работах “Происхождение семьи, частной собственности и государства”, “Манифест коммунистической партии” (совместно с К. Марксом, 1848) и др. содержится мысль об искусстве и литературе, как отражении социальной реальности и надстройки над экономическим базисом.

На рубеже XVIII-XIX веков наряду с историческим подходом получили развитие также **этнический и теологический взгляды на цивилизацию**. Складываются представления об исламской, христианской, арабской, славянской, китайской и других цивилизациях.

Социальная критика буржуазной цивилизации была остро поставлена К. Марксом и Ф. Энгельсом. Развивая диалектико-материалистическое понимание природы, Энгельс становится одним из основоположников марксизма – системы философских, экономических и социально-политических взглядов, которые он переносит и на развитие цивилизации. Культуру Маркс и Энгельс считают *надстройкой* над экономическим *базисом*.

[2] Руссо Ж. Ж. Трактаты. - М., 1969. С. 23.

Неизбежным следствием кризиса буржуазной цивилизации Энгельс считает пролетарскую революцию, открывающую новую эру в культурном развитии человечества.

Многие историки, социологи и антропологи, отвергая марксистскую концепцию развития культуры и пытаясь создать общую *циклическую* модель «восхождения – нисхождения» цивилизации, воссоздают старую романтическую схему: генезис – рост – упадок. Среди наиболее известных – Освальд Шпенглер.

Освальд Шпенглер (Spengler, 1880-1936) – немецкий философ-идеалист, уподоблявший человеческую историю итогу «отдельной огромной жизни»: рождение, смерть, юность, старость, продолжительность – имеют свой строго определенный смысл.

Родился в Бланкенбурге, в Гарце, в семье почтового служащего. Окончил гуманитарную школу в Галле, затем изучал математику, естественные науки, историю. Отказавшись от государственной службы учителя гимназии, обрек себя на многолетний труд, воспринятой, как высокое предназначение. Стал известен после публикации «Заката Европы» (Т. 1-2, 1918-1922, рус. пер. Т. 1. 1923). После Первой мировой войны книгу Шпенглера читали и обсуждали и молодые люди, вернувшиеся с фронта, и европейские профессора-интеллектуалы. В 20-30 гг. последователь Ф. Ницше придерживался консервативно-националистического направления, однако в 1933 г. отверг предложение нацистов о сотрудничестве. В России «Закат Европы» переиздан массовыми тиражами после многолетнего забвения.

Для Шпенглера цивилизация – рок «культуры», которая мыслится Шпенглером как живой организм. Таких культур Шпенглер насчитывает 8: египетская, вавилонская, китайская, античная, культура Майя, западно-европейская и русско-сибирская, восточно-азиатская. Культуре отмерен свой, примерно тысячелетний срок жизни, после которого неизбежно угасание и гибель. Так произошло с великой античной культурой. Наступил черед Европы, она достигает «цели», как Фауст в трагедии Гете.

Концепция Шпенглера перекликается с подходом к культуре и цивилизации А.Д. Тойнби.

Арнольд Джозеф Тойнби (Toynbee, 1889-1975) – английский историк и социолог. Основной труд Тойнби – «Исследование истории» (т. 1-12, 1934-1961), в котором автор излагает теорию цикличности 26 замкнутых цивилизаций, каждая из которых повторяет стадии рождения, роста, кризиса и разложения. Движущей силой цивилизации является творческое меньшинство, интеллектуальная элита, отвечающая на *вызовы времени* и увлекающая за собой инертное большинство. Своеобразие каждой цивилизации определяется спецификой вопросов и ответов, а спасение возможно при духовном совершенствовании.

Концепция Тойнби не вполне логична. Спарта у него выделена из эллинской культуры. Римская цивилизация объединена с греческой. Полинезийская и эскимосская цивилизации рассмотрены отдельно, а кочевники всех континентов объединены

в одну цивилизацию. **Социальные процессы, происходящие во всех цивилизациях, представлены как аналогичные: повсюду существует «творческая элита», носитель мистического «жизненного порыва», увлекающая за собой инертное меньшинство к духовному совершенствованию и единой мировой религии.** Черты универсальности и оптимизма сделали концепцию Тойнби привлекательной для интеллигенции европейских стран второй половины XX века.

Лишь в последние десятилетия зазвучали тревожные голоса, предостерегающие об угрозе, связанной с возникновением нового мощного фактора земной жизни, порожденного развитием техники. Человечество оказывается между искусственной природой – конгломератом машин, индустрии, техники и естественной природой, постоянно деградирующей и уничтожаемой. Отмечена тревожная тенденция: все возрастающая опасная связь между природными, экологическими и техногенными катаклизмами. Такие комплексные катастрофы называют многоступенчатыми или *синергетическими*, когда одно стихийное бедствие порождает другое. Аварийно опасная зона все расширяется. В XXI веке примерно половина населения земного шара живет в городах, занимающих только три процента суши. И на этом участке выстроены атомные и тепловые электростанции, плотины, нефте- и газозаводы, склады горючих веществ, многоэтажные здания. Физики и химики говорят о синдроме утомления планеты «Земля», о катастрофизме как зримой примете цивилизации. **Парадокс современной культуры в том, что без техники культура невозможна**. Глобализация техники ведет культуру и цивилизацию к гибели.

В противовес этим мрачным прогнозам, предрекающим конец света, существуют и другие концепции, возлагающие надежды на будущее культуры и цивилизации – на «зону смысла – ноосферу». **Таким образом, в заключение хотелось бы сказать, что понятие цивилизация можно рассматривать как историческую или этно-религиозную форму культуры. При иных подходах – цивилизация – звено культурного цикла, либо заключительная гибельная фаза культуры.**

Вопросы и задания:

1) Как соотносятся понятия «культуры» и «цивилизации»?

2) Каковы исторические и этнические формы цивилизации?

3) Как цивилизация и культура трактуются О. Шпенглером и А.Д. Тойнби?

4) Чем угрожает цивилизация глобализация техники?

Тема 2
Смысл в культуре

Ключевые слова:
культура, вариант, инвариант, семиотика, знаковая система, смысл, природа, техника, биосфера, ноосфера

1. Происхождение понятия

Происхождение понятия *культура* многократно описано. Известно, что слова cultio и culte латинского происхождения и в документах Древнего Рима означали возделывание и использовались применительно к сельскому хозяйству. Этимологически в латыни более древним словом считается глагол colĕre, первоначальное значение которого – “возделывать”, “обрабатывать землю” позже дополняется смыслом – “почитать”, “поклоняться”. Уже у римских государственных деятелей культура расширяется, обогащаясь новыми смыслами. В последующие века речь идет уже не только о возделывании почвы, но о развитии ума, углублении образования и веры. Языческие культы заменяются в великих религиях мыслью о возможности воспитания души, внутреннего самосовершенствования, веры в единого Бога. Философия и теология входят в культуру, поглощают ее и поглощаются ею. К понятию культура позже добавляется понятие цивилизация от латинского термина cīvis – гражданский, государственный.

Культура как понятие было сформулировано немецким юристом XVII века Самуэлем Пуфендорфом (1632-1694), цивилизация – французскими просветителями XVIII века, мечтающими о культуре нового общества, основанного на Свободе, Равенстве и Братстве. В России термин *культура* получил распространение с середины XIX века. До этого времени употреблялся термин цивилизация. Сегодня под словом цивилизация обычно понимается историческое воплощение культуры.

Культура и цивилизация иногда используются как синонимы, иногда разделяются. Вспомним часто употребительное выражение “культура и цивилизация”. Вопрос о характере цивилизации как всегда несколько проясняет этимологический словарь. По-английски и по-французски термин *civilisation* означает культуру, соответствующую уровню исторического развития. В этом же значении он употребляется в русском языке. Немецкий философ О. Шпенглер ввел термин “Hochkultur” – высшая культура, имея, однако, ввиду нечто совсем другое – цивилизация у него означает упадок культуры, ее завершающую стадию. О схождении и расхождении культуры и цивилизации спорят самые известные философы и культурологи. Но не проясненным остается и более общий вопрос – о том, что такое культура?

Слово “культура” – из серии фундаментальнейших. По числу сочетаемых понятий оно занимает одно из главных мест в европейских языках. “Философия культуры”, “культура эпохи”, “дворянская культура”, “пролетарская культура”, “современная культура”, “русская культура”, “культура Германии”, “европейская культура”, “агрокультура”, “культура производства”, “культура поведения”, “культура торговли”, “музыкальная культура”, “культура чувств”, “физическая культура” ..., ряд этот поистине неисчерпаем. Но в нем мы имеем дело с *вариантами* культуры. Неудивительно, что исследователи ищут общее понятие *инварианта* культуры. По мнению американских ученых, с 1871 года за 50 лет было дано семь таких дефиниций, с 1920-го до 1950-го их число увеличилось до 150. Сегодня оно выросло еще на целый порядок. Определения культуры насчитываются сотнями. В словаре В.И. Даля культура – это обработка и уход, возделывание, возделка; это образование – умственное и нравственное. Как мы видим, русский этнограф выделяет происхождение слова от латинского корня и сохраняет его первоначальное значение, усиливая нравственную сторону.

Современный ученый Ю.М. Лотман отмечает разницу в смысловом, семантическом наполнении понятия “культура” в разные исторические эпохи у разных ученых. Однако, как полагает Ю.М. Лотман, разница эта не должна нас обескураживать, если мы вспомним, что значение этого термина произошло от типа культуры, что каждая историческая эпоха порождает ей присущую, собственную модель культуры, что культура при этом, однако, “имеет признак – отгороженную сферу – и осознается на фоне оппозиции “не культуры”, являя таким образом “*знаковую систему*”[3]. В определении Ю.М. Лотмана главное – оппозиция: культура – не-культура.

Действительно, во всех подходах – от научного до бытового – мы эту оппозицию замечаем. В науке она видится в основательности и достоверности теоретических выводов. В обыденной жизни – в понимании, что можно вести себя культурно и не культурно. Но сложность определения “культура”, помимо ее исторической и социальной неоднозначности заключается и в том, что культура, подобно живому организму, растет и разрушается. Возможно физическое уничтожение культурных объектов. Вопреки крылатому выражению М. Булгакова “рукописи не горят” на кострах и в топках печей обращены в пепел тысячи манускриптов. И XX, и пришедший ему на смену XXI век хоронят под бомбами целые библиотеки, а с ними и шедевры архитектуры и живописи. Разрушение культуры возможно в войнах, в революциях, через падение уровня образования. Целые эпохи устанавливали могильное молчание, прерывая диалог между высокой культурой прошлого и временем новых

[3] Лотман Ю.М. Механизмы культуры // Избранные статьи в трех томах. Т.III, - Таллинн, 1993. С. 326.

дикарей. **Культура сохраняется лишь в коммуникации, во взаимном живом обмене, в звучании и услышанности голосов.**

Но голоса, определяющие культуру, тоже отнюдь не звучат в унисон. Так, у Карла Маркса культура – идеологическая надстройка над материальным бытием, у русских религиозных философов культура значима лишь в том случае, если она имеет религиозный смысл. У П.А. Флоренского – это гармонизация жизни во всех ее проявлениях. У Е.Н. Трубецкого – создание себя человеком по образу и подобию Божью, у С.Н. Булгакова – культ, имеющий таинственный, мистериальный характер. У создателей русского космизма – В.И. Вернадского, Л.Н. Гумилева, А.Л. Чижевского – культура есть влияние космоса, объединяющее людей в этнос, внутренние скрепы народа. У Ю.В. Бромлея культура – совокупность специфически человеческих способов деятельности и ее результатов, у Г. Фостера – совместно усвоенный образ жизни.

2. Антропологический характер культуры

Академический словарь русского языка дает первым из значений слова культура «совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни. Материальная культура. Духовная культура. История культуры говорит нам, что знания, которые выработаны трудом людей, накоплены наукой, все растут ... и служат для дальнейшего развития наших познавательных способностей»[4].

В русском семантическом словаре среди первых мест занимают «образование» и «просвещение», а число слов, включенных в статью дескриптора, насчитывает 113 единиц. Наибольшее число сочетаний со словом «культура» принадлежит слову «человек» (Ю.Н. Караулов).

Суммируя различные подходы к культуре, можно говорить о ней как о факторе социального развития и самореализации, о преодолении человеком своего вида, о культуре как о непрерывности, о культуре как о диалоге. Очевидно, что во всех этих подходах господствует **гуманитарный, человеческий принцип. Акцент делается на антропологию – науку о человеке. Мы пытаемся глядеть на культуру человеческими глазами**.

Но человек не одинок в мире. Над ним существует звездное небо, обитель Бога или бездна, в которой “звездам числа нет, бездне дна”. Под ним земная твердь или океанская глубина, дающие жизнь и угрожающие катастрофами. Рядом с человеком другие люди – самые близкие и никогда не виденные – свой и чужой народы и расы. Человек, зачастую помимо его воли, включен в историю. Он ее творец и жертва. Над ним довлеет “обычай – деспот меж людей”... и в каждом случае культура оборачивается для человека новой стороной. **Современное определение культуры как**

[4] Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1-4. - М., 1981-1984; Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М., 2000. С. 12-13.

природы, пересоздаваемой человеком, чтобы в результате разумной деятельности, утвердить себя в качестве человека, выражает антропологический, деятельный подход к культуре.

3. Природа и техника в культуре

Понятие «природа» и «культура» прочно связаны. В римском трактате III в. до н.э. речь шла о возделывании земельного участка, требующем неустанной заботы и «особого душевного настроя», без которых «не будет и культуры». Культура в этом «контексте предстает как нечто «рукотворное», «надстраивающееся над природой», вторая натура[5].

Существует естественный, природный и человеческий универсумы. Первый огромен, таинственен и неисчерпаем. Древние видели его как хаос, как бездну, населенную страшными существами – мир, не вступающий в разговор с человеком, безучастный к его горестям и радостям. У А.С. Пушкина и в настоящем, и после нашей смерти “равнодушная природа” будет “красою вечную сиять”. В этом сиянии красоты есть нечто пугающее, бездушное.

Такое отношение человека к природе пронизывает огромные пласты культуры. Природа в ней в лучшем случае соглядатай. Часто – она враг. Победы человека над природой, в бушующем море, в “белом безмолвии” Севера, в африканской пустыне, во время землетрясений, тайфунов и снегопадов – темы сотен рассказов и романов, полотен художников и ораторий. Но сегодня все чаще среди объектов культуры помимо человека называют природу, мир не только его окружающий и существующий “по ту сторону добра и зла”, но и внутри человека.

Ни природа, ни техника не являются сами по себе фактами культуры. Только в присутствии человека, в его оценке, приобретается смысл. Человек – венец творения. Созданный по образу и подобию Бога, он и материальное “тварное” существо. В нем присутствует животное, природное начало. Его отношение с культурой сложны и неоднозначны. Он “очеловечивает”, окультуривает природу, побеждая хаос мироздания своим разумом и трудом. Но он и разрушает экологическую среду, истончая озоновый слой над планетой. В результате его деятельности гибнут леса, загрязняются воды рек и морей. Само присутствие человека гибельно для многих видов растений и животных.

Сегодня, когда технический прогресс ощутимо обогнал прогресс социальный, опасность многократно возросла. Виртуальный электронный мир теснит мир природный. Человек становится придатком информационных систем, элементом им же созданной вычислительной машины. И уже ставится вопрос об искусственном тиражировании, клонировании человека. При этом он зачастую не задумывается о той цене, которую от него требует и еще потребует современная цивилизация за

[5] Гуревич П.С. Философия культуры. - М., 2001. С. 26-27.

предоставляемые блага и удобства. **Раздающиеся призывы ученых оценить смысл перемен общество не слышит**. И не столько потому, что по природе своей человек обладает ленностью и жадностью. Homo sapiens – творческое, свободное существо. Уничтожить в нем творческое начало – значит уничтожить человека. В самой его природе заложен парадокс: развитие культуры, создание новой информационной среды дает человеку свободу, открывает новые возможности. Оно же ввергает его в доселе невиданное информационное рабство, ущемляющее все сферы бытия. Призывы остановиться и найти высший смысл бытия оказываются бессмысленными.

Новая природа создается не только вокруг человека как среда его обитания. Не столь быстро и заметно он и внутренне меняется и далеко не всегда в лучшую сторону. **Изучение жизни архаических народов, особенно в XIX и XX веках, привело ученых и художников к выводу о том, что человек далекого прошлого вовсе не примитивен**. Осознавая себя отдельной личностью, он одновременно чувствует себя не только членом рода, своего тотема, но и животным, и даже растением. Мифы народов мира, отражая это сознание, свидетельствуют не о бескультурии, а о возможности иной, доцивилизованной культуры, обладающей собственным смыслом.

4. Семиотический подход. Треугольник Локка

Существует естественный и человеческий миры. Первый монологичен и неспособен к диалогу. К нему неприложимо понятие “*смысл*”. Лишь в человеческом универсуме возникает значимость, позволяющая говорить о присутствии культуры. Человек есть внутренняя природа, осознающая самое себя и природу внешнюю в результате творческой деятельности. **Именно в этом сочетании – природы и деятельности и в их осмыслении рождается культура**.

Семиотика фиксирует все факты культуры – как материальные, так и духовные. **Наука о знаках и знаковых системах помогает разделить “культуру” и “не-культуру”**, предлагая условия, при которых явления природы, предметы деятельности человека или слова приобретают смысл. Прерии Южной Америки, саванны Африки, леса Сибири – неочеловеченная природа, не культура. Засеянное поле, охотничий заповедник, лесное хозяйство несут в самой своей сущности знак культуры.

Условлено, что на чужом поле не пасут скот. В заповеднике можно охотиться только по специальному разрешению. В лесном хозяйстве запрещены стихийное вырубки деревьев, хотя их другие свойства никуда не исчезли – поле плодородно, заповедник полон дичи, в лесу много деревьев.

Знаком может быть отмечен любой предмет или явление. Лампа – источник света. По договоренности влюбленных лампа, поставленная на подоконник – знак того, что свидание может состояться. В трагедии Эсхила “Агамемнон” огни костров передают в город знак того, что герои троянской войны возвращаются домой. Такие явные свойства огня, как тепло или возможность приготовить на нем пищу здесь не учитываются.

Во фресках “Успенского собора” в Кремле на Страшном суде судьбу “милостивого блудника” решает положенный на весы платок, смоченный слезами раскаяния. Знак здесь вовсе не в бытовой детали, и не в полезной вещи, а в искреннем сожалении о грехах, спасающем юношу от дороги в ад.

В романе Дефо “Робинзон Крузо” герой радуется, обнаружив после крушения корабля орудия труда и горсточку семян, с помощью которых ему удается выжить на необитаемом острове, и с горечью глядит на золотые монеты, утратившие условную ценность на диком берегу.

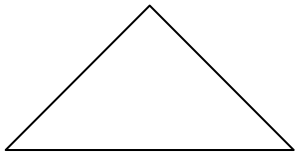
Знак может быть словом, вздохом или улыбкой, слезой или любым другим выражением эмоции, природным или бытовым явлением, жестом, вещью. Наука о знаках *семиотика* (от греческого слова “знак”) **исследует свойства систем знаков, каждый из которых имеет определенное значение. В качестве знаковых систем рассматривают языки, системы сигнализации в обществе, природе, науках, искусстве, кибернетические системы и живые организмы, машины и общественное устройство**.

Знаковые системы могут быть простыми и неисчерпаемо-сложными. Но их всех объединяет общее свойство, называемое в теории систем системообразущим – **придание знаку смысла**. Он может быть выражен словесно, вербально, “весомо, грубо, зримо” или тонко и деликатно. Смысл знака может быть понятен или глубоко спрятан. Для разгадки знака древние греки обращались к дельфийскому оракулу. В Ветхом Завете огненные знаки предсказали иудейскому народу грядущие беды. Солнечное затмение воспринималось поколениями как знак немилости Бога. Многие суеверия и сегодня основаны на семиотической знаковой системе. Гуляющая сама по себе черная кошка ничего не означает. Но мы избегаем переходить дорогу, если она ее пересекла. Встречная погребальная процессия или человек с пустыми ведрами сулят нам неприятности. Черный цвет – знак траура, а белое платье невесты – непорочной чистоты. Но на востоке язык цветов меняется. И во многих странах именно белый цвет означает печаль. И столь любимое в России красное солнышко в экваториальной Африке сулит смерть.

Джон Локк (Locke, 1632-1704) – английский философ-просветитель и естествоиспытатель. По окончании Вестминстерской школы и Оксфордского колледжа занимался преподавательской работой и политикой, подвергался гонению королевской власти, эмигрировал в Голландию.

В центре философии Локка – теории познания, он опирался на традиции английского эмпиризма. Все человеческие представления, по мысли Локка, проистекают из опыта и содержат простые идеи, истинные постольку, поскольку они сообразны с действительностью. В вопросе о значении имен Локк склоняется к концептуализму и номинализму, утверждая, что реальный смысл вещей скрыт от человеческого ума, а уму открываются номинальные сущности. Основные работы Локка: «Опыт о человеческом разумении» (1690), «разумность христианства» (1695), «О пользовании разумом» (1706), «Письма» и другие.

Не означает ли эта множественность смыслов невозможность обозначить смысловое поле культуры? Действительно, однозначного определения культуры дать не удалось. И все же еще в XVII столетии английский философ Джонн Локк (1632-1704), разработавший эмпирическую теорию познания в “Опыте о человеческом разумении” (1690, рус. перевод 1898), дал ориентиры для представления о системе “культура”. Треугольник Локка имеет своими вершинами природу, технику, семиотику. Культура у Локка – синоним общества.



Природа, очеловеченная трудом ради какой-то цели – та природа, с которой человек вступает в отношения, в своеобразный диалог. Техника у Локка (от греч. *techne* – искусство, мастерство) – не обязательно машины или орудия какой-то отрасли производства, но техника в общем смысле – накопленные человечеством в процессе развития умения и навыки. Семиотика – знаковая система, обозначающая смысл этой деятельности[6]. В таком описании так называемый треугольник Локка не только общество, но и культура. Общество существует, пока оно осмысленно, пока оно не потеряло связи с природой и продолжает твориться, пока оно сохраняет память. Утратившие память цивилизации, сколь бы ни был в свое время высок их технический уровень, мертвы. **Треугольник Локка – являет**

[6] Локк Д. Избранные философские произведения: В 2Т. - М., 1960. Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. - М., 1999. С. 15-16. В трактовке Ю.В. Рождественского так называемый “треугольник Локка” выглядит несколько иначе: природа

семиотика техника.

Это связано с разными задачами, которые ставят перед собой автор “Введения в культуроведение” и авторы “Межкультурной коммуникации”. Представляется, что принципиального расхождения здесь нет.

Владимир Иванович Вернадский (1863-1945) – русский философ, естествоиспытатель, основоположник антропокосмизма, генетический минералогии, биогеохимии и многих смежных наук гуманитарного и естественнонаучного циклов. Проф. Московского университета в 1898-1911 гг., академик Петербургской Академии наук, первый президент АН Украины, организатор и директор Радиевого института (1922-39) и Биохимической лаборатории. Получил Сталинскую премию в 1943 г. По научному кругозору и широте интересов приближается к титанам Возрождения. Развив теорию биосферы совместно с французским теологом и естествоиспытателем Пьером Тейяром де Шарденом (1881-1955), делает следующий шаг – признает неизбежность перехода homo sapiens из биосферы в ноосферу. Основные работы: Избранные сочинения. Т. 1-5. М., 1954-1960; Химическое строение биосферы Земли и ее окружение. - М., 1965; Философские мысли натуралиста. - М., 1988,; Биосфера и ноосфера. - М., 1989.

самое общее представление о культуре. В нем не выделено деление культуры на материальную и духовную.

5. От биосферы к ноосфере

В.И. Вернадский вслед за французским естествоиспытателем Ламарком (1744-1829) создал целостную теорию эволюции органического мира – биосферы. *Биосфера* (от греч. жизнь и шар) – земная оболочка, в которой живое вещество и неживое вещество, состоящее из геологических и физико-химических элементов, охваченных и организованных деятельностью жизнью вещества, составляют живой пласт планеты Земля. **В процессе эволюции** «в последние тысячелетия наблюдается интенсивный рост влияния одного вида живого вещества – цивилизованного человечества – на изменение биосферы. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в ноосферу»[7]. Новое состояние *ноосферы* – состояние осмысления, одухотворения биологической природы человека. Такой подход приближает В.И. Вернадского к мысли Б. Паскаля, изумлявшегося творческой возможности человека объять чувством и мыслью бесконечно превосходящий его мир. И у В.И. Вернадского «область человеческой культуры и проявление человеческой мысли – вся ноосфера лежит вне космических просторов, где теряется как бесконечно малое, и вне атомных ядер с миром их составляющих частиц, где она отсутствует как бесконечно большое»[8].

Культура у В.И. Вернадского не может завершиться и уничтожиться. Как французский теолог-естествоиспытатель Пьер Тейяр де Шарден, как русский религиозный философ и естествоиспытатель П.А. Флоренский, Вернадский выходит из области материалистического мира к космическим просторам Бытия.

[7] Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. - М., 1989. С. 185, 217.
[8] Там же

Вопросы и задания:

1) Найдите в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определение семиотики.

2) Почему для Робинзона Крузо золотые монеты после кораблекрушения потеряли ценность, но он их все-таки припрятал?

3) Приведите собственные примеры, в которых вы видите знаки удачи или беды.

4) Как Д. Локк соотносит природу и осмысленную деятельность?

5) Как понимал смысл В.И. Вернадский?

Проект:

Придумайте сценарий компьютерной игры, основанной на столкновении знаков культур.

Тема 3
Система «культура»

Ключевые слова:

культура, вариант, инвариант, фракталь, структура, система, суммативное множество, диссипативная структура, системный подход, прямые и обратные связи, артефакт, производитель, потребитель, традиция, реальность, корреляция, флуктуация, бифуркация

1. Варианты культуры

Существует несколько сотен определений культуры. И количество их продолжает расти. Можно говорить о доисторическом этапе культуры и о культуре XXI века, о технической культуре и культуре приготовления еды, о культуре исламского мира и культуре народа, насчитывающего сегодня лишь несколько десятков человек… Культуру подразделяют на материальную и духовную, распределяют по векам, этносам, отраслям знаний. Причина множества определений кроется во всевозрастающем интересе к культуре ученых, представляющих различные области знаний: каждая из наук выделяет в культуре как предмет своего изучения одну из ее сторон или одну из ее частей, подходит к исследованию со своими методами и способами, формулируя при этом свое понимание культуры и давая ей свое наименование.

Обилие обозначений наводит на мысль, что бесспорного корректного понятия культуры дать невозможно, что культуру нельзя однозначно определить, а можно лишь описывать, что мы имеем дело с *вариантами культуры*, предполагая при этом, что общее определение есть *инвариант культуры*.

2. Культура – фракталь

Поскольку *инвариант* системы «культура» является абстрактным обозначением одной и той же сущности, взятой в отвлечении от ее конкретных модификаций – варианты можно назвать видами культуры. Именно по этой причине стало общим местом в научной и учебной литературе утверждение о том, что культуру нельзя увидеть, услышать или попробовать. Инвариант «культура вообще», как и любая иная абстракция, принадлежит к сфере идеальной, а не ощутимой материальной реальности. Поэтому *структуру* системы «культура» можно представить и функционирование этой системы можно понять, но при этом систему «культура» нельзя «потрогать руками», чтобы ощутить ее физическое существование. Это касается и инвариантов системы «культура», принадлежащих, как и система в целом, к классу фрактальных объектов, или *фракталей*. **Так называют объекты, обладающие свойством самоподобия (масштабной инвариантности), проявляющегося в том, что меньший фрагмент структуры такого объекта подобен большему, а большой фрагмент структуры подобен структуре объекта, взятого в целом**. В нашем случае это означает подобие структур инвариантов видов и разновидностей системы «культура» инварианту структуры самой системы «культура». Так, система «искусство» или литература подобны системе «культура», как подобен макросистеме любой ее вариант. Фракталем по отношению к системе «культура» является язык. В природном мире фракталями можно назвать кучевые облака, отличающиеся по размерам, но подобные по строению.

3. Определение системы. Генезис

Во второй половине XX века среди новых направлений в науках, ищущих динамичные интегративные подходы к сложнейшим явлениям разных отраслей знания, обозначился и занял заметное место *системный подход*[9].

Людвиг фон Берталанфи (Bertalanffy, 1901-1972) – австрийский биолог, эмигрировавший в Канаду, создатель одной из первых общих теорий систем. Обобщив положения физической химии, кинетики и термодинамики, он построил общую теорию биологических организмов. Теория была доложена на конгрессе в Чикаго в 1937 году, но стала популярной лишь после Второй мировой войны. В 1954 году создано «Международное общество системных наук».

Система (systēma (греч.) – целое, составленное из частей, соединение), совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом. Система образует определенную целостность, единство. Основная особенность системы состоит в том, что сумма ее свойств больше суммы свойств, составляющих ее частей. Разработка теории систем связана с именем Берталанфи. Сегодня ей занимаются многие ученые.

[9] Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Методы изучения литературы. Системный подход. - М., 2002.

Системный подход применяется в математике, кибернетике, теории информатики, биологии, языкознании и множестве других наук. Сложность заключается в том, чтобы отделить простое скопление предметов от системного множества. Куча камней на поле, толпа на площади, рой пчел или гряда облаков на первый взгляд лишь *суммативное множество*. Его элементы явно не связаны между собой. Но при ближайшем рассмотрении в их сближении есть смысл. Камни сложил человек, готовящий поле для урожая, люди пришли на площадь ради политической демонстрации или на праздник, насекомые организованны инстинктом, тучи собираются к дождю… Современный ученый И. Пригожин признался, что долго искал пример суммативного множества и нашел его лишь в бездумном подбрасывании рукой человека камешков на берегу. Но и этот пример, по его словам, не вполне корректен. Берталанфи в «общей теории систем» заметил, что «**системы повсюду**».

4. От Локка к Гегелю

Мысль о том, что культура представляет собою систему, как и мысль о ее принадлежности к самоорганизующимся системам, не является чем-то новым для науки. Недостаток описаний системы «культура», которые имеются в научной литературе, состоит в том, что в них отсутствуют указания элементов, из которых она состоит, и связей между этими элементами. Его можно устранить, если учесть, что большинство исследователей сходится во мнении, что продукты культуры имеют двойное – духовное и материальное бытие, что любое произведение культуры – от колеса до современного компьютера – прежде, чем быть воплощенным в материале, возникло как идея в голове создателя. Принимая за исходную точку систему Локка, отметим, что в ней не выделено деление культуры на материальную и духовную.

Для определения феномена духовной культуры обратимся к другому философу – Гегелю.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (Hegel, 1770-1831) - выдающийся немецкий философ, представитель объективного идеализма.

Опираясь на понятие «развитие» Гегель создал теорию диалектики. Внутренним источником развития у Гегеля выступает противоречие, которое понимается как восхождение от абстрактного к конкретному. Противоречие Гегель описывает с помощью триады: тезис – антитезис – синтез.

Рассматривая искусство, философ фиксирует двойственность художественного произведения, имеющего материальный и идеальный аспекты.

Воспринятый читателем или зрителем, артефакт обретает свое инобытие в произведении искусства. Одним из первых Гегель подчеркивает значимость диалога сознаний.

Основные идеи Гегеля изложены в «Феноменологии духа» (1807), «Энциклопедии философских наук» (1817), литературе и искусству посвящена «Эстетика» (Т. 1-4).

Гегелю свойственно самое пристальное внимание к духовной культуре. Создатель универсальной схемы творческой деятельности, Гегель с помощью диалектического метода переосмысливает понятие культуры, вводя в него диалектический принцип *прямых и обратных связей*. Без этого принципа невозможно представить себе культурную коммуникацию. По определению Гегеля, искусство «распадается на произведение, имеющее характер внешнего, обыденного наличного бытия – на субъект, его продуцирующий, и на субъект, его созерцающий и перед ним преклоняющийся»[10].

При этом произведение может быть не только романом, сонетом, картиной или любым другим произведением искусства, но сельскохозяйственной мотыгой или сложной компьютерной программой. В нашем случае существенен не характер произведения, а то, что оно названо Гегелем в его триаде первым, т.е. главным, поскольку именно через него осуществляется связь между творцом и потребителем, который должен «преклоняться» перед произведением, иметь в нем потребность. Аборигену в Африке, возделывающему поле примитивными способами, нет нужды в компьютере, как у современного инженера в конструкторском бюро неуместна мотыга. В обоих случаях – и мотыга, и компьютерная схема – бессмысленны, не включены в коммуникативную цепь, не рассматриваются потребителем как предмет «восхищения» и не обнаруживают потому свойств предметов культуры.

Если произвести подстановку, обозначив вместо одного произведения бесконечный ряд предметов культуры, то и ряды производителей и потребителей тоже уйдут в бесконечность.

Производителем может быть Иванов, Петров, Сидоров, Smit, Duran, Mann, живущие сегодня в любой стране и жившие столетия назад, а глобально – народы, этносы, расы, производящие бесчисленное количество объектов культуры, имеющих значение и смысл для других Иванова, Петрова, Сидорова…, живущих, может быть, в совсем другую эпоху и «восхищающихся» изделиями рук ведомых им или неведомых творцов. Отсюда становится понятным гегелевское определение: «Культура представляет собой имманентный момент абсолютного и обладает своей бесконечной ценностью»[11].

Бесконечная ценность культуры есть ее инвариант. Но в мысли Гегеля не менее значим и другой оттенок. Определение имманентный (от лат. immanens – присущий) означает свойство внутренне присущее явлению, проистекающее из его природы. Культуре присуще свойство, отвечающее ее внутренней природе, **способность к коммуникации. В культуре и в коммуникации заложена возможность бесконечного расширения, диалога, прямых и обратных связей**.

---

[10] Гегель Г. Философия духа. Энциклопедия философских наук. - М., 1977. С. 383.
[11] Гегель Г. Сочинения: В 15 т. Т. VII. - М.-Л., 1934. С. 216.

Гегелевское определение системы «искусство» проясняет один из самых сложных вопросов: что можно считать произведением искусства, а что является только подделкой ловкого ремесленника, миражом «потребляющего субъекта», принимающего за шедевр картину, сонату, скульптуру, роман или архитектурное сооружение, которые могут быть названы лишь образцами плохого или неразвитого вкуса? Вопрос этот тревожит всех потребителей искусства.

По мысли Гегеля, ответ кроется лишь в субъективной оценке ценителя. Если он «преклонился», произведение для него становится произведением искусства. Другое дело, что для сторонних наблюдателей оно таковым не является, и чтобы избежать ошибки, не доверяя себе, потребитель искусства ищет подтверждения своему преклонению в общепринятом мнении, отмеченном **знаком**, которым может быть оценка специалиста, традиция, мода, имя уже известного художника, а то и просто цена. В ироническом эссе Т. Толстой «Биде черный с Вольтером» писательница выводит обманутого «ценителя», покоренного магией рекламы: «Вот он идет по территории Фрунзенской строительной ярмарки, король, Философ, Заказчик. … Он начитался журналов, в голове его – смутные картины благоденствия, туманные чертоги счастья, где «роскошь и элегантность доведены до совершенства и пребывают в гармонии», а чего ж им в ней не пребывать. Он идет напролом походкой вчерашнего комбайнера, – как горох, отскакивают с его пути другие Заказчики, – он идет и кричит в сотовый телефон: «Ну шо ты ноешь, шо ты ноешь по мобильному?! Ну сказал куплю, ну? Шо ты ноешь?» Что купит он сегодня себе и своей любимой, создавая «атмосферу спокойной размеренности» – «биде черный с декором золотым»? Кухню, «посвященную ценителям классики»? Или же затянет стены бильярдной «бледно-оливковым штофом с золотыми пчелками»?».

Но при всей ироничности над вкусами новоявленных богачей или скромных обывателей, преклоняющихся, как «Эллочка-Людоедка» перед роскошью миллионеров, знаменитых актеров и кинорежиссеров, остается в непреложности требование восхищения предметом «наличного бытия», той самой «кроватью вашей мечты», ванной с претенциозным названием «воля к покою», кафелем «с картиной Хуана Миро» и бачком для унитаза, «навеянного Дельфами», над которыми смеется Т. Толстая. **Восхищение потребителя означает обратную связь**, которой в глубине души все мы доверяем и зачастую не безосновательно, ибо можно восхититься и Венерой Милосской, и полотном импрессионистов, и архитектурой постмодерна Гауди в Барселоне, и скромной росписью на деревянной хохломской чашке, продаваемой на улице Большая Покровская в Нижнем Новгороде.

Модель системы Гегеля мы представим так:

субъект, продуцирующий произведение ⟷ Произведение ⟷ субъект, созерцающий произведение и перед ним преклоняющийся

а применительно к системе «культура»:

производитель ⟷ Артефакт ⟷ потребитель

5. Артефакт

Гегель не случайно назвал «произведение, имеющее характер внешнего, конечного, обыденного бытия» первым в своей триаде, хотя по логике первым в системе «культура» стоит производитель, и артефакту отводится место между создателем и потребителем. Но *артефакт* первый, потому что он *главный элемент системы*. Присутствие артефакта позволяет говорить о том, что культура есть преобразование человеком природы с целью проявить себя в статусе человека, творца, homo sapiens. В доисторической пещере первобытный предок сделал каменное орудие, помогающее ему в охоте. Еще раньше он мог просто употребить камень, догадавшись, как его использовать. Это тоже был артефакт.

С развитием цивилизации количество артефактов растет в геометрической прогрессии, заполняя культурный мир. С увеличением количества связано и усложнение артефактов. Все более усовершенствованные самолеты летают в небе, все новые марки автомобилей мчатся по дорогам, все более совершенные компьютеры сменяют старые модели. И при всей их несхожести **артефакты объединены тем, что они суть элементы системы «культура».** Вне системы артефакт становится просто камнем в пещере, металлоломом, сырьем для создания другого произведения. Пылящаяся на чердаке картина, если даже она написана знаменитым художником, временно или навсегда лишилась своей ценности. Греческая амфора – предмет гордости создавшего ее гончара – на дне моря только пристанище глубоководных рыб. Автомашина «Волга» сиротливо пристроившаяся в вестибюле Горьковского железнодорожного вокзала, взывает к потребителям с просьбой ее купить, воссоздать в качестве артефакта.

С артефактами происходят удивительные вещи. Они то входят в систему «культура», то выходят из нее и спустя время опять возвращаются. Так, амфора в музее, старый примус на витрине супермодного магазина, первая модель автомашины в коллекции миллионера свидетельствуют, что у них нашелся ценитель, вернувший им смысл и имя артефакта. Но для этого нужно то «предпоминание», о котором говорил философ Гадамер, начертавший герменевтический круг. Именно **благодаря артефакту система «культура» становится центрированной системой.** Через артефакт осуществляется коммуникация в системе «культура».

6. Автор-производитель и потребитель

Судьбу артефакта определяют автор и потребитель, стоящие на входе и выходе системы «культура». Связанные наличием артефакта, только благодаря ему они получают собственный статус. С другой стороны, судьбу артефакта определяет диалог их сознаний. Если автор не учел, что характер его произведения еще не известен потребителю, последний может оказаться в положении мартышки из басни И.А. Крылова «Мартышка и очки». В этом случае произведение либо не будет использовано потребителем, либо окажется использованным совсем не так, как предполагал автор. Отсюда с неизбежностью вытекает потребность в многочисленных «инструкциях по применению» и «указаниях к использованию», которые прилагаются к новым приборам, механизмам и т.п. в технике. Но здесь же кроется и источник их аналогов в искусстве: «Для того чтобы слушатель и читатель был предупрежден, что он имеет дело с поэзией, которой присуща художественная условность, а не с прозой, предполагающей предметную практичность, его предварительно ставят об этом в известность». В качестве знака может выступать деление на строфы и рифма. В другом случае здание театра, где играют пьесы, подскажет прохожему, что он может в нем посмотреть спектакль. Подзаголовок в книге – детектив, фантастическая повесть, исторический роман тоже служат своеобразным предупреждением.

Создают произведения отдельные люди – ремесленники, художники, актеры, рабочие, производственные коллективы – колхозы, фабрики, заводы, или этнические общности. «У народа, у языкотворца, умер звонкий забулдыга-подмастерье», – написал В. Маяковский, отозвавшись на смерть Сергея Есенина.

В качестве артефакта может представать и языковой мир. В таком случае и его потребителем выступает также народ. Но и потребитель с производителем системно связаны. Ни один ремесленник не станет делать обувь, мебель или пуговицы, если не надеется найти для них покупателя. Архитектор, создавая проект, привязывает его к определенному месту и учитывает вкусы и возможности заказчика. Писатель, мысленно разговаривая со своим потенциальным читателем, создает книгу. Если даже он не рассчитывает ее издать или по каким-то причинам не рекламирует, а прячет свое детище, избегая диалога, он предполагает диалогические отношения, общение с будущим потребителем. Так писал свои мемуары герцог Сен-Симон, придворный французского короля-Солнца Людовика XIV, оставивший одно из самых глубоких и интересных тайных свидетельств версальской жизни XVII века, разыскиваемое шпионами короля. Так прятал «в стол» дневники сталинского времени русский писатель Пришвин. Так читала «Поэму без героя» Анна Ахматова, сохранившуюся в памяти слушателей и напечатанную после смерти вождя.

И все они зависели от той реальности, которая определяет бытование системы «культура».

7. Традиция и реальность

Артефакт создается с учетом традиции. Предшественника имел и создатель каменного топора, и гончар в греческих Дельфах, и ткач гобеленов, и изобретатель велосипеда, и Калашников. Когда Шекспир слагал свои сонеты, он знал об итальянской поэзии сладостного стиля. Когда герой рассказа Чехова несчастный мальчик Ванька Жуков писал «на деревню дедушке», он помнил о сельском этикете эпистолярной прозы. И все мы, начиная письмо, тоже учитываем *культурную традицию*. Традиция эта определяет характер артефакта. Самое ее нарушение дает знак потребителю, что он имеет дело с созданием какой-то новой традиции, не отменяющей полностью сложившуюся. Создатели кубизма художники Брак и Пикассо, ломая привычные, ренессансные каноны живописи, использовали традиции негритянской скульптуры. И писали свои полотна они на холсте и красками, как это делали до них поколения живописцев. Архитекторы-конструктивисты, совершая революцию в архитектуре и заменяя прежнюю систему несущих конструкций железобетонными столбами, не отменили взаимосвязи функциональных и эстетических начал, пользы, прочности и красоты, провозглашенной еще в античности и сохраняющей свое значение сегодня.

Культурная традиция и экстракультурная реальность – сферы существования системы «культура». Та же революция в архитектуре, о которой только что шла речь, была обусловлена реальными потребностями жизни, ростом городов с их заводами и вокзалами, необходимостью предоставить жилье сотням тысяч вчерашних крестьян, переселяющихся в города. Реально существующий рынок диктует производителю темп и качество создания артефактов. Всем известно выражение – «спрос определяет предложение». Тысячью нитей связан артефакт с обстоятельствами реальной действительности.

Реальность – момент абсолютного бытия, меняющаяся в разной этнической среде, в каждый исторический период, сегодня, ускользающая в прошлое и обещающая день завтрашний. Изменчива и традиция. Модель системы «культура» имеет вид:

Все элементы системы «культура» соединены прямыми и обратными связями. Все они в свою очередь являются сложными системами.

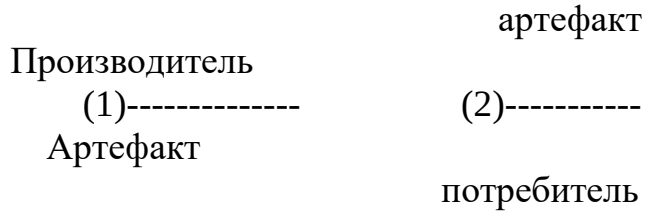
Никакой создатель культурных ценностей не начинает деятельность с «чистого листа». Гончар уже знаком с гончарным кругом. У виртуоза-скрипача есть ноты и музыкальный инструмент. Первые земледельцы и охотники на земле тоже знали традиции своего дела, уходящие в бесконечную даль времен. Они ориентировались на традицию, *традиция* влияла на них, как влияла и влияет она на потребителя, сверяющего свои представления о культурной ценности продукта с известными ее качествами: надежность, полезность, красота. И с изменением потребностей и вкусов потребителя меняется традиция, чему можно привести тысячи примеров из самых разных областей техники, ремесла, искусства. Меняется реальность. Меняется продукт. Меняется производитель. «Бесконечная ценность культуры» предстает в имманентном, внутренне свойственном предмету моменте.

Для племен черной Африки, затерянных в глубинах пустынь или лесов, современная техника бесполезна. Для нынешнего рабочего труд без подходящего инструмента представляется некультурным. Народная сказка до эпохи романтизма казалась грубой и глупой. Религия в советскую эпоху трактовалась как глупый вымысел, либо как опиум для народа. Иконы были черными досками и зачастую безжалостно уничтожались. Некрасов в стихотворении «Железная дорога» сетует на то, что Аполлон Бельведерский может быть «хуже печного горшка». И сегодня, сидя перед телевизором, одни зрители восхищаются мексиканскими сериалами, другие считают их пустыми либо вредными, созданными на потребу некультурной публике.

Лотмановский водораздел «культурное-некультурное» пролегает в сфере социально-исторической и психологической.

8. Корреляция в системе «культура»

В цепи элементов «производитель – артефакт – потребитель» есть два отношения: (1) «производитель – артефакт» и (2) «артефакт – потребитель», имеющих общий для них член «артефакт»:



Отношение «производитель – артефакт» зафиксировано в артефакте, а потому константно. Отношение «артефакт – потребитель» подвержено изменениям в силу неоднородности потребителей и разнообразия условий, в которых осуществляется потребление артефакта. Эти два отношения связаны между собой корреляцией.

Первое отношение – «производитель – артефакт» константно в силу единичности акта творения: оно может лишь отклоняться от первоначального вида по мере износа артефакта, но утрачивает его лишь в случае сильной деформации или порчи артефакта. Второе отношение – «артефакт – потребитель», напротив, изменчиво в силу неоднородности состава потребителей (в пространстве) и его непостоянства (во времени), обусловленного сменой поколений потребителей. Однако влияние на отношение «артефакт – потребитель» этих поддающихся прогнозированию факторов сочетается с влиянием многих случайных факторов. К последним можно отнести, например, возможности реализации артефакта, платежеспособность потребителя, изменения моды, социальные катаклизмы, войну, землетрясения и т.п.

Корреляция – вероятностная или статистическая зависимость. В отличие от функциональной зависимости, которая является частным случаем корреляции, **корреляция возникает тогда, когда зависимость одного свойства от другого осложняется наличием случайных признаков**.

Один из самых читаемых сегодня писателей Милан Кундера в романе «Невыносимая легкость бытия» говорит о том, что «наша каждодневная жизнь подвергается обстрелу случайностями. Точнее сказать, случайными встречами людей и событий, называемых совпадениями. «Со-впадение» означает, что два неожиданных события проходят в одно и то же время, что они сталкиваются».

Замысел автора создать произведение может не реализоваться или реализоваться самым неожиданным образом в силу не зависящих от автора, случайных, обстоятельств, а произведение, имеющее многовековую историю существования, может восприниматься в какой-то период времени отдельными потребителями или даже большинством их как нечто чуждое культуре и ее ценностям.

Приведем еще одну иллюстрацию. Шедевр русской средневековой архитектуры храм Покрова на Нерли (1165 г.) во время разлива реки оказывается со всех сторон окруженным водой. Он мог бы стоять в совсем ином месте или рухнуть, если бы под ним не оказалось слоя тугопластичной юрской глины, чем и воспользовались зодчие, обладавшие пониманием строительной геологии. Случай сыграл решающую роль в судьбе этого храма и в 1784 г., когда игумену Боголюбова монастыря потребовался камень для строительства колокольни и он получил разрешение на разборку древнего здания. От разрушения храм спасло лишь расхождение между игуменом и подрядчиком в цене за эту работу.

То обстоятельство, что зависимость отношения «произведение – потребитель» от отношения «автор – произведение» осложнена действием случайных факторов, позволяет говорить о присутствии здесь

вероятностной или статистической зависимости. Корреляция может быть более или менее тесной. Применительно к системе «культура» это означает ясно выраженную зависимость отношения «произведение – потребитель» от отношения «автор – произведение». Число, показывающее степень тесноты корреляции, называется коэффициентом корреляции. В целевых системах коэффициент корреляции стремится к единице. Производство человеком продуктов, предназначенных для потребления людьми, – целевая система, в которой интересы производителя могут не совпадать с интересами потребителя.

Из этого следует, что существует не однозначное соответствие отношений, а лишь **тенденция к такому соответствию**, и что проявляться она будет тем явственнее, чем шире – в пространстве и во времени – окажется круг потребителей артефакта. Иначе говоря, если производитель создал высококачественный артефакт, то у этого артефакта больше шансов получить признание потребителя, чем у низкокачественного, и в то же время у высококачественного артефакта меньше шансов оказаться непризнанным, чем у низкокачественного. При этом **решающую роль играет время**: смена поколений потребителей, это, как правило, и повышение требований к артефакту. Поэтому испытание временем является не только самым суровым, но и самым справедливым экзаменом, который приходится выдерживать претендующим на ценность артефактам.

Корреляция интегрирует цепь элементов «производитель – артефакт – потребитель» в систему, свойства которой несводимы к сумме свойств составляющих ее элементов. В системе «культура» каждый из элементов названного выше множества приобретает новое для него (системное или интегративное), которым он, будучи взятым вне системы, не обладает. Здесь артефакт, получивший признание потребителя, становится произведением культуры, производитель – автором, а потребитель – ценителем достояния культуры. Система производства и потребления артефактов тоже приобретает новое качество и становится системой производства и потребления культурных ценностей, системой «культура». Платой за такое повышение статуса системы оказывается ее «неравновесность»: появление артефакта, обладающего более высокими качествами, чем его предшественники, или изменение критериев оценки, которыми руководствуется потребитель, могут в любой момент привести произведение культуры на время или навсегда в разряд памятников истории культуры или в разряд культурной «макулатуры».

Вполне возможна система (такие системы существовали и существуют!), в которой нетребовательный потребитель воспринимает артефакт как произведение культуры, но эта система «квазикультура» имеет крайне низкий коэффициент корреляции, а потому недолговечна. Достаточно измениться вкусам потребителя, чтобы артефакт и система, в которой он функционировал, оказались обреченными на разрушение.

Такая судьба постигла, например, многочисленных гипсовых «девушек с веслом», которые еще недавно «украшали» почти все наши парки, имевшие водоемы. «Девушек с веслом», как правило, никто не снимал с пьедесталов. Они рассыпались, когда их перестали ежегодно покрывать масляной краской. Погибнуть может и подлинное произведение культуры, если исчезли его ценители или среди лиц, обладающих властными полномочиями, нет людей, преклоняющихся перед произведениями культуры. Примером тому может служить снос храма Христа спасителя (1837-1889) в Москве, который был разобран в 1930-е годы. Однако, если артефакт может существовать или уничтожаться, то система «культура» демонстрирует удивительную жизнестойкость в силу присущего ей высокого коэффициента корреляции.

Говоря о возможности функционирования нехудожественных текстов в качестве художественных, Ю.М. Лотман заметил, что бывает случай, когда «писатель создает текст не как произведение искусства, но читатель воспринимает его эстетически (например, современное восприятие сакральных и исторических текстов древних и средневековых литератур)»[12]. Учитывая наблюдение Ю.М.

Илья Пригожин (Вишман) (1917-2003) родился в Москве в семье инженера-химика. Раннее увлечение музыкой сформировалось под влиянием матери-пианистки («Я научился читать ноты раньше, чем слова»). Переезд семьи в 1921 году в Литву, а затем в Германию и Бельгию породили, по словам Пригожина, «острую восприимчивость к переменам». Колебание в выборе карьеры концертирующего пианиста, профессионального философа, биолога и математика разрешились в пользу термодинамики. В 1943 г. бакалавр естественных наук защищает диссертацию о значении времени в термодинамических системах. Пригожина особенно интересуют неравновесные открытые системы, в которых материя либо энергия обмениваются реакцией с внешней средой. Пригожину принадлежит теория диссипативных структур, согласно которой неравновесность может служить источником организации и порядка. В 1977 г. Пригожин получил Нобелевскую премию за работы по термодинамике и «особенно за теорию диссипативных структур». В работах Пригожина осуществляется преодоление разрыва между математическими, биологическими и социальными сферами исследований, наукой и искусством. Его называют «поэтом термодинамики».

И. Пригожин – член Российской, Бельгийской, Нью-Йоркской, Румынской и др. академий, почетный профессор многих университетов, в т.ч. и Московского. Диапазон его интересов – термодинамика, история, археология, философия, литература, музыка. Научные работы пишет на английском языке. На русский язык переведены: «Введение в термодинамику необратимых процессов», «Неравновесная статическая механика», «Термодинамическая теория структуры, устойчивости к флуктуации», «Самоорганизация в неравновесных системах» (совместно с Г. Николисом) (М., 1979) и др.

[12] Лотман Ю.М. Структура художественного текста. - М., 1970. С. 347.

Лотмана о том, что «искусство XX века принципиально разрешает включать газетный текст в поэзию или иными способами использовать нехудожественные тексты в функции художественных», можно объяснить восприятие в XX-XXI вв. сакральных текстов, исторических сочинений античных авторов и средневековых хроник в роли увлекательного чтения.

В результате корреляции в культуре устанавливаются вероятностные отношения, которые оперируют возможностью событий, но не сводят реальные индивидуальные случаи к выводимому точно предсказуемому следствию. Отсюда проистекает следующее важнейшее свойство культуры.

9. Культура – самоорганизующаяся система

В процессе функционирования культура способна сама менять свою структуру. Способность эта проистекает в связи с открытостью системы и наличием в ней обратных связей. Известно, что попытка внедрить артефакт, заставить потребителя предпочитать именно его наталкивается на непреодолимую преграду. Так, запрет покупать импортные марки автомобилей и распоряжение правительства, предписывающее государственным чиновникам «пересесть» на отечественную «Волгу» не дало ожидаемого результата. Члены Государственной Думы и министры вскоре снова оказались в «Мерседесах» и «Вольво». Запрет на критику коммунистической идеологии породил волну политических анекдотов. Реформа чистоты русского языка не может искоренить ненормативной лексики.

10. Культура – открытая, неустойчивая система

На входе и выходе система «культура» сообщается через производителя и потребителя с окружающей ее средой. Рассмотрение подобных систем стало объектом особого интереса И. Пригожина. И. Пригожин различает два типа систем: 1) равновесные и 2) *диссипативные*. Типичным примером равновесных структур он называет кристалл, в котором связи образуются и поддерживаются при незначительном отклонении от равновесия[13]. Диссипативные структуры неравновесны, способны к рассеиванию (см. фр. глагол dissiper). Системы могут быть с одной или несколькими стационарными состояниями. Чем больше стационарных состояний, тем устойчивее, но и более закрыта система.

Примером такой устойчивости системы в культуре может служить, например, французский классицизм. Требование для драматургов трех единств – времени, места и действия, нормативности александрийского стиха, жестких правил игры трагических актеров, соблюдаемых в XVII

[13] Гленсдорф П., Пригожин И. Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций. - М., 1973. С. 10-11.

столетии, оказались отброшенными в эпоху Романтизма, вызвав эстетический протест и художников, и публики.

Активность культуры – ее привлекательное и опасное свойство. В ней «неравновесные связи являются sine qua non условием самоорганизации, но самоорганизация, в свою очередь, изменяет роль и смысл связей»[14]. При доминировании прямых связей устанавливается неэффективная система запретов. Преобладание обратных связей приводит к раскачиванию системы и в пределе к установлению хаоса.

11. Флуктуация и бифуркация в системе «культура»

Колебания, флуктуации (от лат. fluctuatio – колебание) в системе «культура» происходят в результате случайных отклонений мгновенного значения артефактов от их средних значений. *Флуктуация* осуществляется под воздействием реальности и до определенного времени не разрушает систему. Но флуктуации могут привести к ветвлению путей эволюции системы, к *бифуркации* (от лат. bifurcus – раздвоенный) и появлению кризиса.

В качестве примера И. Пригожин приводит ситуацию в России накануне октябрьского переворота. Конец царского режима мог принять различные формы. Ветвь, по которой пошло развитие, была результатом действия множества факторов, таких, как отсутствие дальновидности у царя, непопулярность его жены, слабость Керенского, насилие Ленина. Именно эта микроструктура, эта «флуктуация» обусловили в итоге разрастание кризиса и все последующие события»[15].

С другой стороны, существуют относительно устойчивые состояния, которые как бы притягивают к себе пути развития системы, определяемые разными начальными условиями. Обычно в таких случаях наблюдается ускоренное развитие системы – режимы с обострениями, когда идет лавина новаций, имеющих большую культурную ценность.

Один и тот же артефакт может порождать бифуркацию, резко расходящиеся по отношению к добру и злу ветви развития системы. Примером может служить создание синтезированных (дешевых) наркотиков, которые стали и великим добром (в медицине), и величайшем злом (наркомания) для человека. То же самое можно сказать и об относительно дешевом, а потому доступном для многих стран, оружии массового уничтожения, которое удерживало от развязывания мировой войны (добро) и приносило беды человечеству (зло): хаос на микроуровне при стабилизации порядка на макроуровне, потому что война – это всегда хаос (зло).

И. Пригожин убежден, что «мы приближаемся к точке бифуркации, которая связана с прогрессом в развитии информационных технологий и

---

[14] Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. - М., 1994. С. 67.

[15] Пригожин И. Кость еще не брошена. Послание будущим поколениям // Наука и жизнь. № 11, 2002.

со всем тем, что к ним относится, как то: средства массовой информации, робототехника и искусственный интеллект. Это общество с сетевой структурой (networked society) с его мечтами о глобальной деревне.

Но каким будет результат этой бифуркации? На какой ее ветви нам предстоит обнаружить самих себя? Каким будет результат этой глобализации?»[16]

Понятие глобализации культуры многозначно. Уже римские императоры мечтали о единой культуре, которая господствовала бы в мире. О единой социалистической культуре мечтали коммунисты. Новая информационная культура интернета сегодня становится реальностью. Мы – в точке бифуркации. К чему она приведет? К развитию медицины и экономики? К ущемлению индивидуального творчества? Установлению насилия? Торжеству демократии? По мысли И. Пригожина, будущее культуры зависит от каждого человека, «кость еще не брошена».

Вопросы и задания:

1) Как вы понимаете выражение: культура – фракталь?
2) Почему культуру можно назвать инвариантом?
3) Что нового внес в теорию систем Гегель?
4) Почему артефакт – главный элемент системы «культура»? Какова в ней роль коммуникации?
5) Какова роль традиции и реальности в системе «культура»?
6) Почему культура – открытая, диссипативная, самоорганизующаяся система?
7) Что означает корреляция в системе «культура»?
8) Какую роль играют флуктуация и бифуркация в искусстве, языке, общественной жизни?
9) Как осуществляется флуктуация в языке современных художественно-развлекательных программ и языке телерекламы?

Проект:

1) Проанализируйте события, предшествовавшие распаду СССР, укажите на примеры флуктуации и бифуркации.

2) Дайте собственный прогноз развития политической ситуации в России после очередных парламентских и президентских выборов.

3) Охарактеризуйте флуктуацию в языке на примере новых ассоциаций со словом «демократия».

[16] Там же

Тема 4
Культура и коммуникация

Ключевые слова:
коммуникативная система, вербальная и невербальная коммуникация, герменевтический круг, смысловая конвергенция, диалогизм, адресант, адресат, код, контекст, шум, контакт

1. Коммуникация в мире животных и в технике

Термин «*коммуникация*» (лат. communicatio) означает: 1) Акт общения между двумя и более индивидами, основанный на взаимопонимании, сообщение информации одного лица другому или многим лицам. 2) Форму связи, путь сообщения.

Коммуникация в технике существует в форме *контактов* (лат. contactus). Это соприкосновение, тесное общение проводников тока, взаимодействие в работе механизмов, напряжение, рожденное разницей потенциалов металлов и др.

Коммуникация существует *в природном мире*. П.А. Кропоткин, признанный теоретик анархизма, видел, однако, в коммуникации людей и животных один из главных законов жизни. В сочинении «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса» он с убеждением писал, что «змеи и птицы ... звери и насекомые, ящерицы и рыбы – все понимают друг друга и постоянно сообщают друг другу свои наблюдения»[17].

Примеры поведения пчел, муравьев, млекопитающих, особенно обезьян, убеждают, что уже на дочеловеческой стадии в коммуникации животных проявляются общительность и деятельностный характер. И все же действуют они благодаря инстинктам. Французский филолог Э. Бенвенист, труды которого представляют целое направление в лингвистике, посвятил обширный раздел своей книги проблемам коммуникации. В поле его пристального внимания оказывается поведение пчел. Ученый отмечает изумительную организацию их колоний, согласованность действий, способность коллективно реагировать в непредвиденных ситуациях. Особенно любопытно то, каким образом пчелы передают сведения об источнике пищи. Пчела находит нектар, насыщается и возвращается в улей. Спустя некоторое время на то же место прилетает группа пчел, извещенных сборщицей, «причем они были информированы с большой точностью, поскольку без проводника добираются до места, всегда находящегося за пределами видимости улья, а часто и на большом от него расстоянии. В определении местонахождения не бывает ни ошибок, ни колебаний: если сборщица выбрала один цветок среди прочих, который равным образом мог бы ее привлечь, пчелы,

[17] Кропоткин П.А. Этика. - М., 1991. С. 64.

вылетевшие после ее возвращения, направляются на выбранный ею цветок, не обращая внимания на другие. Очевидно, пчела-разведчица указала своим товаркам место, откуда она прилетела».

Рассуждая о том, каким способом насекомому это удается, Э. Бенвенист ссылается на тысячи опытов ученых-зоологов, доказавших, что вернувшиеся пчелы исполняют особые «танцы», играющие роль «акта коммуникации», «настоящие сообщения, с помощью которых улей извещается об открытии»: танец по кругу говорит, что местоположение корма находится недалеко от улья, танец «восьмеркой» дает информацию о дальнем расстоянии, направление обозначает «ось восьмерки». Но, признавая определенное сходство коммуникации пчел с человеческой коммуникацией, Э. Бенвенист настаивает на фундаментальном отличии коммуникации в животном мире и человеческом обществе. В поведении животных есть лишь «сигнальный код» и нет диалога[18].

2. Виды коммуникации

Существует *вербальная и невербальная коммуникация. Невербальная коммуникация – тактильная, сенсорная, визуальная, кинетическая* и др. сближает поведение человека и животного.

Интерес к изучению невербальной коммуникации в последние годы постоянно растет. Это связано как с общенаучными потребностями, так и со стремлением использовать язык животных в решении практических, в частности военных, стратегических, задач. Психологи выделили около двадцати невербальных средств общения, многие из которых совпадают у человека и животных. *Жесты, позы, выражение лица и глаз, расстояние между коммуникантами, акустические* (не связанные с речью) *средства*, *тактильные* (через прикосновения) *средства общения, запах, реакции кожи* (побледнение, покраснение), *выбор одежды и манера ее носить* («по одежке встречают...»), *выбор домашней обстановки, бытовых предметов, автомашин* и проч. – могут рассматриваться как сообщения.

Имеют смысл движения головы, рук и всего туловища. Кивок означает согласие, горизонтальное движение – сомнение и несогласие. Улыбка бывает доброй, злой, «кусачей», снисходительной... Позы – приличными и непристойными. Тот, кто бывал на Западе, мог заметить, что на рекламных щитах, содержащих фотографии, лица как бы разделены на две половины. Сухой, часто настороженный или грустный взгляд контрастирует с широкой лучезарной улыбкой. В последнее время и в отечественном сервисе культивируют привычку улыбаться клиентам. Однако она прививается туго. У русских на этот счет существует выражение – «фальшивая улыбка». Самый известный случай расхождения национального жеста обычно приводят, когда говорят о болгарском и русском согласии-несогласии, обозначаемом прямо противоположными

[18] Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М., 2002. С. 97-114.

движениями головы. Примеры национальных несовпадений, выражаемых средствами тактильной коммуникации, насчитываются сотнями. Поцелуй, пожатие руки, хлопанье по плечу, объятие означают разное у разных народов. Сегодня телевизионная реклама пива предлагает разные модели коммуникации – по-японски, по-американски и по-русски (широко, размашисто, с почти ритуальной пляской). Несовпадение национальных словарей жестов подобно, аналогично несовпадению «языковых миров».

Запахи – важнейшие коммуникативные знаки в мире животных – привлекают или отталкивают также и людей. Аромат духов, сигарет, запах алкоголя свидетельствуют о привычках и социальном статусе мужчин и женщин. Смех, плач, зубовный скрежет – ярко выраженные виды акустической коммуникации.

Скромная или вызывающая манера носить одежду – тоже знаки. Возможность отличить и отделить «своих» от «чужих» особенно широко используется в молодежной среде, зачастую вызывая культурный шок у лиц, к ней не принадлежащих.

Столь же коммуникативно значимы поклоны. Вспомним знакомую с детства «Сказку и рыбаке и рыбке», вспомним исторически достоверные описания прибытия персидских послов к французскому королю-Солнцу Людовику XIV. За поклоны миловали и лишали «живота». Язык жестов историчен, национален, социален, имеет возрастные и гендерные характеристики.

3. Коммуникация среди людей

В основе человеческого общения лежит «взаимная нуждаемость», обусловленная природой человека, ощущающего потребность искать восполнение своей «неполноты» в другом человеке. Процесс коммуникации выполняет задачи:

1. Установления контактов между людьми.
2. Обмена информацией и договора о совместной деятельности.
3. Понимания другой личности.

Человеческая коммуникация имеет смысл.

Различают: 1) внутрикультурную коммуникацию а) на уровне одного вида и б) разных видов культуры; 2) межкультурную коммуникацию.

Коммуникация в культуре – потребность только человека. *В системе «культура» коммуникация есть взаимодействие элементов между собой и всей системы со сложившимся способом производства и потребления продуктов культуры.*

Система «культура» – вид коммуникативной системы. В ней задана возможность герменевтического круга, интерпретированного Х.-Г. Гадамером как круг онтологический. «Круг» Гадамера имеет не формальную природу, он не субъективен и не объективен, он описывает понимание как взаимодействие двух движений: традиции и истолкования.

В схеме система «культура» мы вычленим три элемента: артефакт, потребитель, традиция. Из этих трех элементов образуется герменевтический круг. Потребитель, «оглядевшись» на традицию, оценивает продукт как артефакт. Обратим внимание на то, что и здесь стрелки указывают на движение в двух направлениях, на прямые и обратные связи.

Ханс-Георг Гадамер (Gadamer, 1900-2002) – немецкий философ, прозванный великим старцем, Гегелем XX века, создателем философской герменевтики. Исходя из концепции «понимающей психологии», «теории горизонта» и учения о языке, Гадамер развил науку об интерпретации и понимании. Читал университетские и публичные лекции в Лейпциге, Гейдельберге и Франкфурте. В монографии «Истина и метод» изложил главное положение герменевтики: «знать – не значит понимать». В сборнике статей «Актуальность прекрасного» писал о кризисе западной культуры («Неспособность к разговору», «Онемение картин»). Его особенно беспокоила роль телевидения – великой силы, не прирученной культурой и действующей как стихия, часто разрушительная.

Основные труды: «Истина и метод», «Актуальность прекрасного».

В трактовке Х.Г. Гадамера процесс понимания привносит обратную связь.

В основе понимания лежит «предпонимание». Так, черепки в античных раскопках скажут историку о греческой амфоре, которую он поместит в музей, и окажутся просто сором для простого огородника,

выкопавшего их на своем участке. «Предпонимание» может сопровождать музыкальную цитату, подсказавшую оркестранту симфонию. Строка поэта напомнит весь сонет. Слесарь по детали воссоздаст для себя всю машину. «Предпонимание» в *коммуникативной системе* – это «оглядка» на традицию, на коллективный или собственный опыт, на память. «Предпонимание» зависит от уровня образования, «сметливости» (как называл подобное свойство человека Д. Локк), интуиции. В системе «культура» понимание обеспечивает коммуникацию[19]. Разрыв коммуникативной цепи лишает артефакт смысла.

«Круг» Гадамера содержит принцип дополнительности, вскрывающей смысл. Это подтекст в пьесах А.П. Чехова, это кино построенное на сочетаемости текста и движущейся фотографии, это и элемент бытового диалога, в котором невербальное выражение дополняет речь. На принципе дополнительности построена связь кино с театром. Телевидение – самый сложный вид коммуникации, в которой объединяются изображение, музыка и словесный текст в письменной и устной форме.

Степень «предпонимания» может быть очень разной – от глубинной до примитивной, лежащей на поверхности, фиксирующей сложившиеся стереотипы, как это делает современная телереклама: «Кто пойдет за Клинским?».

4. Модели коммуникации

Существует множество моделей культурной и межкультурной коммуникации. Их обилие связано с бесчисленностью определений культуры, с вариативностью подходов к культуре, с научным уровнем и психологическими свойствами коммуникантов. Создатели учебников и учебных пособий, естественно, стремятся их ограничить[20].

Мы остановимся на трех моделях, исходя из принятых общефилософского, семиотического (знакового) и математического подходов. Три модели коммуникации – это три точки зрения на коммуникацию, которых в самом деле может быть сколь угодно много.

1. Философская модель

В человеческом обществе коммуникация предполагает «услышанность» и ответность. Мы ставим на первое место философскую модель М.М. Бахтина и потому, что философия универсальная наука о принципах бытия и познания, об отношении человека к миру, и потому что русский ученый создал наиболее общую модель коммуникации, отражающую одну из самых значимых концепций в философии.

---

[19] Бочкарев А.Е. О факторе понимания в коммуникации // Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. - Нижний Новгород, 2001. С. 53-73.

[20] Так, Г. Почепцов предлагает 25 моделей. Почепцов Г. Теория и практика коммуникации. - М., 1998.

Михаил Михайлович Бахтин (1895-1975) – выдающийся русский философ и филолог, создал ряд принципиально новых концепций, охватывавших проблемы теории и истории культуры. Михаил Бахтин родился в Орле. Он происходил «из семьи дворянской и очень древней» (Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. - М., 1996). Бахтин учился в Виленской гимназии, в Одесском университете, а затем – на классическом отделении историко-филологического факультета Петербургского университета. В круг друзей М.М. Бахтина входили литературовед Л.В. Пумпянский, философ-неокантианец М.И. Каган, пианистка М.В. Юдина. Учениками М.М. Бахтина были П.Н. Медведев, автор книги «Формальный метод в литературоведении» (1928), и В.Н. Волошинов, опубликовавший работу «Марксизм и философия языка» (1929).

Арестованный и сосланный в Казахстан, М.М. Бахтин лишь чудом остался в живых. Он был лишен возможности жить в Москве, Ленинграде и других крупных городах. Долгие десятилетия Бахтин преподавал литературу в средней школе и в Саранском педагогическом институте. Ученому так и не дали защитить докторскую диссертацию, посвященную творчеству Ф. Рабле и народной культуре средневековья и Ренессанса. Лишь в самом конце жизни он получил возможность переехать в Москву.

Центральной идеей, объединяющей труды М.М. Бахтина, является диалогизм. По мнению философа, «подлинное понимание всегда исторично и персонифицировано».

М.М. Бахтина интересует не языковое предложение, а речевое высказывание, причем «…границы каждого конкретного высказывания …определяются *сменой речевых субъектов*». Ученый ставит проблему «чужого» слова, «чужой речи». Соответственно и произведение он воспринимает как «звено в цепи речевого общения», направленное на «активное ответное понимание».

Основные идеи М.М. Бахтина сформулированы в книгах: «Проблемы поэтики Достоевского»; «Эстетика словесного творчества»; «Вопросы литературы и эстетики»; «Литературно-критические статьи»; «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса».

Философская модель может быть построена, исходя из концепции М.М. Бахтина. Коммуникативные отношения у М.М. Бахтина – это диалогические отношения, которые ученый определяет как особый тип смысловых отношений, выходящих за рамки реального диалога, будь то житейская беседа, научная дискуссия или политический спор. Модель, которую можно себе представить, исходя из концепции М.М. Бахтина, «работает» и при наличии пространства и времени, отделяющих коммуникантов достаточно далеко. Это, к примеру, может быть диалог современного философа с Платоном или «разговор» собеседников, вообще ничего не знающих друг о друге. Необходимое условие коммуникации – «смысловая конвергенция», требующая ответного понимания, внутреннего согласия[21].

Философская модель М.М. Бахтина есть «диалогическая система», состоящая из трех элементов: адресанта, адресата и «третьего», понимающего. М.М. Бахтин называет «третьего» «высшим нададресатом» и усматривает его в Боге, абсолютной истине, совести, народе, суде истории и др. Самое страшное, полагает философ, «не быть

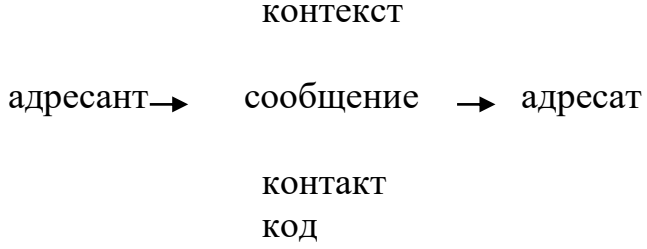
[21] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1986. С. 320-325.

услышанным». Неудачными коммуникантами могут быть и политик, и избиратель, кондуктор и пассажир, декан и студент.

Неуслышанность – трагедия эпох, народов, великих изобретателей и их изобретений и просто двух людей, которые не могут быть или не хотят понять друг друга. Во время войн, революций или политического террора неуслышанность возрастает. Внук Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого (Святителя Луки) приводит документальную историю из биографических записок деда о событиях 1937 года: чекистами «был изобретен так называемый допрос конвейером, который дважды пришлось испытать и мне. Этот страшный конвейер продолжался непрерывно день и ночь. Допрашивающие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днем, ни ночью. Я опять начал головку протеста и голодал много дней. Несмотря на это, меня заставляли стоять в углу, но я скоро падал на пол от истощения. У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации, сменявшие одна другую». После этих и многих других испытаний начальник секретного отдела ожидает, что заключенный подпишет сочиненную ложь о шпионаже епископа. Но Войно-Ясенецкий «только посмеялся над этими требованиями»[22]. В приведенном и многих других эпизодах епископ и его мучители не слышат друг друга. У них разный «Третий»: вера в Бога и распоряжение начальства. Коммуникацию можно отобразить не только в философской модели. Не менее известна лингвистическая модель.

2. Лингвистическая модель Р.О. Якобсона

Модель Р.О. Якобсона содержит шесть основных компонентов: адресант, посылаемое сообщение, адресат, контекст, контакт, код:



[22] Лисичкин В.А. Крестный путь святителя Луки. Подлинные документы из архивов КГБ. – М., 2001. С. 336-337.

Роман Осипович Якобсон (1896-1982) – выдающийся лингвист и литературовед, один из создателей Общества по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ), участник Пражского лингвистического кружка, крупнейший представитель структурализма, применивший идеи кибернетики и информатики к теории литературы и искусства. Якобсон окончил славянско-русское отделение Московского университета (1914). Он входил в круг русского авангарда, хорошо знал В.В. Маяковского, Б.Л. Пастернака, О.Э. Мандельштама, К. Малевича и многих других художников и поэтов. После эмиграции Р. Якобсон преподавал в крупнейших университетах Америки и Европы.

Идеи европейского авангарда, знакомство с основами феноменологии Э. Гуссерля и теорией относительности А. Эйнштейна утвердили раннего Якобсона в том, что «объект исследуется не в самом себе, а в связи с тем, как его наблюдает и воспринимает субъект».

Вместе с Ю.Н. Тыняновым Р.О. Якобсон формулирует гипотезу о «системном характере» языка и литературы, подготовившую позднейшие исследования проблем художественной коммуникации. Специфика художественной коммуникации заключается в «направленности… на *сообщение* как таковое», в сосредоточении внимания «на сообщении ради него самого».

Основные работы Р.О. Якобсона по поэтике и лингвистике собраны в следующих книгах: «Избранные работы», «Работы по поэтике».

Адресант – отправитель сообщения, *адресат* – получатель сообщения, «контекст должен восприниматься адресатом, и либо быть вербальным, либо допускать вербализацию; *код* (code), полностью, или хотя бы частично общий для адресанта и адресата (или, другими словами, для кодирующего и декодирующего); ... *контакт* (contact) – физический канал и психическая связь между адресантом и адресатом, обслуживающая возможность установить и поддержать коммуникацию»[23].

В модели языковой коммуникации, как и в технических системах связи, большое значение имеет «*шум*» – помехи в коммуникации, имеющие разный характер. «Шум» может привести к разрыву коммуникации, а также к возникновению иной коммуникативной системы.

3. Кибернетическая модель

Норберт Винер (Wiener, 1894-1964) – американский математик и философ, сформулировавший основные положения кибернетики и теории вероятности. Первые исследования Винера посвящены логике, затем он занимался биологией, математикой и информатикой. Для Винера характерно стремление к междисциплинарному синтезу. Основные работы: «Кибернетика и общество», «Творец и робот», «Кибернетика, или Управление и коммуникация у человека и животного».

В условиях развития техники с открытием возможностей диалога человека с машиной в XX веке родилась новая модель. Кибернетика (искусство управления) стала наукой о закономерностях передачи информации в машинах, живых организмах и обществе. Создатель кибернетической модели – Н. Винер.

[23] Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». - М., 1975.

В модели Н. Винера отмечается не только необходимость обратных связей, но и значение прямых связей. При доминировании обратной связи система может разладиться: «Чрезмерная обратная связь столь же серьезное препятствие для организованной деятельности, как и недостающая обратная связь»[24]. В медицине Винер называет это поражением участка мозга, мозжечка, вызывающего дрожание конечностей, тремор. Сочетание прямых и обратных связей обеспечивает нормальную работу машины, как и других систем, в том числе сложных биологических организмов и систем управления:

научение

человек ↔ машина ↔ человек ↔ машина…

Н. Винера волновали и социальные проблемы. Идеи коммуникации в технике он связывал с идеями организации общества. Дефектом американского социума он называл отсутствие обратных связей, преобладание жестких порядков, ведущее к возникновению эгоизма, подавлению личной инициативы внутри корпораций, обрыв межэтнической коммуникации: «Большинство американцев предпочитают жить в сравнительно свободном обществе, где барьеры для связи между индивидуумами и классами не слишком велики. Я бы не сказал, что этот идеал связи осуществлен в Соединенных Штатах… Бизнесмен, отгораживающий барьером подхалимов от своих служащих, или глава крупной лаборатории, навязывающий каждому своему подчиненному определенную задачу и не желающий предоставить ему привилегию самостоятельного мышления, чтобы тот мог пойти дальше своей непосредственной задачи и понять ее место в разработке всей проблемы – эти люди своими поступками показывают, что демократия, которой они отдают дань уважения, не является действительно тем строем, при котором они предпочитали бы жить. Регламентирование предписанных функций, к которому они тяготеют, заставляет вспомнить автоматы Лейбница и не допускает необратимого проникновения в вероятностное будущее – проникновение, которое является действительным условием человеческой жизни»[25].

Приведенные модели далеко не исчерпывают возможность построения других схем коммуникации. Они относятся к разным сферам мыследеятельности человека. Но их объединяет то, что во всех названных моделях важнейшими элементами являются адресность и ответность (прямые и обратные связи). Связи эти осуществляются при взаимной согласованности (кода). Им мешает непонимание (шум), который иногда, однако, оказывается способным перестроить систему.

---

[24] Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. - М., 1958. С. 17-20.

[25] Межкультурная коммуникация. Практикум. Часть 1. - Нижний Новгород, 2002. С. 12.

5. Код в коммуникации

Код – это знак или система знаков, благодаря которому осуществляются главные функции коммуникации. Без идентичного кода между получателем и отправителем сообщение невозможно. Установка на контакт нуждается в предварительном «договоре». В нашем случае «договор» – понятие широкое. Им может быть знание одного языка (русского или иностранного), когда коммуникация осуществляется в разговоре. Им может быть простая грамотность, без которой нельзя прочесть письмо. Им может быть некая ментальная норма – общая для коммуникантов какой-то социальной группы и демонстрирующая ее общность. Знаком может быть поклон, улыбка, взмах руки на прощанье, номер телефона, код города, куда отправляют письмо, набор навыков в работе на компьютере...

В лингвистике код – это национальный язык, территориальный или социальный диалект, разные виды социолектов (о них мы скажем в разделе о социальной концептосфере). Во всех этих случаях код – подсистема общей системы языка, «коммуникативное средство меньшего объема»[26]. Перечень кодов столь же обширен, как перечень типов и видов коммуникации. Их объединяет то, что *код – знак коммуникации. Код должен быть идентичным внутри одной системы.*

Но культурная коммуникация может осуществляться и не в полном объеме. Сообщение порой бывает многократно закодированным. Примером такого сообщения является художественный текст, в котором заявленная тема раскрывается через набор смыслов, у каждого из которых есть собственный код.

Несовпадение кодов ведет к коммуникационному провалу. Такие обрывы коммуникации возможны между людьми, не понимающими друг друга внутри одной культуры, между научными школами, при «взрыве» культурной системы. *Несовпадение кодов рождает культурный шок.*

Приведем в качестве примера фрагмент из рассказа Т. Толстой «Сюжет». Речь идет о Пушкине, ставшем в сознании россиян выражением русского национального духа и всей отечественной жизни. Вспомним в этой связи афоризм современного поэта: «Пушкин наше все» и расхожее, бытовое – «Пусть Пушкин заплатит».

Татьяна Толстая вводит в пушкинскую тему элемент литературной игры. Дуэль как ситуация бифуркации открывает возможности, которые могли бы реализоваться. Поэт не убит на дуэли. Поединок кончается иначе. Пушкин убил Дантеса. В принципе такой факт мог произойти. Известно, что Пушкин хорошо стрелял и был отчаянным дуэлянтом. Но код, которым пользуются тысячи читателей, давно задан М.Ю. Лермонтовым и подкреплен советским литературоведением: Пушкин – жертва самодержавия, судьба его предрешена до дуэли и вне дуэли. Он –

[26] Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. - М., 2001. С. 24.

«невольник чести», он похож на своего героя Ленского, он романтическая личность. Таков первый код.

У Т. Толстой сюжет изменен: «Дантес убит, Пушкин ранен в грудь. Наталья Николаевна в истерике, Николай в ярости; русское общество быстро разделяется на партию убитого и партию раненного; есть чем скрасить зиму, о чем поболтать между мазуркой и полькой. Дамы с вызовом вплетают траурные ленточки в кружева. Барышни любопытствуют и воображают звездообразную рану; впрочем, слово «грудь» кажется им неприличным». Романтический код переведен в бытовую плоскость. «Между тем Пушкин в забытье, Пушкин в жару, мечется и бредит; Даль все таскает и таскает в дом моченую морошку, силясь пропихнуть горьковатые ягодки сквозь стиснутые зубы страдальца, Василий Андреевич вывешивает скорбные листы на дверь для собравшейся и не расходящейся толпы; легкое прострелено, кость гноится, запах ужасен (карболка, сулема, спирт, эфир, прижигание, кровопускание), боль невыносима, и старые друзья – доброхоты, ветераны двенадцатого года, рассказывают, что это, как огонь и непрекращающаяся пальба в теле, как разрывы тысячи ядер, и советуют пить пунш и еще раз пунш: отвлекает». Новый код мы можем назвать биографическим. Василий Андреевич – это Жуковский, что известно всякому знакомому с жизнеописанием поэта.

«Пушкину грезятся огни, стрельба, крики, Полтавский бой, ущелья Кавказа, поросшие мелким и жестким кустарником, один в вышине, топот медных копыт, карла в красном колпаке, Грибоедовская телега, ему мерещится прохлада пятигорских журчащих вод – кто-то положил остужающую руку на горячечный лоб – Даль? – Даль. Даль заволакивает дымом, кто-то падает, подстреленный, на лужайке, среди кавказских кустиков, мушмулы и каперсов; это он сам, убит, – к чему теперь рыданья, пустых похвал ненужный хор? - шотландская луна льет печальный свет на печальные поляны, поросшие развесистой клюквой и могучей, до небес, морошкой; прекрасная калмычка, неистово, туберкулезно кашляя, – тварь дрожащая или право имеет? – переламывает над его головой зеленую палочку – гражданская казнь; что ты шьешь, калмычка? – Порка. – Кому? – Себя. Еще ты дремлешь, друг прелестный? Не спи, вставай, кудрявая!»

В дальнейшем чередование кодов убыстряется. Цитаты из А.С. Пушкина перемежаются со словами из романа Ф.М. Достоевского, строками Б. Пастернака, Ф. Тютчева, с городским романсом, с просторечием…

Конечно, конечно же, вой волков и бой часов, долгие зимние вечера при свече, слезливая скука Натальи Николаевны, – сначала испуганные вопли у одра болящего, потом уныние, попреки, нытье, слоняние из комнаты в комнату, зевота, битье детей и прислуги, капризы, истерики, утрата рюмочной талии, первая седина в нечесаной пряди, и каково же,

господа, поутру, отхаркивая и сплевывая набегающую мокроту, глядеть в окно, как по свежевыпавшему снегу друг милый в обрезанных валенках, с хворостиной в руке, гоняется за козой, объедавшей сухие стебли засохших цветов, торчащие там и сям с прошлого лета! Синие дохлые мухи валяются между стекол – велеть убрать…

Старый, уже старчески неопрятный, со слезящимися глазами, с трясущейся головой, маленький и кривоногий, белый как вата, но все еще густоволосый и курчавый, припадающий на клюку, собирается Пушкин в дорогу. На Волгу. Обещал один любитель старины показать кое-какие документы, имеющие касательство к разбойнику. Дневники. Письмо. Но только из рук: очень ценные. Занятно, должно быть. «Куда собрался, дурачина!» – ворчит Наталья Николаевна. – «Сидел бы дома». Не понимает драгоценность трудов исторических. Не спорить с ней, – это бесполезно, а делать свое дело, как тогда, когда стрелялся с этим... как его?... черт. Забыл…»

«Невольник чести» превращен в жалкого «старчески неопрятного» и вдобавок беспамятного человечка, обремененного обычными бытовыми заботами. Возможно ли такое? Видимо, да. Можно вспомнить собственно пушкинский вариант гибели Ленского. («А может быть и то. Поэта обыкновенный ждал удел…»). Сюжет переосмыслен житейски точно. К тому же у сюжета есть и дополнительные коды. Рассказ изобилует отсылками к другим произведениям русской литературы XIX-XX веков, к Чернышевскому, Л. Толстому, Б. Пастернаку… Речь идет не только о Пушкине, а о хаосе российской действительности, в которой гению уготовлена роль маленького человечка. Есть здесь и тройной круг – признание трагичности жизни и старости вообще. Но коды в рассказе Т. Толстой не совпадают с нашим привычным предпониманием. Рождается культурный шок, предусмотренный поэтикой постмодернизма, в русле которой написан рассказ. Текст многократно закодирован. Вторичный код, наложенный на знакомую всем с детства историю жизни Пушкина, историю, принятую как истина, заложенную в сознании, ломает прежнюю систему. Прецедентные тексты русской литературы изменены настолько, что теряют прежнее качество.

Смена кодов сопровождается культурным шоком и появлением новой игровой точки зрения. В качестве другого примера можно вспомнить французскую историческую школу «Анналы», в которой отрицается не только концептуальный историзм, но и непреложность исторического факта. Сломанные коды покрывает шум.

6. Шум в коммуникации

Понятие «шум» принадлежит физической природе и характеризуется беспорядочностью звуковых колебаний, случайностью их изменения и чистоты. В бытовом понимании шум – звуки, мешающие восприятию

речи, отдыху или работе и оказывающие вредное влияние на человека. В обоих случаях понятие шум – явление негативное и даже разрушительное. Так характеризуется «шум» и в культурной коммуникации. Шум в телефонном разговоре, в концертном зале, в студенческой аудитории мешает уловить «код» сообщения, разрушает связь слушающего и говорящего, «снимает» обратную связь. В философской модели коммуникации «шум» заглушает голос «нададресата». В герменевтическом круге он «размыкает» круг, снимает предпонимание.

Но, как и при характеристике «кода», понятие «шума» тоже неоднозначно. Шум может выполнять функцию вторичной моделирующей системы. Пилоту или водителю автомобиля шум может многое сообщить о состоянии двигателя. Помехи в коммуникации скажут опытному дипломату, как изменить тактику переговоров. Шум и код связаны единым процессом коммуникации, прямыми и обратными связями.

7. Речевая коммуникация

Речевая коммуникация – важнейший вид человеческого общения. Но не всякое речевое взаимодействие есть коммуникация. Даже человек, пользующийся родным языком, иногда ощущает неспособность быть понятым или убедить собеседника в своей правоте. Э. Хемингуэй сказал по этому поводу, что язык существует не для общения, а для того, чтобы скрыть невозможность общения. В последние десятилетия родилась новая языковедческая дисциплина – лингвистическая прагматика – наука об использовании языка в процессе коммуникации. При этом в вербальной коммуникации понятие речевой акт и коммуникативный акт не вполне совпадают[27]. Речевой акт – это высказывание адресанта, направленное в сторону адресата. Коммуникативный акт предполагает и обратное движение, диалог, речевые акты, направленные навстречу адресата и адресанта. Лингвистическая прагматика учитывает необходимость взаимодействия обоих партнеров, отправителя и получателя информации.

И хотя «животные могут действовать, мыслить и издавать звуки, они не составляют общества. Общество формируется деятельностью (т.е. разделением труда и структурой труда). Для становления деятельности необходима деятельность наименования»[28].

Деятельность наименования – это владение речью, возможная «лишь при помощи такой нематериальной и суверенной сущностью, какой является «слово», несущее в себе передаваемый смысл и способное «устанавливать отношения значения между какой-то одной и другой вещью»[29].

---

[27] Клюев Е.В. Речевая коммуникация. - М., 2002. С. 11-15.
[28] Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М., 2002. С. 27-28.
[29] Рождественский Ю.В. Общая филология. - М., 1996. С. 77.

Коммуникация в языке не является связью языковых единиц (фонем, морфем, лексем), но связью единиц речевого общения, «имеющих не значение, а смысл, то есть целостный смысл, имеющий отношение к ценности – к истине, красоте и т.п. и требующий ответного понимания, включающего в себя оценку». Только при этом условии и возможна «смысловая конвергенция», требующая ответного согласия[30].

И в концепции Р. Якобсона тоже разрабатывается идея диалога. Металингвистическая функция языка в процессе коммуникации проявляется в том, что и адресат, и адресант выбирают слова и фразы в соответствии с характером культурно обусловленных семантических полей. Адресат воспринимает высказывание в его непосредственно выраженном словесном значении, но также в сопровождении непосредственно не выраженного смысла. Смысл рождается из сопоставления прямо высказанных слов и их подразумеваемого смысла. Пример такого метаописания Ю.С. Степанов[31] вслед за В.В. Виноградовым иллюстрирует строфой из стихотворения А.А. Ахматовой:

Самые темные дни в году
Светлыми стать должны.
Я для сравнения слов не найду,
– Так твои губы нежны.

В приведенной строфе соположены два значения. Первое – неизбежность смены темных дней светлыми. Это может быть предсказанием наступления весны, смены темных декабрьских дней, проблесками февраля, когда ночь приходит позже. Это можно рассмотреть и как метафору – как надежду на то, что мрачная, печальная полоса жизни тоже когда-то кончается. Но глубину первых двух проясняют третья и четвертая строки, в которых появляется лирическая героиня, лирическое «Я», адресант, ищущая слова любви и находящая их в сферах общей, космической (смены дней) и философской («все проходит»). У А.А. Ахматовой имеет значение и синтаксис фразы – запятая, отделяющая собственное чувство от констатации невыразимой нежности губ любимого, выделенной через «тире». Смысл строфы проясняется в «метаописании», в утверждении необоримой силы любви, общемировой и одновременно интимно-личной. «Я – ты» включено в контекст мира и скрыто за двойным и тройным метафорическим кругом.

Сходные примеры можно отыскать у многих других писателей и поэтов. Так, в японской поэзии позднего средневековья:

Стая диких гусей на жнивье...
Сегодня вновь не дочтемся
Мы в деревне наших людей. (Пер. В.Н. Марковой)

---

[30] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1986. С. 320-325.
[31] Степанов Ю.С. Французская стилистика в сравнении с русской. Изд. второе, стереотипное. - М., 2002. С. 290-291.

И здесь тоже соположены непересекающиеся явно ряды. Стая диких гусей на жнивье свидетельствует о наступлении осени, метафорически поры ухода, смерти. Исчезновение «наших» людей в деревне придает первому наблюдению характер непреложного закона.

Поэтические примеры могут быть дополнены не только ссылками на прозаические художественные тексты, но и на образцы житейского бытового диалога. Рассуждение Ю.С. Степанова соответствует мысли Х.-Г. Гадамера, способствовавшего своими трудами в области герменевтики новому подходу к проблеме понимания: «Подлинный смысл текста или художественного произведения никогда не может быть исчерпан полностью ... приближение к нему – бесконечный процесс»[32]. Этот принцип исключает возможность дать одну единственную интерпретацию высказывания (в контексте Ю.С. Степанова «изображаемого»). Изображение в приведенных примерах допускает возможность интерпретации, лежащей над «изображаемым», нахождение смысла, который М.М. Бахтин называл в диалоге «третьим».

Диалог в широком смысле оказывается системой, обладающей множественными уровнями, а языковая коммуникация – метакоммуникацией. В приведенном примере мы имеем дело с текстом, входящим в жизнь. Но «трехаспектное видение коммуникации (контакт, информация, понимание «другого») коррелирует с лингвистическим представлением о трех типах коммуникативных потребностей – 1. контактоуставливающией, 2. информационной, 3. воздействennой...»[33]. А это предполагает и тип отношений между говорящим и предметом изображения. Переходя к обобщениям, можно заметить, что модальность коммуникативного акта, отношение адресанта к собственным высказываниям зависит не только от того, кто находится в «сильной позиции», является инициатором языковой коммуникации. Роль играет и социально-гендерный статус адресанта и адресата. Это могут быть:

профессор – студент,
начальник – подчиненный,
офицер – солдат,
отец – сын,
мастер – ученик,
хозяин – работник и т.д.

Но и положение «сильной» стороны еще не определяет удачу речевой коммуникации. Речевым взаимодействием управляют не только социально-статусные позиции участников коммуникативного акта. Контекст, код, шум могут обеспечить или прервать общение в речевом взаимодействии.

---

[32] Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. - М., 1988. С. 334.
[33] Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 2-ое изд. - М., С. 4.

Использование языка в процессе коммуникации только тогда успешно, когда оба коммуниканта соглашаются с поиском смысла ситуации общения. Так, предложенный иракским лидером Саддамом Хуссейном диалог с президентом США Бушем, в 2003 году даже не начался, поскольку президент США отказался видеть в нем конструктивное начало.

Использование языка в процессе коммуникации для достижения понимания и согласия зависит от места диалога, от его времени, от выбора адресата, способного или неспособного к ответному пониманию и «общему языку» в данной речевой ситуации. Зависит оно и от дистанции между адресатом и адресантом, имеющей решающее значение в межкультурной коммуникации.

Таким образом, под культурной коммуникацией можно понимать случай относительно сходной культурной компетенции, зафиксированной в принятом коде. Это может быть речевая коммуникация, коммуникация в одном национальном мире, либо в одну эпоху, в какой-то социальной сфере, в русском, английском, китайском и др. культурном мире, в античную эпоху, в дворянской, крестьянской, буржуазной среде и т.д. В этом случае возможна: 1) коммуникация родственных видов культуры – литература и литературная критика, искусство и искусствоведение, машинное производство и технология и т.д. 2) коммуникация разных видов культуры внутри одной культуры – художественный текст и иллюстрация, обработка земли и биохимия, кинематограф и телевидение.

Межкультурная коммуникация имеет дело с принципиально отличными уровнями языковой компетенции, как правило, требующими для осуществления коммуникации дополнительного члена. Это коммуникация в разных национальных культурах, коммуникация разных эпох, разных социальных слоев, разных возрастных и гендерных групп.

Вопросы и задания:

1) Дайте общее определение коммуникации. Приведите примеры коммуникации в животном мире.

2) Известный ученый-медик, физиотерапевт А.А. Щербак разработал гипотезу о «биологическом резонансе». Он писал, что телом поглощается «…лишь та энергия, которая находит в теле свой резонанс». Можно ли считать «биологический резонанс»[34] коммуникативным процессом?

3) Почему Э. Бенвенист настаивает на отличии в коммуникации среди людей и животных?

4) Почему система «культура» – коммуникативная система? Почему «знать» не означает «понимать»?

---

[34] Лихтерман Б.В. А.Е. Щербак и его вклад в советскую физиотерапию // Светлый человек. К столетию Болеслава Владимировича Лихтермана 1902-1967. - М., 2002. С. 368.

5) В чем смысл философской модели диалога по М.М. Бахтину?

6) Прокомментируйте модели языковой коммуникации.

7) Как понимается «код» в лингвистике?

8) Приведите собственные примеры «кодов» в литературе.

9) В чем опасность и продуктивная возможность «шума»?

10) Приведите собственные примеры, подтверждающие мысль Гадамера о том, что подлинный смысл текста никогда не может быть исчерпан полностью.

Тема 5. Межкультурная коммуникация

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, кросс-культура, метаартефакт, посредник, цепная система, адаптация*

1. Общий подход

Термин “межкультурная коммуникация” (intercultural communication, cross-cultural communication – англ., interkullturelle Kommunikation – нем.) получил распространение в последние десятилетия[35]. *Межкультурная коммуникация – это вид системы культурной коммуникации с новым системным свойством. В ней артефакт одной культуры становится метапродуктом другой культуры, несущим на себе печать адаптации и интерпретации.*

Введение понятия межкультурная коммуникация отражает поиски культурного единства, упорядочивающего начала жизни, введение чужого в свой мир, сохраняющий при этом своеобразие. Этот оптимистический взгляд на развитие культуры основывается на представлении о том, что человечество все еще находится в периоде самоопределения.

Научная история культуры свидетельствует, что список наук о человеке постоянно пополняется. С древности были известны история, этика, теология. Их следы запечатлены даже в памятниках каменного века.

---

[35] Приведем лишь некоторые монографии и учебники по данной проблеме: С.Г. Тер-Минасова. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. В.Б. Кашкин. Введение в теорию коммуникации: Учебное пособие. Воронеж, 2000. М.Б. Бергельсон. Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: лингвистические методы изучения кросс-культурных взаимодействий // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2001. № 4. Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. Нижний Новгород, 2001. В.В. Кочетков Психология межкультурных различий. М., 2002. В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша Межличностное общение. Учебник для вузов. Санкт-Петербург, 2002. Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. Основы межкультурной коммуникации. М., 2002. Д. Гудков. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. Межкультурная коммуникация. Практикум. Часть I. Нижний Новгород, 2002. Karlfried Knapp, Werner Enninger, Annelie Knapp-Potthoff (Editors) Analysing Intercultural Communication. Berlin N.Y. Amsterdam, 1987. Nolan W Riall. Communication and adapting across Culture. Living and Working in the global village. Westport. London, 1999. Interkulturelle Kommunikation in Wirtschaft und Fremdsprachenunterricht / Hrsg.v. G. Wazel. Fr.a.M.-Berlin-Bern-Bruxelles-New York-Oxford-Wien, 2001. Некоторые ресурсы в Интернете: Intercultural Training Institute (http://www. charweb.og/organizations/international/iti/facts.html). IIK Institut für Interkulturelle Kommunikation e.V. (http: //www.iik.de).

Юриспруденция, экономика, эстетика, философия, психология, социология дополнили возможности человека обуздать власть времени и стоящие над ней силы зла. Список этот пополнила сравнительно молодая антропология[36]. Культурология и теория межкультурной коммуникации внесли свой вклад в изменение научной парадигмы, в постепенный отход наук от самодостаточности к идее движения, взаимных встреч, к интеграции.

2. Межкультурная коммуникация и материальный аспект системы “культура”

Поскольку произведение культуры является материализованным продуктом мыследеятельности человека и «каждый материальный предмет, прежде чем он был создан, должен был сначала стать “идеей в мозгу человека”»[37], систему “культура” можно рассматривать как явление, принадлежащее к идеальной и материальной реальности.

В материальном мире межкультурная коммуникация – насущная экономическая потребность. Давно известно, что величайшие открытия, как правило, делаются учеными одновременно в разных странах. Их практическое применение пересекает границы с той быстротой, которая диктует экономическая необходимость. Корреляция в системе “культура” оказывается сильнее любых политических и административных запретов. Приведем в качестве примера статью в газете “Известия” под парадоксальным названием “Советская иномарка” (В. Салмин. 05.07.2002). Речь идет о том, что “у нашего автомобилестроения нет в запасе ничего нового и стоящего, чем можно было бы порадовать потребителей. Российские автозаводы вовсю поднимают цены и продлевают, как могут, жизнь своим машинам на конвейерах”. Новый “артефакт” фактически повторяет старые модели. «Иностранцы на этом фоне действуют более осмотрительно и дальновидно. Понимая, что российский автомобильный рынок сегодня один из самых быстрорастущих в мире», они … готовят выпуск своих автомобилей на российской территории, причем почти по тем же ценам, что и наши автозаводы, во всех классах и на любой вкус. Первый серьезный шаг в этом направлении уже сделал Ford. … Обещает быть перспективным и совместное предприятие ЗИЛа с американской компанией Ventury, сотрудничающей с General Motors, Porsche, Renault и другими крупнейшими автопроизводителями. … По прогнозам отечественных специалистов, в России к 2005 году будут покупать по 350 000 новых иномарок, т.е. в 4 раза больше, чем сегодня».

Еще более демонстративным примером может служить реализация идей Н. Винера в создании компьютеров, возникновение все более усовершенствованных образцов в Америке и в Японии и их

[36] См.: Б. Малиновский. Научная история культуры. М., 1999. с. 22.
[37] Т.Г. Стефаненко. Этнопсихология. М., 1999. с. 33.

распространение в мире. Даже в бытовой сфере – в истории костюма – на протяжении веков заметны появления предметов, родившихся вдали от национальной почвы и собственной культурной традиции. Техасские джинсы, прижившиеся в сибирском климате, являют собой новый артефакт, обладающий недостатками, не позволяющими его использовать, скажем, в охоте на медведя, но и достоинствами, оцененными в первую очередь молодыми горожанами. А появление тысяч швейных мастерских-посредников между Техасом и Чухломой – следствие того, что в России сложилась новая реальность и новый потребитель, преодолевшие отечественную традицию.

В межкультурной коммуникации метапродукты – автомашина, компьютер, джинсы, перешедшие границы одного культурного мира, одной системы “культура” в другую систему становятся из “чужих” “своими”. Закон этот “работает” и в сфере духовной, и в сфере материальной.

Понимание коммуникативной системы «не запрещает относить к партнерам людей, животных, машины и т.п., если между ними происходит обмен сообщениями”. Знаковая система коммуникации в трактовке Н.И. Жинкина позволяет понимать артефакт как “сообщение от одного партнера к другому, в результате чего могут измениться действия того партнера, который принял сообщение»[38]. В культурной коммуникации материальный и духовный аспекты существуют вместе. И это относится ко всем видам культурной коммуникации.

3. Межкультурная коммуникация – вид культурной коммуникации

При теоретическом осмыслении межкультурной коммуникации как научной дисциплины прежде всего отмечается, что это вид культурной коммуникации, обладающий новым качеством. Исходя из представлений о культурной коммуникации как о системе и о процессе одновременно, ее можно определить как соединение систем, в которых артефакт, превращенный в другую форму развития, получает новый вид и новую функцию.

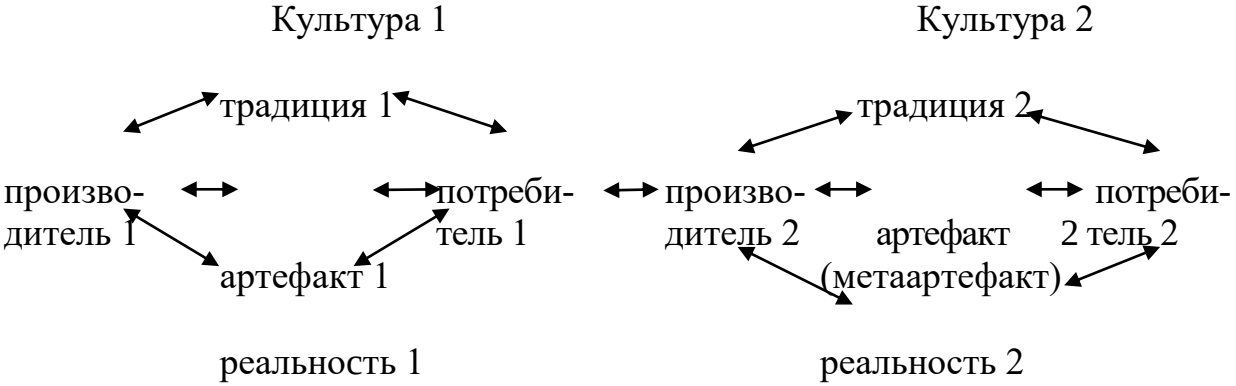
Между “культурной” и “межкультурной” коммуникациями нет явно выраженной границы, так как их объединяет непременное присутствие “другого” (“Я-Ты”) и разделяет не всегда просчитываемая дистанция. Для ее сокращения необходима общечеловеческая этическая норма. Религия и язык могут сокращать или увеличивать дистанцию, но общая схема системы “культура” сохраняется. В ней так же артефакт, производитель и потребитель (адресант, сообщение, адресат) соединены прямыми и обратными связями, а традиция и реальность (контексты) суть условия

[38] Н.И. Жинкин. Четыре коммуникативные системы и четыре языка // Избранные труды. Язык – Речь – Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М., 1998. с. 8.

функционирования системы, удвоение которой лишь свидетельство ее фрактального и открытого характера.

В межкультурной коммуникации на выходе системы “культура” потребитель оказывается производителем нового артефакта, который не тождественен первому артефакту и является по отношению к нему *метапродуктом*, появление которого обусловлено новой реальностью и другой традицией.

Межкультурную коммуникацию можно представить схемой:



Из схемы видно, что в результате межкультурной коммуникации артефакт-1 остается элементом “культура 1”, а *метаартефакт* становится элементом системы “культура 2”. В межкультурной коммуникации звенья цепи могут быть многочленными, что не меняет принципа построения системы.

4. Метаартефакт

Как и в системе “культура”, где артефакт (произведение, сообщение) является главным членом, центрируя всю систему, в межкультурной коммуникации метаартефакт – тоже цель всего процесса, будь то создание новой марки автомобиля или обучение вторичной языковой личности. При этом метапродукт (метаартефакт), появляющийся внутри одной культуры или во взаимодействии разных культур, обладает новым свойством. В европейских языках приставка “мета” (греч. meta – после, за, через) как составная часть сложных слов обозначает нечто, находящееся на более высокой ступени, более высоком уровне, чем названное понятие (например, метатеория). **Но “мета” может обозначать и превращение, переход через границу (метастаза). В культурной и межкультурной коммуникации мы будем пользоваться вторым значением. Метапродукт в принимающей системе – это артефакт, перешедший границу, несущий на себе печать интерпретации и только становящийся из “чужого” “своим”.**

Мета указывает на промежуточный характер понятия “метапродукт”.

Возможность видоизменения артефакта заложена в открытом характере системы “культура”. Артефакты одной системы “культура” могут служить материалом для другой системы. Так, произведения А.С.

Пушкина послужили материалом для цикла литературно-критических статей В.Г. Белинского. Американские джинсы, первоначально созданные в Техасе как одежда ковбоев, породили ряд артефактов-джинсов от Турции до Китая. Еще более многочисленны подобные примеры из мира техники. Модель немецкого “Опеля” стала моделью русской легковой машины “Победа”. Писатель-публицист В. Войнович приводит как достоверную такую историю: “Году, может быть, в сорок четвертом или сорок пятом над советской территорией был сбит, или совершил вынужденную посадку, а затем каким-то образом украден американский бомбардировщик Б-29 – “летающая крепость”, подержанная, но в летабельном состоянии. Своим ходом долетела она до авиазавода в Казани, а там наши конструкторы под руководством Андрея Николаевича Туполева разобрали ее на части, чтобы изучить и создать полный аналог – будущую гордость советской авиации летающую крепость Ту-4. Работа подходила к концу, когда Сталин пригласил к себе Туполева и спросил как дела. Дела идут хорошо, доложил конструктор, скоро выпустим опытный образец, который будет даже лучше американского прототипа. Лучше? – насторожился Сталин. Туполев объяснил, что американская конструкция тяжеловата, но ее можно облегчить за счет уменьшения количества заклепок, на которых держится обшивка фюзеляжа и крыла. На что последовало указание: ничего не улучшать, не облегчать, а заклепок поставить ровно столько, сколько у американцев. Сталин, конечно, наших конструкторов уважал (годами гноя их в тюремных шарашках), но американцем верил все-таки больше. Знал, что считать умеют и прежде, чем подковать блоху, подумают, сможет ли она, подковавшись, подпрыгивать. Не будучи конструктором, он понимал, что самолет надо строить в полном соответствии с законами аэродинамики, гравитации и прочими. Самолет очень тяжелый не взлетит, а чересчур легкий рассыплется в воздухе. Слишком устойчивый будет неповоротлив, а неустойчивый задерет нос, завалится на крыло и сорвется в штопор” (Известия. 16.05.2002).

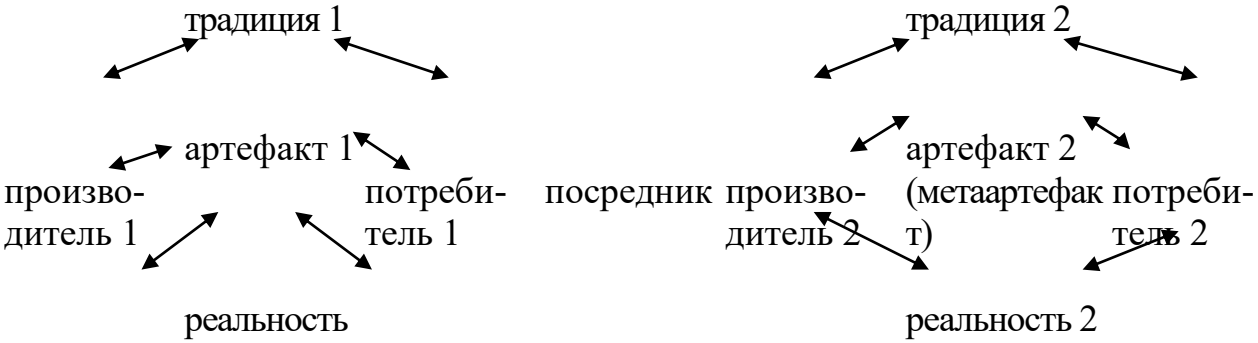
В приведенном примере как будто создания нового самолета не произошло. Корреляция в системе “культура” оказалась нарушенной прямым “запретом”. И все-таки вопреки внешнему давлению советские “Ту” – не полные подобия американского самолета.

По сравнению с культурной коммуникацией в коммуникации межкультурной присутствует в качестве артефакта метапродукт и возможно функционирование целой цепи систем коммуникации.

Интересный пример на этот раз из области перевода приводит академик Н.И. Конрад. В случае перевода “литературное произведение начинает жить независимо от своей первоначальной языковой формы. Оно становится в языковом выражении многоликим. При таком превращении оно кое-что теряет, кое-что приобретает. Теряет оно свою единичность – ту неповторимую индивидуальность, какую дает ему языковая плоть, в

которой оно родилось в своей стране; но, с другой стороны, разноязычное существование выявляет в литературном произведении то общее, что выводит его за рамки единичности, что значимо для всех. “Г-жа Бовари” в своем французском языковом облике – частица французской литературы, в русском языковом облике – достояние русского литературного мира, в японском – японского, а в целом, в своем многоязычном облике, – частица мировой литературы”[39].

Особенно сложен процесс в случае двойного перевода с использование языка-посредника.



Так, памятники еврейской литературы XII в. до н.э. дошли до нас в составе библейского канона, включающего тексты в изначальном и вторичном соотнесении с идеей христианства. Проходя через разные эпохи и традиции, переводы с арамейского на греческий, церковнославянский и современные языки, Библия предстает сегодня системой из многих звеньев коммуникации. При этом все эти звенья имеют самоподобие и отличия. Проходя через разные культуры и языки, переводы приобретают новые свойства. Однако универсальный смысл первоисточника сохраняется. Принцип «работает» и в других случаях.

Один из самых известных кинорежиссеров, включенный Европейской киноакадемией в сотню лучших мастеров мирового кино, Александр Сокуров размышляет о коммуникации между разными видами культуры: “Я отношусь к проблеме так: экранизировать литературное произведение невозможно по определению, потому что между визуальным и литературным – пропасть. И невозможно никакие мосты навести. Создавая картину, ты начинаешь все заново. Что дает мне моральное право так говорить? Только одно – я беру у автора пьесы или романа то, что не принадлежит ему абсолютно. Есть вещи, которые автору принадлежат однозначно: строгий последовательный сюжет, имена персонажей, подробности и детали их быта, исторические реалии и стилистика. Вот когда я берусь, например, за фильм “Спаси и сохрани” по “Мадам Бовари” Флобера, то не называю картину так же, как роман. Героиня у меня не носит имени Эмма, и вообще персонажи друг друга никак не называют. Я меняю место действия, более того, саму Эмму, условно говоря, делаю

[39] Н.И. Конрад. Избранные труды. Литература и театр. М., 1978. с. 54.

иностранкой в той жизни, которой она живет в фильме. Но что не принадлежит Флоберу абсолютно точно, так это сам сюжет, как ни странно. История женщины, оказавшейся в таком страшном положении – совершенно жизненная ситуация, которая могла встретиться даже в газетах того времени. Что на самом деле и было… Сама история женщины из провинции с непрожитой судьбой обычна. Тут никакой опасности или конкуренции Флоберу, потому что, посмотрев эту картину, которая не похожа на роман, очень хочется узнать, что же там – в романе. Наши картины не исчерпывают художественную и прочую проблематику книг. Поэтому я спокоен" (Общая газета. 13.02.2002).

В своем спокойствии художник абсолютно прав. В его случае речь идет не о копии и не о плагиате. *В межкультурной коммуникации артефакт переходит в другую систему.* Счастливым вариантом такого перехода у Сокурова стало изменение традиции литературного описания при сохранении стабилизирующего ядра – авторского сочувствия к женщине с "непрожитой судьбой". Эта же константа присутствует у Флобера, писавшего, что "Эммы Бовари рыдают в каждой деревушке".

Но далеко не всегда в межкультурной коммуникации метапроизведение сохраняет ценностное ядро. Зачастую при создании метапроизведения происходит умаление смысла. В качестве примера можно вспомнить о Венере Милосской. На выставке в Лувре в Париже в 1999 году греческая статуя была представлена в серии вариантов – от оригинала до этикетки крема для загара. И картина Леонардо да Винчи – «Мона Лиза» превратилась в предмет рекламы, элемент поп-культуры.

Метаартефакты возникают в результате *адаптации*. Адаптация – приспособление, освоение артефакта «чужой» культуры для нужд своей. Известны переводы-адаптации, экранизации-адаптации и такие же инсценировки. Процессы адаптации идут в языке. Попытки адаптировать англоязычные языковые концепты приводят к самым разным результатам. Так, например, в языке рекламы укрепляется англоязычное словосочетание «тест-райд» (пробная поездка). «Тест-райд на BMW» – новый слоган рекламы. В одной из петербургских газет появилось объявление о семинаре, который проводился для девушек от 18 до 25 лет. Цель семинара – обучение «технике личных продаж». Здесь англоязычная формула, заимствованная буквально, привела к неожиданному эффекту. Все слова в этой формуле понятны и узнаваемы, однако за ними стоит совершенной иной концепт, иная единица ментальности.

Однако известны случаи, когда адаптация происходит на глубоком уровне. Так, в русском языке глубоко укоренились словосочетания и слова, образованные от англоязычной аббревиатуры «PR». Слово «пиар» стало новым словообразовательным гнездом. Приведем лишь несколько примеров из современной прессы, свидетельствующих о возникновении новой группы однокоренных слов, относящихся к разным частям речи:

«страна Пиария», «черный пиар»; «не надо меня пиарить», «пропиарить», «дубина русского пиара» («дубина народной войны»). Возникли глаголы совершенного и несовершенного вида (пиарить – пропиарить), новые имена собственные (Пиария), крылатые выражения, намекающие на «прецедентные тексты» русской культуры («дубина русского пиара» – «дубина народной войны»; Л.Н. Толстой). Появляются все новые неологизмы, в основе которых лежит PR. Описывая очередную потасовку в государственной Думе, журналистка газеты «Московский комсомолец» Екатерина Деева пишет: «А драка депутата Федулова с депутатом Шандыбиным? Федулов небось после этого водрузил портрет Шандыбина у кровати и ставит перед ним незабудки. В благодарность за мощный пиар по шее»[40].

В романе Г. Гессе “Игра в бисер” ученые герои-кастальцы не создают собственных произведений, а творят метакультуру. Это гениальное произведение – предвидение угрозы возможного развития мировой культуры. В известном смысле – это эпоха культуры постмодернизма.

5. Межкультурная коммуникация – диалог сознаний

Понимая коммуникацию как диалог, взаимодействие говорящих сознаний, мы видим в ней не только и не столько возможность передачи говорящими, но “в первую очередь … способ внесения той или иной коррекции в образ мира собеседника”[41]. Передача информации в этом контексте – только метафора. Содержание информации воспринимается слушающим с помощью того “Третьего”, о котором писал М.М. Бахтин, понимая под третьим участником диалога Смысл, Бога, Суд Истории, Высшую Мораль. И для того, чтобы взаимодействие стало возможным *необходимо пересечение смысловых пространств коммуникантов.* Термин “пересечение” уже предполагает наличие общего и частного, “своей” зоны и зоны “чужого”.

Даже родственные виды культуры в межкультурной коммуникации нуждаются в культурном посреднике. Для понимания английского языка русскому человеку нужен переводчик, либо его собственный переход в статус так называемой вторичной языковой личности. Для понимания жеста кореянки нужен комментарий из области менталитета. Особенно сложно протекает межкультурная коммуникация, когда мы имеем дело с разными видами разных культур.

6. Обрыв межкультурной коммуникации

Как и в коммуникации культурной, обрыв связи, прекращение диалога, приводит к тем же последствиям – непреодалению чуждости, молчанию, забвению, в пределе – к гибели. Замкнутые культурные миры – миры угасающие либо уже несущие в себе знак исчерпанности. О дефектах

---

[40] Екатерина Деева. Великое нерестилище // МК воскресенье. № 7 (266) от 23 февраля – 1 марта 2003 г. с. 3.

[41] А.А. Леонтьев. Основы психолингвистики. М., 1999. с. 272.

замкнутых систем писал И. Пригожин. Подвергаясь неизбежным колебаниям, флуктуациям, они прежде открытых, диссипативных систем подходят к точке бифуркации, когда выбор может породить либо новое системное качество, либо разрушить прежний мир.

«Прервалась связь времен» – слова шекспировского Гамлета – на протяжении веков трактуются как объяснение трагедии и не только одного человека, но целого поколения.

Примером такого разрыва может служить история Карфагена. Одно из самых могущественных государств древности, основанный в 1Х веке до н.э. финикийцами и завоевавший Северную Африку, Сардинию, большую часть Сицилии и Испании, ставший к 111 веку до н.э. опасным соперником Рима, Карфаген после поражения в Пунических войнах (264-146 гг. до н.э.) был разрушен воинами Ганнибала и стал римской провинцией и частью Нумидии. “Голос” Карфагена замолк в истории настолько, что когда Гюстав Флобер приступил к поискам материала для романа “Саламбо” он оказался перед “черной дырой истории”. Он сетовал на то, что о Карфагене мы не знаем ничего, что роман ему приходилось строить лишь на “смутных представлениях” об ушедшей эпохе. Кое-что поведала археология, но одежды, украшения, план города, денежная система, быт, нравы, верования настолько оставались загадкой, что Флобер решительно отказался от иллюстрированных изданий книги. Сегодняшние римские руины лишь обозначают место, где шумел, торговал, жил некогда великий город.

Множество загадок таит и Египет, один из древнейших очагов мировой цивилизации. Периоды Древнего (1У-111 тыс. до н.э.), Среднего и Нового царств, расцвет ХУ1-ХУ вв. до н.э., эпоха Эллинизма – огромный мир с собственным культурным менталитетом, религией, языком, стал лишь экспонатом музеев и материалом культурологических сенсаций, отделенный от современной Арабской Республики исторически, этнически и лингвистически…

Историческим шоком стало падение Римской империи. Шок наступает, когда новая реальность ломает традицию, когда потребитель культуры не понимает производителя, не видя смысла в сакральном или экономически полезном артефакте, когда не находится “посредника” между двумя системами “культуры”. Тогда отбивают руки и Венере Милосской, рушат храмы, меняют имя города…

7. Прагматический аспект межкультурной коммуникации

Межкультурная коммуникация сегодня едва ли не из самых распространенных словосочетаний. Остается спорным вопрос о том, какую роль здесь играет потребность в синтезе наук и научная мода. Несомненно, однако, что прагматика и теория идут навстречу друг другу.

Прагматический аспект межкультурной коммуникации был задан американским военным ведомством и дипломатическими службами.

Понятие “межкультурная коммуникация” введено американским культурологом и антропологом Эдвардом Холлом (Edward T. Holl, род. 1914) после второй мировой войны. Холл был руководителем программы подготовки технических специалистов в Foreign Service Institute, специальной лаборатории для обучения американских военных и дипломатов, работающих в странах третьего мира. Ученый полагал, что трудности в коммуникации представителей разных этносов и культур связаны с различными способами воспринимать мир[42].

Под межкультурной коммуникацией Э. Холл понимает *межэтническую коммуникацию. Позже другими культурологами и лингвистами понятие межкультурной коммуникации было расширено и стало включать также гендерную, социально статусную и возрастную коммуникации.* Сложность состоит в том, что ни один из видов межкультурной коммуникации не имеет жестко очерченных границ. В книге “Как понять иностранца без слов” Э. Холл пишет: “Изучая вопрос о том, в чем одна культура отличается от другой и как обнаружить разницу между культурами, я пришел к выводу, что основой каждой культуры является так называемая инфра-культура, поведение, которое предшествует культуре или впоследствии преобразуется в культуру. Существует неразрывная связь между далеким прошлым и настоящим, а корни культуры ведут к биологическому прошлому человека… так как культура усваивается в ходе обучения, очевидно, что можно научиться преподавать культуру”. По мнению Холла, в различных сферах жизнедеятельности человека можно выделить десять отдельных культурных систем:

1) взаимодействие с окружающей средой;
2) общественная организация;
3) обеспечение физического существования;
4) половые отношения;
5) отношение к территории;
6) отношение ко времени;
7) учеба;
8) игра;
9) защита;
10) использование материалов (Э. Холл. «Как понять иностранца без слов»).

Проблема межкультурной коммуникации интересует Э. Холла с прагматической точки зрения. Но его несомненной заслугой является то, что Холл уловил “вызов времени”. Американскому ученому принадлежит

[42] Основные произведения Э. Холла: The silent language (1959), Beyond culture (1977), The dance of life (1983), Hidden Differences: Studies in International Communication (1985).

и важный тезис о протяженности коммуникативного пространства, отделяющего участников диалога. Неудивительно, что с использованием методики Холла сегодня работают многие институты и лаборатории.

8. Коммуникативные неудачи и пути их преодоления

Представление о языке, находящемся в постоянной эволюции, предполагает понимание коммуникации как творческого взаимодействия коммуникантов, *объединенных общим пониманием смысла*.

Многочисленные примеры несовпадения поведения людей разных национальностей, социальных статусов и культур демонстрируют необходимость объяснения и обучения, о котором писал Э. Холл. Русский профессор-женщина, оказавшись на стажировке в Америке, была удивлена косыми взглядами коллеги, оглядевший ее костюм. Оказавшись, что она считает неприличным появление третий день на занятиях в одном и том же платье: “Вы сегодня дома не ночевали?”

Пожилая еврейка, переехав в Израиль, возмущенная шумным поведением детей под ее окнами, сделала им замечание и не поняла, что вызвало гневный отпор родителей. В России принято воспитывать не только своих детей.

Юноша и девушка в парижском метро увлеченно целуются при входе на ленту эскалатора. Русский прохожий, уже не удивляющийся современной свободе нравов, тем не менее не может понять, как можно загораживать проход другим людям, не получая при этом выговора: “Никого кроме себя не видят!”.

На дебаркадере у северного села студенты моют в реке резиновые сапоги. Подходит местный житель:

– Откуда будете?

– Издалека. Из Москвы.

– Детдомовские?

Оказывается, грязь нельзя счищать на дебаркадере. Надо отойти в сторонку, на берег Мезени.

Второй вопрос содержит скрытый упрек приезжим, не получившим семейного воспитания и не знающим, как следует себя вести.

В названных случаях ярко выраженная знаковость для одних коммуникантов даже не включается для других в какой-нибудь код, т.е. собственно язык.

9. Смысл и опасность межкультурной коммуникации

Межкультурная коммуникация – могучий и опасный инструмент культуры. Сегодня уже совершенно очевидно, что культурная замкнутость национальных, социальных, гендерных миров не только опасна, но невозможна. Метапроизведения пересекают границы часто независимо от

воли их создателей. Но национальные концепты продолжают “жить” в разных языках и культурах.

Так, к примеру, русские концепты “спутник”, «перестройка», «водка»… на французском или английском языках могут быть транслитерированы и включены в ассоциативно-вербальную сеть. В адаптации и интерпретации нуждаются многие национальные жесты и обычаи.

В силу того, что иерархически отмеченными в межкультурной коммуникации являются прямые связи, метапроизведение становится принадлежностью той культуры, на язык которой оно переведено. Сонеты Шекспира в переводе С. Маршака знают и любят в России, но вернуть их в Англию в результате обратного перевода невозможно.

В межкультурной коммуникации важно учитывать цели и стратегии того “потребителя-автора”, который создает метапроизведение. Дело в том, что он может путем отбора протопроизведений, их интерпретации и адаптации осуществлять культурную агрессию, т.н. “малые воздействия”. Институт, возглавленный Холлом, и ставил перед собой подобные цели. Перенасыщенная чужими метаартефактами собственная культура может разрушаться. При этом никакой насильственной ассимиляции даже не потребуется, потому что **в процессе метакоммуникациии сможет быть сформирован метапотребитель, которому окажутся чуждыми ценности своей культуры.** О подобной опасности предупреждал Х.-Г. Гадамер, увидевший разрушительную роль телевидения – великой силы, неприрученной по-настоящему культурой и частой действующей, как стихия. С другой стороны, недооценка или прямой запрет межкультурной коммуникации тоже чрезвычайно опасны, потому что упрощение системы – начало ее деградации и возможного распада.

Вопросы и задания:

1. Дайте определение межкультурной коммуникации.
2. В чем сходство и отличия культурной и межкультурной коммуникации?
3. При каких условиях осуществляется межкультурная коммуникация?
4. Предугадайте решение московского суда по следующему иску: жена скульптора, создавшего памятник Ярославу Мудрому, потребовала денежную компенсацию за изображение князя на денежной купюре. Получила ли она компенсацию?
5. Прочитайте фрагмент описания нижегородской ярмарки, данный французским путешественником маркизом де Кюстином в 1839 г. Перечислите факторы, которые, по мнению наблюдателя, затрудняют межкультурную коммуникацию.

«Нижегородская ярмарка, ставшая ныне самой значительной на земном шаре, является местом встречи народов, не имеющих ничего общего между собой по виду, по одежде, по языку, религии и нравам. Жители Тибета и Бухары – стран, сопредельных Китаю, – сталкиваются здесь с финнами, персами, греками, англичанами и французами. Это настоящий судный день для купцов».

(Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. с. 626).

Тема 6. Концепт

Ключевые слова: концепт, концептуализм, референция, значение и смысл, денотат, структура вербально (невербально) выраженного концепта, внутренняя форма, ядро, актуальный слой.

Концепт – единица, объединяющая различные области гуманитарных наук. Обремененное многочисленными ассоциациями, широко использовавшееся в философии и математической логике, слово «концепт» было переосмыслено в современном гуманитарном знании. С разных точек зрения концепт изучается в культурологии, этнопсихологии, социологии и политологии, когнитивной лингвистике.

Возможны разные классификации концептов: 1) по типу порождения (концепты как единицы мышления и языка); 2) по типу выраженности (вербальные и невербальные; 3) познавательные и художественные.

Переход от одних единиц к другим не является действием произвольным или случайным. Меняется научная парадигма (И. Пригожин, И. Стенгерс).

1. Происхождение понятия

В русском языке слово «концепт» возникло как калька латинского *conceptus*, что означает буквально «поятие, зачатие» (от глагола «concipere» – зачинать). Этимологически они восходят к глаголу «пояти», что означает «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены». Таким образом, понятое, познанное (вспомним библейское выражение «познать» женщину) есть нечто взятое и удержанное[43].

На первый взгляд и в других европейских языках слова «концепт» и «понятие» выступают как смысловые дублеты. Так, в «Словаре итальянского языка» «концепт» (concetto) – мысль (pensiero), идея (idea), мнение (nozione). В английских словарях «концепт» – «идея, лежащая в основе целого класса вещей», «общепринятое мнение, точка зрения» (general notion). В таком понимании концепт приближается к понятию и стереотипу. В современном французском языке «концепт» также толкуется как абстрактная, обобщенная репрезентация объекта.

Однако при дальнейшем рассмотрении картина утрачивает статику и однозначность. Так, в «Longman Dictionary of Contemporary English»

[43] Ю.С. Степанов. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. с. 43. В дальнейшем страницы указываются прямо в тексте.

концепт определяется как «чья-то идея о том, как что-то сделано из чего-то или как оно должно быть сделано» (someone’s idea of how something is, or should be done). Возникает неожиданное указание на мыслящее лицо, деятеля, обладателя некой идеи и точки зрения. При всей абстрактности и обобщенности этого «некто» (someone) вместе с ним в «концепт» входит *потенциальная субъективность*. Между тем субъективность противоположна понятию в собственном смысле слова.

Во внутренней форме слова ощутимы противоположные полюсы динамики и схватывания, стабильности, удержания. Между внутренней формой слова и его базовым значением сохраняется напряжение, связанное с тем, что «концепт» содержит одновременно *1) «общую идею» некоего ряда явлений в понимании определенной эпохи и 2) этимологические моменты, проливающие свет на то, каким образом общая идея «зачинается» во множестве конкретных, единичных явлений.*

2. Генезис понятия

Употребление термина «концепт» восходит к средневековой философии. В XI-XIV веках развернулся спор между номиналистами и реалистами. Философы и богословы полемизировали о соотношении имен, идей и вещей. В центре полемики стоял вопрос об универсалиях – предельно обобщенных, идеальных объектах. Для *номиналистов* (от lat. nomen – имя, наименование) универсалии – субъективные образы сознания, существующие лишь в мышлении или в языке (строгий номинализм). Для *реалистов,* напротив, важно «…действительное существование надмысленной реальности, идеальных объектов, универсалий, не зависящих от человеческого опыта и познания». Столкновение этих точек зрения привело к возникновению «умеренного номинализма», вошедшего в историю философии под названием «*концептуализм*».

Концептуалисты полагали, что универсалии – самостоятельные структуры мысли, представляющие собой «воспроизведение в уме сходных признаков, заключенных в единичном». При этом, подобно реалистам, они не отрицали и существование общего в вещах[44]. Концептуалисты тяготели к рассмотрению имен вещей как орудий, «фиксирующих некое надындивидуальное, устойчивое понимание именуемого предмета людьми»[45]. Позднее именно эта точка зрения становится существенной *в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике.*

С концептуализмом связаны имена Пьера Абеляра, а также его учеников. Позднее сходные мысли высказывал английский философ Дж. Локк.

---

[44] В.И. Уколова. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). М., 1989. с. 43-44.

[45] Ю.А. Асоян. Культурологический концептуализм (методологический аспект) // Выбор метода. Изучение культуры в России 1990-х годов. Сборник научных статей. М., 2001. с. 86.

Пьер Абеляр (Abailard, Abélard, Petrus Abalardus, 1079 – 1142) – один из прославленных богословов средних веков, автор ряда сочинений на религиозно-философские темы. В эпохальном споре между номиналистами и реалистами Абеляр занял срединную позицию концептуализма, подчеркивая, что «…одна и та же сущность подходит к каждому отдельному лицу не во всем ее существенном (бесконечном) объеме, но только индивидуально, конечно («inesse singulis individuis candem rem non essentialiter, sed individualiter tantum»). Абеляр подчеркивает значимость воспринимающего лица, наделенного индивидуальной точкой зрения на существенные и бесконечные вещи. Абеляр полюбил свою ученицу Элоизу, однако обстоятельства жестоко разлучили их. Об этом рассказывает книга Абеляра «История моих бедствий».

Абеляр. История моих бедствий. М., 1992; Федотов Г.П. Абеляр. Пг., 1924; Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеляра. М., 1994.

В средневековой философии сложилось понимание имен (концептов) как особых «психологических образований», несущих с собой «смысловую функцию» (А.Ф. Лосев). Смысловая функция имени раскрывается в общении. Концепт интересен Абеляру как орудие общения людей друг с другом и с Богом. Это справедливо, поскольку в средневековой картине мира «…обращенность к слушателю всегда предполагала одновременную обращенность к трансцедентному источнику речи – Богу»[46]. Будучи конкретным, индивидуальным, контекстуальным смыслом, концепт заключал в себе и указание на всеобщий, универсальный источник, порождающий Смысл.

3. Концепт в понимании Г. Фреге. Смысл и значение

В широком понимании концепт – это *смысл*. Одним из первых эту точку зрения сформулировал немецкий логик и математик Готтлоб Фреге.

Готтлоб Фреге (Frege, 1848-1925) – выдающийся немецкий философ и математик, автор основополагающих работ в области логической семантики. В статье «Смысл и денотат» (“Über Sinn und Bedeutung”, 1892) он вводит разграничение между смыслом и значением знака. Г. Фреге писал, что «именно благодаря смыслам знаков человечество сумело накопить общий багаж знаний и может передавать его от поколения к поколению». Понимание «смысла» у Фреге можно соотнести с современными трактовками концепта.

Основные работы: Г. Фреге. Смысл и денотат // Семиотика и информатика: Вып. 35. М., 1997.

Готтлоб Фреге. Логика и логическая семантика. М., 2000.

[46] С.С. Неретина. Тропы и концепты. М., 1999. с. 30. См. также: С.С. Неретина. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Петра Абеляра. М., 1994.

Концептом имени (или знака) Фреге считал смысл знака. В его понимании «…смысл знака – это то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком»[47]. Смысл – путь, «которым люди приходят к имени». Смысл или концепт не совпадают со значением. «Значение» у Фреге понимается как *денотат*. Значение – это «чувственно воспринимаемый предмет». «Смысл» освещает предмет лишь с какой-то одной стороны, с определенной точки зрения. Здесь Г. Фреге ставит проблемы, которыми позднее лингвисты будут заниматься в рамках теории «референции». Референция – «отнесенность» имен к объектам действительности, денотатам[48]. Очень важно, с какой точки зрения, в какой момент наблюдатель смотрит на воспринимаемый объект.

В понимании Фреге *смысл имени не тождествен понятию*. Понятие всегда связано с базовыми значениями слова. Смысл зависит от контекста и наблюдателя.

Г. Фреге приводит яркий пример. У двух выражений: «Утренняя звезда – это небесное тело, освещаемое солнцем» и «Вечерняя звезда – это небесное тело, освещаемое солнцем» денотат одинаков – планета Венера. «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» – это разные имена «…одного и того же небесного тела». Денотат, »значение» совпадает. Однако смысл у этих высказываний разный. Вечерняя звезда Венера ярко сияет на вечернем небосводе. Утренняя звезда Венера – небесное тело, заметное на утреннем небосводе. Несовпадение смысла и значения связаны с различной позицией наблюдателя, который видит Венеру в разное время суток.

Концепт по Фреге – это *смысл.* В дальнейшем категории «значение» и «смысл» будут перенесены на само имя, на концепт, выраженный в языке.

Подчеркивая значимость стороннего наблюдающего взгляда, известный датский историк литературы Георг Брандес (Brandes, 1842-1927) писал: «Наблюдателю-немцу очень часто кажется, что быть немцем и человеком одно и то же, так как всякий раз, как он приступает к изучению человека, он видит перед собой немца». Иностранцу же бросаются в глаза такие особенности, на которые местный житель «не обратит даже внимания, потому что видит их перед собою, а главным образом потому, что сам ими отличается»[49]. Диалог культур подразумевает продуктивное несовпадение точек зрения, их разность. Если из «иного», «чужого» контекста взглянуть на привычное и «свое», то в давно знакомом объекте или материале могут обнаружиться новые неожиданные свойства.

---

[47] Г. Фреге. Смысл и денотат // Семиотика и информатика: Вып. 35. М., 1997. с. 354.

[48] Н.Д. Арутюнова. Референция // Языкознание. Большой Энциклопедический словарь. / Главн. ред. В.Н. Ярцева. М., 2000. с. 411.

[49] Г. Брандес. Романтическое искусство в Германии // Литература XIX века в ее главных течениях. Немецкая литература. СПб, 1900. с. 2.

Развивая идеи Г. Фреге, Н.И. Жинкин определяет значение как «…свойство имени, которое реализуется в назывании вещей». Здесь значение понимается как свойство имени, реализующееся в назывании денотата. Если значение имени относительно устойчиво и статично, то смысл имени, напротив, «…есть то, что передается и принимается в сообщении как информация и что при приеме сообщения должно быть понято» (18-19). Очевидно, что *смысл возникает в ходе коммуникации*. Смысл имени динамичен, он находится в становлении. Именно поэтому электронные словари-переводчики, при всем богатстве ресурсов памяти, содержащей названия огромного множества вещей, не справляются с переносными значениями, то есть смыслами слов, которые возникают в коммуникации, в контексте.

Николай Иванович Жинкин – психолог, философ, лингвист (1893 – 1979). Коммуникативная система – такая связь двух (или более) партнеров, в «процессе осуществления которой передается сообщение от одного партнера к другому, в результате чего могут измениться действия того партнера, который принял сообщение».

Основной труд: Механизмы речи. М., 1958.

Н.И. Жинкин приводит свой параллельный пример. Рассмотрим три имени (именных группы): «1. *Пушкин,* 2. *Автор поэмы "Медный всадник",* 3. *Поэт, убитый на дуэли Дантесом…*» (курсив – Н.И. Жинкина). Три эти имени обозначают один и тот же «предмет», т. е. определенное лицо, называющееся Пушкиным». Три эти имени одинаковы по значению, но различны по смыслу. Эти имена по-разному именуют свой объект. Они соединяются между собой разными способами и «сообщают разные сведения о данном предмете: во 2 сообщается, что обозначаемое лицо было автором поэмы "Медный всадник", в 3 – что это же лицо было убито на дуэли Дантесом» (18).

Итак, языковой концепт – это смысл имени (группы имен), возникающий в процессе коммуникации, в контексте.

4. С.А. Аскольдов о «познавательных» и «художественных» концептах

Важный этап в понимании концепта связан с трудами русского философа С.А. Аскольдова (1870-1945). Он определяет концепт как «…мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода»[50]. С.А. Аскольдов делит концепты на «познавательные» и «художественные». Для познавательных концептов характерна фиксированная, единая точка зрения на замещаемую область (87). Познавательные концепты приближаются к понятию.

Познавательные концепты могут быть вербальными и невербальными. Таковы, например, схемы. Схема, план собора или

[50] Статья С.А. Аскольдова цитируется по изданию: Межкультурная коммуникация. Практикум. Часть I. Нижний Новгород, 2002. с. 84. В дальнейшем страницы приводятся прямо в тексте.

другого здания отличаются от фотографии, гравюры или рисунка. Схема – характерный пример познавательного концепта. При всех различиях реальных готических соборов их планы примерно одинаковы. Однако Руанский собор или Лондонский мост, изображенные художниками-импрессионистами в разное время суток, оригинальны и неповторимы. Оригинален и неповторим русский храм Покрова на Нерли, органично вписанный в среднерусский ландшафт. Самый точный план построения церкви не может передать его облика. Схема, чертеж – характерные примеры познавательных концептов. Живописные воспроизведения тех же объектов – художественные концепты.

Сергей Алексеевич Алексеев (1870 – 1945; псевдоним Аскольдов) – русский философ. Занимался проблемами теории познания и этики. Статья “Концепт и слово” (1928) лежит у истоков “концептуально-культурологического направления” в современной гуманитарной науке. На его идеи опираются Д.С. Лихачев, В.П. Нерознак, Ю.С. Степанов.

С.А. Аскольдов исходит из того, что в философии, логике и лингвистике важнейшую роль играет «наблюдающий субъект». Благодаря «наблюдающему субъекту» любая система становится динамичной. В нее входят движение, развитие, изменение. Концепт С.А. Аскольдов также рассматривает как потенциальную, динамическую структуру, зависящую от взгляда наблюдателя.

Основные труды: Основные проблемы теории познания и онтологии. М., 1900.

Религиозно-этическое мировоззрение Достоевского. Пг., 1922.

Если концепты познания – «общности», то художественные концепты – «заместители» иного типа. Художественные концепты вызывают множество ассоциаций. Ассоциации нередко возникают благодаря связи звучания и значения. Это сцепление особенно важно для поэзии. В качестве примера С.А. Аскольдов ссылается на «Песнь о вещем Олеге» А.С. Пушкина. Он пишет: «Концепт “вещий” Олег художественно ценен именно потому, что он гораздо богаче ассоциативными возможностями, чем прозаический концепт “знающий”. Он именно рисует нам Олега в каком-то неопределенном ореоле разнообразных потенций “ведения”, органически сопряженных с его боевым обликом». Пусть эти ассоциации четко не осуществлены, но достаточно, что намечено их направление».

Как познавательные, так и художественные концепты являются не простым *отражением* замещаемого ими множества денотатов. С.А. Аскольдов подчеркивает, что концепт – «выразительный символ», «обнаруживающий лишь *потенцию* совершить то или иное». Так, «взмах руки пианиста над клавишами уже содержит, хотя и в иной динамической стихии, а именно в иннервационных возбуждениях, ту расчлененность движений, которая возникает, когда пальцы опустятся на клавиши. В этой

готовности руки произвести аккорд или пассаж уже заложена нервная и мускульная динамика аккорда как движения» (88).

Рассмотрим в качестве примера стихотворении М.Ю. Лермонтова «На севере диком стоит одиноко…»

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна.
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей все, что в пустыне далекой
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.
М.Ю. Лермонтов.

В этом переводе М.Ю. Лермонтова из Г. Гейне (Ein Fichtenbaum steht einsam...) звукопись играет важную роль. Значимое повторение гласных и согласных звуков придает стихотворению особую музыкальность. За счет аллитерации, эстетически ощутимого повтора согласного звука «с», выстраивается единый смысловой ряд: *с*евере – *с*тоит – *с*осна – *с*негом – *с*ыпучим. В первом четверостишии закрепляется связь между сосной – севером – снегом. Во втором четверостишии к этому семантически значимому звукоряду присоединяются еще один ряд: *с*нится – *с*олнца – во*с*ход – гру*с*тна – уте*с*е – прекра*с*ная – ра*с*тет. Таким образом, происходит ассоциативное сцепление и семантическое уравнивание севера и юга, снега и солнца, статики и роста, бодрствования и сна. Другой скрепой выступает в стихотворении мотив одиночества (На севере диком стоит *одиноко* – *Одна* и грустна на утесе горючем…). Звучание слов оказывается фактором, влияющим на изменение их значения. Происходит рождение смысла.

Другой пример позаимствуем из комедии Н.В. Гоголя “Ревизор” (1836). В ней среди прочих персонажей выведен уездный лекарь Христиан Иванович Гибнер. Говорящая фамилия лекаря – художественный концепт. Она тотчас вызывает серию ассоциаций. Надо полагать, что пациенты лекаря по фамилии *Гибнер* обречены *гибн*уть. Кроме того, по словам другого героя пьесы, уездному лекарю с больными затруднительно изъясняться, так как он “по-русски ни слова не знает”. Он все больше “издает звук, отчасти похожий на букву *и* и несколько на *е*”. Немой лекарь Гибнер – немец. Он в буквальном смысле слова *немец*, *немой*, поскольку не может разговаривать. С ним невозможен диалог.

5. Ю.С. Степанов о концептах культуры

Вслед за С.А. Аскольдовым Ю.С. Степанов подчеркивает, что «…концепты не только мыслятся, они переживаются»(43). Выражение Ю.С. Степанова, развивающее мысль С.А. Аскольдова, подсказывает нам,

что концепты рождают симпатии и антипатии. Иногда несовпадение концептов приводит к столкновениям, к непониманию, утрате смысла. Добавим, что если конфликт оказывается особенно острым, коммуникация прерывается.

В предисловии ко второму изданию книги «Константы: словарь русской культуры» Ю.С. Степанов приводит пример, показывающий, что одни и те же слова, выражающие одни и те же концепты, вызывают у представителей разных народов, возрастов, полов разные ассоциации, воспоминания, переживания. Так, на вопрос: «Какие ассоциации вызывает у вас слово «мужчина»? – женщины в Германии ответили: «Борода, щекотка, секс». В России были получены иные ответы: «Сынок, кормилец, Чечня». Очевидно, что концепт «мужчина» и выражающие его слова русского и немецкого языков при совпадении их дефиниций и базовых значений в словарях могут значительно расходиться по смыслу (4).

Каждое слово, выражающее концепт, сопровождает «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний. Концепт – «основная ячейка культуры в ментальном мире человека».

У Ю.С. Степанова это определение получает глубокое развитие в разделе о структуре концепта. К ней принадлежит «исходная форма» (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации, оценки». К структуре вербально и невербально выраженных концептов еще предстоит вернуться.

Обращаясь к «ментальному миру человека», Ю.С. Степанов затрагивает сферу когнитивистики. Когнитивистика исследует человеческий разум и мышление, «а также те ментальные процессы и состояния, которые с ним связаны»[51]. Концепт в этом контексте – «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (90). Репрезентацией ментальных концептов в языке занимается когнитивная лингвистика. Этому вопросу посвящена следующая тема.

6. Вербально и невербально выраженные концепты

В коммуникации смысл может быть представлен как вербальным, так и невербальным образом. В ходе коммуникации в системе «культура» концепты получают *вербальное* и *невербальное* выражение.

Вербально выраженные концепты могут выражаться словом (*счастье*), словосочетанием слов с разной степенью устойчивости («*эко счастье», по счастью*), фразеологизмами (*домашнее счастье, совет да любовь*), «прецедентными текстами» (Ю.Н. Караулов) и прецедентными

[51] Е.С. Кубрякова. Концепт. Концептуальная система или структура // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. с. 58. В дальнейшем страницы указываются прямо в тексте.

микротекстами («*счастливые часов не наблюдают*»). Невербально выраженные концепты представляют собой жесты, движения, серии жестов и движений без слов.

Очень часто концепт-символ становится названием произведения. Символическое название направляет ожидания читателя, привлекая внимание к идее произведения. Так, интересно название романа И.А. Гончарова «Обрыв» (1869), указывающее на смысловые глубины текста.

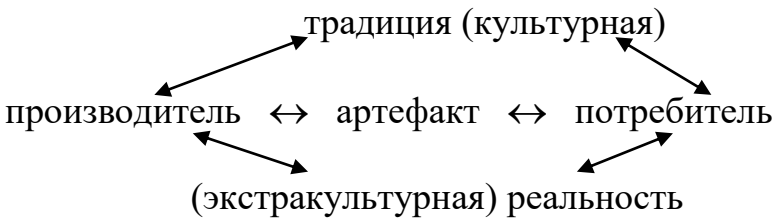
7. Структура концепта

Культура и концепт – фрактали, они самоподобны и при разности уровней представляют собой *инварианты.* Когда концепты обнаруживают себя, получая то или иное выражение, они предстают как *варианты*. Поэтому один и тот же концепт может быть выражен рядом синонимичных имен (знаков), их сочетанием.

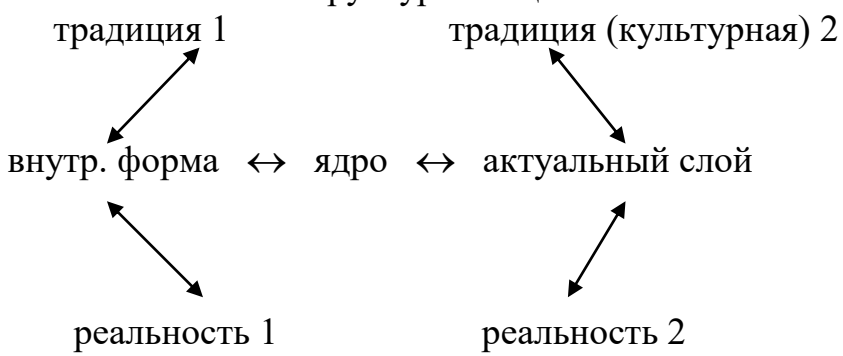
Концепт подобен, аналогичен системе «культура». Если культура это – макросистема, то концепт представляет собой микросистему. Концепт порождает коммуникацию в системе «культура», и порождается ею.

Представим эту мысль в виде двух схем:

Система «культура»:



Структура концепта:



Внутренняя форма – первый элемент структуры вербально выраженного концепта. *Если сопоставлять вербально выраженный концепт как микросистему с макросистемой «культура», то внутренняя форма предстанет как позиционная и смысловая аналогия «производителя», создателя артефакта.* За внутренней формой слова действительно стоит коллективный и анонимный автор – творец языка.

Внутренняя форма лишь отчасти, ослаблено определяет сегодняшнее бытование концепта. Для *познавательных концептов* внутренняя форма, как правило, не столь важна. Для *художественных концептов* внутренняя форма очень существенна.

Под внутренней формой В. фон Гумбольдт понимает способность звука вызывать ассоциации «с некогда связывавшимися с ним ощущениями». Звук «…настраивает душу на присущий данному предмету лад, частью самостоятельно, частью через воспоминания о других, ему аналогичных предметах…». Внутренняя форма содержит один из путей к вещи, одну из точек зрения на обозначаемую вещь.

В. фон Гумбольдт приводит интересный пример, связывая по ассоциации и аналогии “Wolke” (облако), Welle” (волна), “Waelzen” (перекатывание), “Wind”, (ветер) “Wehen” (дуновение), Wald” (лес) и т.п [52].

Эти положения Гумбольдта получают развитие в работах А.А. Потебни. Украинский лингвист различает в слове «внешнюю форму, т.е. членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ каким выражается содержание». При терминологической несхожести мысль Потебни перекликается с пониманием смысла у Фреге.

Вильгельм фон Гумбольдт (Humboldt, 1767 – 1835) – выдающийся немецкий философ, антрополог, лингвист и эстетик, обосновавший связь “характера народа” с природой, окружающей средой, общечеловеческими идеалами, национальными традициям и характером языка. Особое значение имеет положение Гумбольдта о языке “не как о мертвом продукте”, но “как о созидающем процессе”, определяющем “различные мировидения”. Гумбольдт подчеркивал, что “изучение языка…открывает аналогию между человеком и миром вообще и каждой нацией, самовыражающейся в языке, в частности”. С этим тезисом связано и учение о “внутренней форме” слова, во многом объясняющее генезис вербально выраженных концептов.

Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. М., 1985.

Внутренняя форма соотносится с архаичной традицией (традиция-1) и архаичной реальностью (реальность-1). Она выражает древнюю точку зрения этноса на мир, закрепленную многократными повторениями. Совокупность внутренних форм слов определенного языка передает исходные черты «наивной модели мира», фиксируя мировосприятие наших предков[53].

Рассмотренное со стороны своего построения и происхождения, слово перестает быть только условным знаком. Заместительная способность

[52] Вильгельм фон Гумбольдт. Лаций и Эллада // Межкультурная коммуникация. Практикум. Часть 1. Нижний Новгород. С.31. См. также: Журавлев А.П. Звук и смысл. Книга для внеклассного чтения учащихся старших классов. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М.: Просвещение, 1991.

[53] Ю.Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Вып. 35. М., 1997. с. 273.

слова у Гумбольдта связывается с его внутренней формой, то есть с исходной мотивированностью словесного знака. Два принципа – аналогия и связность – лежат в основании внутренней формы в теории В. фон Гумбольдта. Язык порождает внутри себя отношения аналогии между взаимосвязанными элементами. Чувственный образ, лежащий в глубине слова, настраивает воспринимающего на «присущий данному предмету лад». Таким образом, можно говорить об аналогии между мышлением и миром, миром и языком.

Внутреннюю форму окутывает облако ассоциаций. В различных коммуникативных ситуациях, особенно в поэтических текстах, они могут неожиданно делаться актуальными. Так, стоит нам произнести, например, русское слово «гроза», как тотчас нам представляются «все разнообразные понятия и образы, все ощущения», воспоминания и ассоциации.

Так, слово «гроза» в старо-славянском и древне-русском языках означало «ужас», «угроза», «ад»; «грозьный» – «страшный», «ужасный»[54]. Несомненно, что эти ассоциации значимы для одноименной пьесы А.Н. Островского (1859), одного из «прецедентных текстов» русской культуры. Со словом «гроза» связано и слово «грозить». «Грозовой» вызывает тотчас ассоциации с «грозным». В словаре В.И. Даля закреплена смысловая связь угрозы, грозы и предвещания «дурного исхода, дурных последствий». Интересно, что в «Русском словаре языкового расширения» А.И. Солженицына приведены следующие слова: грозьба, грозоносный, держать кого грозно, грозливый, грозк*о*й (здесь видно, что фамилия Дик*о*й возникает по аналогии), грозитель, грозительный, угрозный, грозовище, грозобоище (поприще пробежавшей грозы), взгрозился он на меня.

Второй элемент структуры концепта – его ядро. Структура вербально выраженного концепта центрирована вокруг «ядра», подобно тому, как система «культура» центрирована вокруг артефакта.

«*Ядро*» вербально выраженного концепта – однопорядковая категория с понятием, однако полного совпадения тут нет. Ядро содержит, как правило, базовое значение слова и раскрывается при помощи дефиниций в толковых словарях. Расширим пример с «грозой». «Гроза» – «атмосферное явление, заключающееся в электрических разрядах между облаками или между облаком и земной поверхностью (молния), сопровождаемых громом». Очевидно, что базовое значение связано с понятием «атмосферное явление». «Русский семантический словарь» приводит следующие «семантические множители» «грозы»: «гром, молн, ненаст, туч, бурн, град, гроз, дожд, стра, атм». Очевидно, что «семантические множители» указывают на «видовые» и «потенциальные»

[54] П.Я. Черных. Историко-этимологический словарь русского языка. 3-еиздание, стереотипное: В 2-х Т.: Т. 1. М., 1999. с. 219. См. также: Макс Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4 Т.: Т.1. / Пер. с нем. и дополнения члена-корреспондента РАН О.Н. Трубачева. Издание третье, стереотипное. Спб., 1996. с. 459-460.

семы. В лексическом значении слова «гроза» сема «страх» – «потенциальная сема». Потенциальные семы – нестабильные, переменные семантические величины.

С воспринимающим сознанием связан так называемый *актуальный слой концепта*. Актуальный слой представляет собой смысловую и позиционную аналогию с «потребителем» (система «культура»). Связанный непосредственно с традицией и реальностью, «актуальный слой» концепта передает непосредственную и часто мимолетную реакцию зрителя, слушателя и читателя на понятие и представления, воплощенные в концепте[55]. Под воздействием актуального слоя концепты национальной культуры меняются, адаптируясь к современности.

Все три элемента структуры – внутренняя форма, ядро, актуальный слой соединены прямыми и обратными связями. Благодаря прямым и обратным связям в постоянной движении и динамике находятся «потенциальные семы» (В.Г. Гак), выражающие переносные значения, реально существующие в слове. В ядре сосредоточен познавательный потенциал, во внутренней форме и актуальном слое – ассоциативные, художественные элементы структуры вербально выраженного концепта.

Обратимся к примерам. В актуальный слой концепта «гроза» могут входить, например, «гроза 17-го года», картина Н.П. Крымова «Гроза» (1908); «Гроза» – газета черносотенцев; произведение Эрнста Юнгера «В стальных грозах» (1920); сюита В.В. Щербачева «Гроза» (1934); романы Д. Гранина «Иду на грозу» (1962) и И. Мележа «Дыхание грозы» (1965), а также название автомата калибра 9 мм (ОС 14 «Гроза»). Изменчивость актуального слоя сигнализирует о неустойчивости, открытости, неуравновешенности структуры концепта в целом. Вербально выраженный концепт способен перестраиваться, меняться. Внутри него возможны смысловые флуктуации и взрывы. Это происходит в том случае, если ассоциации из актуального слоя (или внутренней формы) проникают в ядро, закрепляясь в нем. В этом случае ядро вербально выраженного концепта может существенно изменяться, перестраиваться. В этом случает потенциальные семы получают статус новых дифференциальных, видовых сем. Таков, вероятно, механизм исчезновения концептов, выраженных определенным словом. Одно и то же слово (словосочетание) национального языка может со временем выражать иные концепты.

Приведем характерный пример, свидетельствующий об изменениях в структуре вербальных концептов. Первая книга рассказов о деньгах и русских предпринимателях вышла в издательстве «Подкова»[56]. В нее

[55] Их можно уловить с помощью «Ассоциативного тезауруса современного русского языка». См.: Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. От стимула к реакции. М., 1994. В дальнейшем страницы указываются прямо в тексте.
[56] Талан. Рассказы о деньгах и счастье / Предисл. Т. Толстой. М., 2002.

вошли лучшие истории, отобранные в рамках литературного конкурса «чудесные истории о деньгах». Рассказы отбирало жюри под председательством Татьяны Толстой. Книга получила название «Талан». Девиз литературного конкурса – «чудесные истории о деньгах» – знак стремительных изменений в отечественной культуре. Концепт «чудесное» в лексиконе традиционной русской культуры плохо сочетается с концептом «деньги».

Т. Толстая нашла для книги замечательное название – «Талан». Талан – «…старинное слово тюркского происхождения, означающее «удачу, судьбу, барыш, прибыток»[57]. Заметим, что ключевое слово для рассказов о деньгах имеет иноземное происхождение. «Талан» связан с «талантом». Татьяна Толстая поясняет: «В дореволюционной литературе слово «бесталанный» означало «невезучий», в XX же веке стало употребляться как синоним слова «неталантливый». «Между тем «талант», то есть «одаренность», происходит от греческого слова, обозначающего меру веса (видимо, серебра), то есть деньги. Зарыть свой талант в землю, по евангельской притче, попросту означает не инвестировать деньги ни в какое дело, не нарастить процентов, не рискнуть капиталом, не пустить в оборот. Можно сказать, что талант – это капитал, а талан – доход, талант – это основа, а талан – счастливое везение. Зарыв талант, не получишь талана».

Итак, Т. Толстая четко структурирует вербально выраженный концепт: Внутренняя форма («талант» как мера веса, серебра)↔ядро (талант как одаренность) ↔ актуальный слой (талант как талан: доход, барыш, удача).

Т. Толстая играет с евангельской притчей, которую Христос рассказывает ученикам. В притче говорится о человеке, который, «отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: И одному он дал пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе…»

Как известно, «получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; / Точно также и получивший два таланта приобрел другие два; Получивший же один талант пошел и закопал *его* в землю и скрыл серебро господина своего». «…По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчета. / И подошед получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: «господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них». / Господин его сказал ему: «хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего». / Подошел также и получивший два таланта и сказал:

[57] Т. Толстая. «Кошелек интимнее обнаженного тела». Аргументы и факты. - № 5, 2002. с. 8. См. также: Т. Толстая. Купцы и художники // Талан. М., 2002. с. 7-24.

«господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них». / Господин его сказал ему: «хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего». / Подошел и получивший один талант и сказал: «господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал; / И убоявшись пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое»./ Господин же его сказал ему в ответ: «лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; / Посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я пришед получил бы мое с прибылью; / Итак возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, / Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; / А негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов». Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!»

Стремительно меняются народ-отправитель, народ-получатель, традиция и реальность. Т. Толстая толкует евангельскую притчу для бизнесменов буквально. Она оперирует не смыслом, то есть совокупностью прямых и обратных связей в системе (внутренняя форма ↔ ядро ↔ актуальный слой), а лишь буквальным значением слова «талант» (мера веса, деньги). В данном случае на место ядра попадает «ближайшее этимологическое значение» («внутренняя форма»). При этом Т. Толстая полностью отсекает второй смысловой план, совершенно очевидный и единственно важный в Евангельском контексте. В Евангельской притче основной смысл касается не собирания денег, а собирания «души», не «собирания сокровищ», а «в Бога богатения» (Лука, 12, 21). В Евангелии от Матфея (гл. 25; 14-30) речь идет о «бодрствовании» перед вторым пришествием Иисуса Христа, которое будет предшествовать Страшному Суду: «Итак бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий» (Матфей, 25, 13). Речь идет о Часе Страшного Суда, когда «соберутся перед Ним все народы; и отделит одних от других…»

Истолкование Т. Толстой иное: употребление слова («талант») – «…так далеко отлетело от его первоначального значения, что талант в наши дни противопоставляется деньгам. Деньги, мол, – это низменный и презренный металл, гадкие бумажки, их можно зарабатывать или красть, зато талант – дар, полученный от богов просто так, ни за что, именно что даром». И современная писательница заключает: «Не в том ли глубочайшая культурная разница между Россией и Западом, что мы ценим подаренное больше, чем заработанное, случайное – больше, чем выстраданное, стрекозу – больше, чем муравья?» Интересно, что Т. Толстая смешивает «труд» и «деньги», превращая коллективиста-муравья из басни Крылова в индивидуалиста-бизнесмена. Индивидуалистка же

стрекоза становится у нее – концептом русской ментальности по признаку «безделье». Концепты противоречиво накладываются друг на друга.

Базовые значения концепта «талант» подвергаются постоянному воздействию актуального слоя. Если концепт «талан» (барыш, удача) будет тиражироваться, повторяться, все чаще сливаясь с концептом «талант», то может произойти языковая и ментальная подмена. Талантливым будет считаться тот, кто имеет талан, то есть деньги, барыш, удачу. Близость звучания (талант ↔ талан) приводит к сближению значений. Один и тот же артефакт (концепт) «деньги» через производителя и получателя в современной глобализованной культуре соотносится с разными «традициями» и «реальностями». В этом случае коммуникация между современными бизнесменами и современными верующими людьми может не состояться. На наших глазах происходит трансформация национально-культурной картины мира. Изменения носят системный характер, поскольку затрагивают не слова, а концепты. Меняется не значение слов, а их смысл.

8. Структура невербально выраженных концептов.

Невербально выраженные концепты имеют в принципе такую же структуру. Приведем различные примеры. Так, в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях»А.С. Пушкина читаем:

«Им царевна говорит, -/ Всех я вас люблю сердечно; / Но другому я навечно/ Отдана. Мне всех милей / Королевич Елисей. / Братья молча постояли / И в затылке почесали…».

Обратим внимание на русский коммуникативный жест – «почесать в затылке». Вот как его описывают авторы «Словаря языка русских жестов»: Часть тела: рука. Активный орган: кисть, пальцы. Пассивный орган: голова. Физическое описание жеста: Жестикулирующий чешет ладонью или пальцами в области затылка… В основе жеста лежит физическая метафора: своим движением жестикулирующий как бы стимулирует работу мозга, приводит мысли в движение»[58]. Толкование: Х чешет в затылке. Он получил некоторую новую для него информацию, которую он воспринимает как имеющую к нему отношение; Х хочет осмыслить эту информацию и выбрать план дальнейших действий». Ему трудно сделать это; он напряженно обдумывает ситуацию». Здесь видно, что невербальный жест разворачивается в смысловом пространстве от генотипа (внутренней формы) до стереотипа. В основе жеста лежит физическая метафора: своим движением жестикулирующий как бы «стимулирует работу мозга». Это – аналог внутренней формы слова. С внутренней формой жеста связано его «ядро»: герою трудно принять решение, он напряженно обдумывает ситуацию. Таким образом,

[58] С.А. Григорьев, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин. Словарь языка русских жестов. Москва – Вена: Языки русской культуры, 2001. с. 115-116.

внутренняя форма и «ядро» между собой связаны. Отдельная проблема – связь ядра и актуального слоя невербально выраженных концептов.

Еще один подобный пример заимствуем из толкования блаженного Феофилакта, Архиепископа Болгарского, на «Деяния святых апостолов». В главе III «Деяний» есть рассказ о том, как апостол Петр исцелил человека «хромого от чрева матере его». Его сажали «каждый день при дверях храма, называемых Красными, просить милостыни у входящих в храм. «Он, увидев Петра и Иоанна перед входом в храм, просил у них милостыни. Петр с Иоанном, всмотревшись в него, сказали: взгляни на нас. И пристально смотрел на них, надеясь получить от них что-нибудь. Но Петр сказал: серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи. И, взяв его за правую руку, поднял…» Блаженный Феофилакт толкует это место так: «И, взяв его, – говорится, – …поднял». Этот способ исцеления указывал на воскресение, так как был образом воскресения». Поднятие – физическое действие – как образ Воскресения. Исцеление хромого как образ всеобщего исцеления[59]. Здесь видно, что буквальный смысл жеста и его ядро тесно связаны друг с другом.

В романе Ф.М. Достоевского «Бесы» есть интересное замечание: “Степан Трофимович даже заметил однажды, что чем более помещик разорился, тем слаще он подсюсюкивает и растягивает слова”[60]. Семантика умаления выражается в невербальном концепте – «подсюсюкивании». Интонация и артикуляция – важные средства характеристики невербальных и вербальных концептов.

Концептами являются и «национальные жесты». Примечательно, что известные отечественные литературоведы, комментаторы «Евгения Онегина» Н.Л. Бродский и Ю.М. Лотман[61] оставляют без внимания пятую строку XIII строфы из VI главы романа в стихах:

Решась кокетку ненавидеть,
Кипящий Ленский не хотел
Пред поединком Ольгу видеть,
На солнце, на часы смотрел,
Махнул рукою напоследок –
И очутился у соседок.
(VI, XIII; курсив мой – В.З.).

Примечательно, что именно этот стих подробно рассматривает В.

[59] Деяния святых апостолов с толкованием блаженного Феофилакта, Архиепископа Болгарского. М.: Сретенский монастырь, Новая книга, Ковчег. с. 88 – 92.
[60] Ф. М. Достоевский. Бесы. Собрание сочинений: 12 Т.: Т.8. / Сост. Г.М. Фридлендера. М., 1982, с. 287.
[61] См.: Н.Л. Бродский. «Евгений Онегин». Роман А.С. Пушкина. Пособие для учителя. Изд. 5. М., 1964;Ю.М. Лотман. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л., 1980, с. 293. Интересно, что Ю.М. Лотман комментирует стих 14 из XII строфы – “И метить в ляжку иль в висок”, – усматривая в нем “точную фиксацию позы дуэлянта, который, ожидая выстрела, отвернул голову и закрылся пистолетом”. Однако он не считает нужным пояснять строку – “Махнул рукою напоследок”.

Набоков, знаменитый писатель, переводчик и комментатор «Евгения Онегина» А.С. Пушкина. В. Набоков подчеркивает, что для англоязычных читателей необходимо «исчерпывающее толкование» этого места, поскольку «…фраза касается национальных жестов или мимических движений, которые в точном переводе на английский язык лишены смысла…»[62]. Вопрос о переводе невербальных концептов с особой ясностью выявляет расхождение значения и смысла, восходящее к лакунам и несовпадениям разных типов, существующих между национальными культурными мирами.

Приведем еще один пример. Феликс Эдмундович Дзержинский – «единица исторической памяти», личный концепт, входящий в советскую и постсоветскую концептосферу. Уже отмечалось, что структуру выраженного концепта содержит три компонента:

Внутренняя форма ↔ ядро ↔ актуальный слой

Все эти три элемента связаны прямыми и обратными связями. Имя «Дзержинский» – концепт, выраженный в вербальной форме. Однако в коммуникации этот концепт может получать и невербальное выражение. Внутренняя форма – буквальное значение концепта, мотивированная связь между именем Дзержинский и характером исторической личности. Ядро – иерархия базовых значений концепта, зафиксированная в энциклопедиях и исторических справочниках разных эпох. Если в ядре концепта сконцентрирована информация о Ф.Э. Дзержинском (1877-1926) как о председателе ВЧК (1917), председателе специальной комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК (1921), председателе ВСНХ (1924), если в ядре концепта хранится информация о Дзержинском-деятеле, организаторе, «председателе», то «актуальный слой концепта» сформирован иначе. При жизни и сразу после смерти Дзержинского в 1926 году вокруг его имени, замещавшего и выражавшего множество событий его жизни, а затем и саму жизнь как целое, стали накручиваться образные ассоциации: «горение», «рыцарь революции» (И. Сталин), «душевная чистота и твердость» (М. Горький). Заимствованные из некрологов, эмоциональные реакции на стимул «Дзержинский» («железный Феликс», «чистые руки, горячее сердце, холодная голова», «пламенный»), постепенно перестраивали «ядро».

Со временем в него проникали иронические обертоны. С изменением традиции и реальности в начале 90-х годов XX в. начинается трансформация концепта. При этом концепт «Дзержинский» выявляет неустойчивость, подвижность, открытость подобных структур, связанную с наличием прямых и обратных связей. «Актуальный слой» концепта составляют ассоциации современных потребителей культуры. Из ядра концепта реципиенты извлекают различные стимулы и по-разному реагируют на них. Полемика разворачивается не вокруг внутренней формы

[62] Владимир Набоков. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. М., 1999. с. 576 – 577.

концепта (абсолютно не важен исторический Ф.Э. Дзержинский) и не вокруг ядра, представляющего собой «единицу памяти» советской эпохи. Играет лишь «актуальный слой», в котором происходит «отслоение» образа от «сути». «Образ» Дзержинского начинает жить самостоятельной жизнью, превращаясь в особую семиотическую структуру, «знак оправдания жестоких политических репрессий против собственного народа», (Московские Новости, № 36, 17-23 сентября 2002 года, с.4), знак «красного террора» и Гулага (Иллюстрированный энциклопедический словарь, 1995). Таким образом, в концепте «Дзержинский» сочетаются познавательные и художественные моменты, но все более заметно начинают перевешивать субъективные представления.

В сегодняшнем политическом *дискурсе* с историческим концептом «Дзержинский» связана ассоциация «памятник». Демонтированный в августе 1991 года, памятник основателю ВЧК стал фактом современной российской ментальности. В случае с памятником мы имеем референцию второго порядка. При появлении стимула «Дзержинский» возникает соотнесенность с памятником, а уже затем с самой личностью исторического Ф.Э. Дзержинского.

Как известно, в советское время значение Дзержинского было закреплено при помощи невербального концепта – памятника работы знаменитого советского скульптора-монументалиста Евгения Вучетича. Есть ряд известных памятников Вучетича: в Трептов-парке в Берлине, на Schwarzenbergplatz в Вене и т.д. В этом ряду сохранившихся, не снесенных монументов находится памятник Дзержинскому, удаленный с постамента на Лубянской площади.

Есть и другой синхронный ряд виртуальных памятников. Наряду с возвращением памятника Дзержинскому в Москве обсуждают возведение памятника царю Александру II. Причем возвращать один и возводить другой памятники согласны одни и те же политические деятели. Добавим, что в этот ряд синонимических (Ю.С. Степанов) невербальных концептов попадает и еще один памятник – город советских химиков Дзержинск в Нижегородской области, катастрофически отравляющий самое себя и все окружающее.

В дискуссии о снесенном памятнике важную роль играет Лубянская площадь. Эта площадь – особое, памятное место. Она сама по себе – историко-архитектурный концепт. Примечательно, что известный художник Илья Глазунов вспомнил о внутренней форме концепта «Лубянская площадь». На месте памятника Дзержинскому еще с начала XIX-го века стоял красивый фонтан, «воспетый на всех гравюрах старой Москвы». Этот фонтан сохранился. Сейчас он находится на территории Академии наук на Ленинском проспекте. И. Глазунов полагает, что было бы справедливо вернуть этот фонтан «на старое место». Тем самым была

бы восстановлена внутренняя форма историко-архитектурного концепта «Лубянская площадь».

Вербально-скульптурный концепт «Дзержинский» не только замещает «множество предметов», но и символически указывает на потенциально возможные события. «Минус-памятник» Дзержинскому символичен, потенциален. Пустой постамент открывает возможность проигрывать разные сценарии. Ассоциация «памятник» обеспечивает сегодня «обратную связь» между ядром и актуальным слоем концепта. В политическом и рекламном *дискурсах* фигурируют, как правило, «образы», «знаки», «символы», возникающие в актуальном слое. Концепт представляет собой единицу ментальности, которой оперируют и манипулируют создатели конкурирующих PR-технологий.

9. Итоговое определение концепта

В семиотике концепт –

знаковая система, получающая вербальное или невербальное выражение.

В философии и логике концепт –

смысл знака,

способ представления обозначаемого данным знаком,

«заместитель» множества предметов данного ряда, не всегда совпадающий с понятием.

В культурологии –

«основная ячейка культуры в ментальном мире человека».

В когнитивистике –

«оперативная содержательная единица памяти».

Лингвистика изучает вербально выраженные языковые концепты.

Концепт в лингвистике –

смысл языкового знака, актуально или потенциально соотносимый с множеством замещаемых им явлений и предметов,

сообщение, смысл которого раскрывается в процессе коммуникации.

Понимание вербальных концептов зависит от контекста, отправителя, получателя, традиции и реальности данной национальной языковой концептосферы и национального культурного мира.

Вопросы и задания:

1) Как вы понимаете тезис о «концепте как заместителе»?

2) Чем отличаются «познавательные» концепты от художественных?

3) Проанализируйте название романа И.А. Гончарова «Обломов» как «художественный концепт».

4) Как соотносятся сируктура концепта с системой «культура»?
5) Какова структура концепта?
6) Как понимал внутреннюю форму слова В. фон Гумбольдт?
7) По каким источникам можно реконструировать ядро вербально выраженного концепта?
8) Как связаны между собой ядро и актуальный слой вербально выраженного концепта? Приведите примеры.
9) Охарактеризуйте концепт «гроза» из стихотворения И. Северянина «Классические розы»

Классические розы

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!

1843 г. Мятлев

В те времена, когда роились грезы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слезы…
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране…
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут – уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп…
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

1925

Тема 7. Типы концептов в когнитивной лингвистике

Ключевые слова*: Когниция, когнитивная семантика, дискурс, внутренняя речь, внешняя речь, предметно-схемный код, высказывание, пропозиция, фрейм, сценарий*

1. Когниция и когнитивная лингвистика

Когнитивная лингвистика – современная отрасль филологии, рассматривающая проблемы языка «сквозь призму когниции». Под

«когницией» понимается 1) познание, 2) наука об изучении человеческого разума и мышления; 3) «познавательная деятельность человека». Соотношение мышления и языка – традиционная проблема психологии и языкознания – в рамках когнитивной лингвистики получает новое обоснование.

Слово «когниция» восходит к латинскому cogito (вспомним знаменитое – cogito, ergo sum). Примечательно, что английского слово “cognition” трудно перевести на русский язык, поскольку в английском оно означает и *познавательный процесс* и его *результат* – знания[63]. Итак, *когниция* – это процесс и результат познавательной деятельности человека. Связанная с изучением ментальности, когнитивная наука играет важную роль в исследовании концептов и концептосфер.

Восходя в истоках к философии и психологии, эта дисциплина сегодня образует смежные поля с кибернетикой, семиотикой, психолингвистикой, культурологией, социологией, изучением искусственного интеллекта. В этом контексте прилагательное «когнитивный» часто интерпретируют как «ментальный»[64].

Концепты возникают в мышлении, хранятся в памяти, определяют ментальность и выражаются в языке[65]. Память может быть коллективной, общенародной, статусно-социальной и индивидуальной. Неодинаково устроена память у мужчин и женщин, детей, людей разного возраста. Соответственно существуют разные проявления ментальности, порождающей разные типы концептов. *Соотношение концептов как единиц ментальности и единиц языка изучает современная когнитивная лингвистика*.

На макроуровне предметом когнитивной лингвистики является *дискурс* – текст, входящий в жизнь (Н.Д. Арутюнова), текст в контексте (М.М. Бахтин), в единстве внутренних и внешних (экстралингвистических) факторов. На микроуровне когнитивная лингвистика изучает структуру языковых концептов.

Уже отмечалось, что под концептами в когнитивной науке понимаются «оперативные содержательные единицы памяти, ментального лексикона…» отраженные в человеческой психике». Извлекая эти единицы из памяти, люди оперируют ими во «внутренней речи».

Согласно представлениям Н.И. Жинкина, внутреннюю речь

---

[63] Н.Н. Болдырев. Концепт и языковое значение. Лексические и грамматические концепты // Межкультурная коммуникация. Часть I. Нижний Новгород: Вектор, 2002. с. 136.

[64] В. З. Демьянков, Е.С. Кубрякова. Когнитивная лингвистика // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Пакрац, Л.Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.с. 53; 47; 58; 90. В дальнейшем это издание цитируется по книге: Межкультурная коммуникация. Часть I. Нижний Новгород: Вектор, 2002. Страницы указываются прямо в тексте.

[65] В.М. Бухаров. Концепт в лингвистическом аспекте // Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. Нижний Новгород, 2001. с. 74-84.

определяет так называемый «предметно-схемный код»[66]. Первое свойство этого кода заключается в том, что он «непроизносимый», в нем отсутствуют слова натурального языка[67].

Во внутренней речи происходит совпадение вещи, то есть того, что может быть как-либо названо, и знака. «Когда мы говорим: *Большой театр*, то за буквами или звуками языка разумеем самое вещь – Большой театр. Когда же мы представляем себе Большой театр, то независимо от каких-либо букв или звуков, мы имеем в виду самое эту вещь как предмет, могущий породить множество высказываний (например, мысль о том, что находится справа, слева, сзади от Большого театра и т.п.). Поэтому такой код и может быть назван предметным».

Во внутренней речи все связи содержательны и предметны. «Такой предметный код представляет собой *универсальный* язык» (курсив – Н.И. Жинкина). С этого языка возможны переводы на все другие языки» – словесный, визуальный, зрительно-двигательный и т.д.

2. Внутренняя и внешняя речь

Если концепт получает выражение в речи, то это «…отображается в переосмыслении лексических значений». Выражающее концепт слово «…не может обладать постоянным значением. Иначе при ограниченном количестве слов было бы ограниченное число высказываний, и вновь возникающие предметные ситуации не могли бы быть высказаны» (21). Концепт «…пробивается в язык, перестраивает его, побуждает к развитию». В процессе общения «неизбежно меняется интерпретация лексики в силу того, что контекст определяет переосмысление лексических значений».

Рассматривая соотношение внутренней и внешней речи, Н.И. Жинкин использует термин «перевод». Так, «понимание – это перевод с натурального языка на внутренний». Обратный перевод, то есть переход с внутреннего на естественный язык, – «высказывание» (22). Высказывание реализует, как правило, лишь один из аспектов внутренней речи, «что подтверждается существованием многочисленных синонимов, разных дефиниций и текстовых описаний одного и того же концепта»[68].

3. Высказывание и пропозиция

Встреча внутренней речи и естественного языка реконструируется с помощью понятия «*пропозиция*». Термин «пропозиция» принадлежит

---

[66] Н.И. Жинкин. О кодовых переходах во внутренней речи // Межкультурная коммуникация. Часть I. Нижний Новгород: Вектор, 2002. с. 20-23. В дальнейшем страницы приводятся прямо в тексте.

[67] Концепция Н.И. Жинкина не является единственной. Ее дополняют разные авторы. См., например: Ю.Н. Караулов. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

[68] Н.Н. Болдырев. Концепт и значение слова // Методологические проблемы современной лингвистики. Научное издание. / Научный редактор И.А. Стернин. Воронеж, 2001. с. 26-27.

философии и лингвистике. В основе пропозиции лежит функциональное соотношение постоянных и переменных величин. В структуре пропозиции выделяется семантическое ядро и «пропозициональные предикаты», выражающие установку говорящего. Пропозициональные предикаты содержат «субъективную переменную» [69].

Н.Д. Арутюнова приводит следующий пример: «Я утверждаю (сомневаюсь, полагаю, знаю, думаю, отрицаю), что в городе начались беспорядки». Семантическим инвариант в этом случае является ряд – «в городе-начинаться-беспорядки». Семантический инвариант обозначает действительное или возможное положение дел, постоянную величину. На этой основе становится возможным «перевод» внутренней речи на естественный язык.

С говорящим связаны модальные переменные величины, выражающие его отношение к сообщаемому (боюсь, надеюсь, полагаю, уверен…) В состав пропозиции входят термы, способные к референции (город-беспорядки…) и предикат, способный приобретать модальные и временные характеристики (я уверен, был уверен, боюсь, боялся…). Предикат – субъективная переменная потенциальная величина, зависящая от контекста. Предикаты могут заполняться по-разному.

Приведем пример из романа американского писателя А. Хейли «Аэропорт». Один из отрицательных персонажей романа, циничный адвокат Элиот Фрименталл рассуждает о том, что адвоката должна окружать «аура» удачливости, успеха. По его мнению, люди предпочитают, чтобы их адвокаты – в отличие от врачей – выглядели преуспевающими. (“Eliott Freemantle had long ago discovered that people preferred their lawyers unlike their doctors – to look prosperous»[70]**).** Здесь, на первый взгляд, семантическим инвариантом является группа: «люди предпочитают – адвокаты в отличие от врачей – выглядят преуспевающими». Пропозициональный предикат – «Элиот Фрименталл уже давно обнаружил». При ближайшем рассмотрении, однако, субъективные переменные величины содержатся и в ядре пропозиции: «выглядят преуспевающими». Введение глаголов, передающих внутреннее состояние и зависящих от некого субъекта, «я» или «они» (люди), снимает референциальную определенность. Именная группа – «выглядят преуспевающими» – также может быть истолкована как субъективная переменная величина. В этом высказывании с реальным положением вещей в действительности соотносятся лишь группа – «люди предпочитают – адвокаты в отличие от врачей». Это структурное соотношение стабильного и переменного, статичного и динамичного элементов справедливо не только для пропозиции, но и для структуры концептов.

---

[69] Н.Д. Арутюнова. Пропозиция // Языкознание. Большой Энциклопедический словарь. / Главн. ред. В.Н. Ярцева. М., 2000. с. 401.

[70] М. Минский. Фреймы для представления знаний. М., 1979. с. 7. В дальнейшем страницы указываются прямо в тексте.

4. Схемы, фреймы, сценарии. М. Минский о фрейме

Исследователи выделяют разные типы ментальных и вербально выраженных концептов. Среди основных – «образы восприятия», «схемы», «фреймы», «сценарии». Разные авторы по-разному дополняют этот ряд[71].

Можно говорить об аналогии между структурой пропозиции и структурой фрейма. В структуре пропозиции выделяется семантическое ядро и «пропозициональные предикаты», выражающие установку говорящего, то есть стабильные и «субъективные переменные» величины. Сходное соотношение стабильных и переменных величин характерно и для структуры фрейма.

Одну из распространенных теорий фрейма предложил американский ученый М. Минский. М. Минский исследует структуру объекта, который он обозначает многозначным словом “mind” («ум», «мозг», «сознание» и т.д.)[72].

Марвин Минский **(род.)** – психолог и математик, специалист в области Computer Science, один из создателей лаборатории искусственного интеллекта в Массачусетском Технологическом институте (США). Минский характеризует разум человека (mind) как сообщество (society) компонентов, которые сами по себе разума лишены (mindless). Соединяясь между собой и включаясь во взаимодействия, «малые идеи» создают крупные сообщества идей, порождая разум. Если процессы (agent), происходящие в сфере интеллекта, интерпретировать достаточно просто, то взаимодействия между сериями подобных процессов весьма сложны.

Минский разработал теорию *фреймов*. Под фреймом исследователь понимает организацию представлений, хранимых в памяти. Фрейм состоит из набора терминалов. К этим терминалам в дальнейшем могут присоединяться другие структуры.

Основные работы на русском языке: М. Минский. Фреймы для представления знаний. М., 1979. М. Минский. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Когнитивные аспекты языка: Новое в зарубежной лингвистике. 1988. вып. XXIII / с. 281-309.

В понимании М. Минского фрейм – 1) своего рода «скелет», основа нашей памяти, 2) анкета со множеством рубрик (slots), которые должны быть заполнены[73]. Эти «рубрики» М. М. Минский называет «терминалами». Терминал – точка связи, к которой можно присоединить информацию другого типа. Таков, например, фрейм «аэропорт». Однако ряд терминалов этого фрейма является общим для фреймов «речной порт», «железнодорожный вокзал», «автобусная станция».

Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации[74]. У фрейма есть различные уровни. Верхние (высшие) уровни

[71] См.: Ю.Н. Караулов. Русский язык и языковая личность…с. 189-210. См. также: Методологические проблемы современной лингвистики. Научное издание. / Научный редактор И.А. Стернин. Воронеж, 2001.

[72] Б.Л. Лихтерман. «Пересекая границы» // Медицинская газета № 84. 29.10.99. с. 15.

[73] Marvin Minsky. The Society of Mind. New York-London-Toronto-Sydney-Tokyo-Singapore: A Touchstone Book.1988. p. 245.

[74] М. Минский. Фреймы для представления знаний. М., 1979. с. 7. В дальнейшем страницы указываются прямо в тексте.

четко определены. Они образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации. Другими словами, верхние уровни фрейма – постоянные величины, «семантические инварианты». Более низкие уровни фреймов имеют много особых вершин-терминалов или ячеек, которые должны быть заполнены характерными примерами или данными, наиболее вероятными для конкретной ситуации. В структуре фреймов есть так называемые «задания отсутствия». Они выполняют «роль переменных», служат для аргументации с помощью примеров, представляя информацию общего вида и описывая наиболее вероятные случаи, указывая на способы проведения полезных обобщений и т.д.» (8). Точно также построена и пропозиция, лежащая в основе высказывания.

Цепочки высказываний соединяются во фреймы и сценарии. Сценарии отличаются от фреймов наличием сем «развития, динамики, движения»[75]. Так, «аэропорт» – это фрейм. Посадка пассажиров на рейс – сценарий внутри этого фрейма. Некоторые произведения литературы в жанровом отношении напоминают фреймы. Таков, например, роман-фрейм А. Хейли «Аэропорт».

В романе А. Хейли аэропорт определяется как система взаимозависимых «сегментов», которые накладываются друг на друга (14). По мнению повествователя, всякий аэропорт состоит из отдельных целостных единиц (units), а не «отдельных компонентов» (separate components; 473). Противопоставление «целостной единицы» отдельному компоненту характеризует не только аэропорт, но и структуру всякого фрейма.

Классическая характеристика аэропорта как фрейма, состоящего из различных терминалов (слотов), в романе выглядит так: “While waiting for a flight, and without ever leaving the terminal, a visitor could shop, rent a room and bed, and take a steam bath with massage, have his hair cut, suit pressed, shoes shined, or even die and have his burial arranged by Holy Ghost Memorial Gardens which maintained a sales office on the lower concourse” (68-69). Речь идет о том, что пассажир, не покидая здания аэропорта, может совершить необходимые покупки, постричься, снять комнату, заказать автомобиль, массаж, а также и собственные похороны по высшему разряду. Аэропорт показан как суперфрейм, функционирующий как конвейер.

Одно из ключевых слов в романе – «модель», «структура» (pattern). Слово “pattern” маркирует устойчивую стереотипную повторяющуюся ситуацию. Так, один из центральных персонажей романа, Мэл Бейкерсфельд, говорит о себе так: “Not going home, in fact, seemed lately to have become the pattern of his life” (17). Нежелание возвращаться домой

[75] А.П. Бабушкин. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы современной лингвистики. Научное издание. / Научный редактор И.А. Стернин. Воронеж, 2001. с. 55.

повествователь называет «моделью» жизни Мэла. Еще один характерный пример такого рода связан с энергичным руководителем технической службы Джо Патрони: «The situation had already assumed a proficient, *get-on-with-it pattern* (курсив мой – В.З.) – a trademark of any proceeding in which the energetic TWA maintenance chief became involved» (44). Здесь неологизм «*get-on-with-it pattern*» фиксирует главную особенность характера Патрони – умение найти выход из любой затруднительной ситуации. При этом творческий потенциал личности оформляется с помощью особой «фреймовой» лексики, подчеркивающей стереотипность, повторяемость действий и событий: pattern, trademark (торговая марка).

Всякий фрейм содержит узлы-слоты, которые заполняются характерными данными. Таковы имена и фамилии персонажей в романе «Аэропорт»: Rolling, Patroni, D.O. Guerrero. Русское имя Tanya содержит стереотипный намек на русскую душевность. Зато сотрудница страховой компании Bunnie Vorobioff, родом из Восточной Германии, страдает от неуверенности в себе, мелкой расчетливости, нерешительности и страха. Здесь русская фамилия Vorobioff несет отрицательные коннотации.

У Хейли языковые и сюжетно-композиционные схемы угадываются и в схематических героях. Это придает персонажам узнаваемость, а роману-фрейму предсказуемость и понятность.

Подводя итоги, отметим, что в романе «Аэропорт» автор использует особые приемы, связанные с частичным разрушением читательских ожиданий. Он умело заполняет свободные, переменные потенциальные слоты, поддерживая напряжение. Структура романа-фрейма, в которой важны стереотипные, узнаваемые смысловые узлы-терминалы, ставит читателя *как бы* наравне с повествователем. С точки зрения массовой литературы – точный и безошибочный ход.

Еще один пример романа-фрейма – «Дамское счастье» Э. Золя. По принципу фрейма построены современные телесериалы. Характерным примером фрейма являются современные программы теленовостей. Они состоят из заранее известных, постоянно повторяющихся «модулей»: «главная новость дня», «новости внутренней жизни», «события за рубежом», новости спорта, погода… Вместе с тем в моменты нестабильности, флуктуаций программа новостей прерывается, ведущие сообщают о новости, которая только что получена по информационным каналам. В этот момент фреймовая структура программы новостей нарушается, фрейм превращается в сценарий.

5. Несовпадение сценариев в разных культурных и языковых концептосферах

Типологическая общность структур, фреймов и сценариев не означает их абсолютного подобия. В различных национальных и социальных концептосферах возможны разные реализации сходных фреймов.

В известной книге голландского лингвиста Т.А. ван Дейка «Язык. Познание. Коммуникация» приведен следующий пример: «Если совершенно незнакомый человек подойдет к нам на улице, у нас есть все основания предполагать, что он задаст нам вопрос или обратиться с просьбой, а не станет исповедываться нам в своих любовных делах или угрожать»[76].

Однако в российском контексте эта «гипотетическая интерпретация» может меняться. Об этом свидетельствует, например, первая встреча Раскольникова с Мармеладовым из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866).

В распивочной Раскольников обратил внимание на гостя, внешне походившего на отставного чиновника, человека лет пятидесяти или более, «…среднего роста и плотного сложения, с проседью и с большою лысиной, с отекшим от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки». На чиновнике был старый фрак, совершенно оборванный, «с осыпавшимися пуговицами». Из-под нанкового жилета «торчала манишка», скомканная и запачканная. Точно также выступало из-под «сизой щетины» заросшее лицо, некогда чисто выбритое.

В ухватках этого человека было что-то «солидное», чиновничье», однако вместе с тем в нем чувствовалось и беспокойство. Им владела тоска. Заметим по ходу, что «тоска» – также один из важнейших концептов русской ментальности и русского языка.

В разговор Мармеладов вступает тотчас, «твердо», стремительно сокращая дистанцию между собой и Раскольниковым: «Наконец он прямо посмотрел на Раскольникова и громко и твердо проговорил: – А осмелюсь ли, милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным?» Это внезапное обращение к совершенно незнакомому человеку превращает диалог из невербального (обмен взглядами) в вербальный. Сокращение дистанции в диалоге – также один из важных параметров русской ментальности. Коммуникативная ситуация резко динамизируется. Фрейм «распивочная» превращается в сценарий.

Высказывание – «А осмелюсь ли, милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным?» – содержит пропозициональный предикат «А осмелюсь ли…». Формула – «А осмелюсь ли» – представляет собой концовку внутреннего монолога, который переходит в реплику, призванную установить контакт с собеседником.

Глагол в инфинитиве «обратиться» устанавливает мостик между внутренним миром Мармеладова и его собеседником Раскольниковым.

[76] Т. А. ван Дейк. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация. Сборник работ. / Сост. В.В. Петрова. М., 1989. с. 20.

Глагол «о*брат*иться» содержит скрытый призыв к общению, диалогу, «*брат*ству». Возможно, Мармеладов интуитивно угадывает в Раскольникове брата, «со-брата» и завязывает с ним разговор.

Семантическим инвариантом высказывания выступает здесь «обратиться – разговором – приличным».

Мармеладов продолжает: «Ибо хотя вы и не в значительном виде, но опытность моя отличает в вас человека образованного и к напитку непривычного». На Западе трудно представить себе установление контакта, которое начиналось бы с констатации «незначительного» вида собеседника. Такое общение, скорее всего бы не состоялось.

Затем Мармеладов переходит к высказываниям о высших моральных ценностях: «Сам всегда уважал образованность, соединенную с сердечными чувствами, и, кроме того, состою титулярным советником». Интересно, что социально-статусная характеристика – «титулярный советник» – следует за рассуждениями о нравственных ценностях. И дело не только в том, что Мармеладов – отставной титулярный советник. «Образованность» и, особенно, сердечные чувства, – качества внутренние – в русской традиции всегда ставились выше внешней социальной роли. Личность человека выше его социальной роли, не укладывается в нее, – таково одно из значимых умолчаний русской культуры. Это положение часто не вербализуется. Однако от этого оно становится только более значимым и ценным. Социальная роль связана с социальным статусом, «значением» человека. Личность указывает на «смысл». В русской классической литературе XIX-го века расхождение социальной значимости и смысла жизни указывает на фундаментальные религиозно-философские основы бытия.

Слово «сам» («сам всегда уважал») говорит о том, что, по мнению Мармеладова, Раскольников также «уважает» образованность и сердечные чувства. После исповедального высказывания следует вопрос: »Осмелюсь узнать, служить изволили?» На Западе, скорее всего, общение началось бы именно с представления, с четкого обозначения социальной роли. Для диалога героев Достоевского характерна инверсия: запрос о смысле ставится всегда на первое место.

Интересно, что Раскольников лишь «отчасти» удивлен «особенным витиеватым тоном речи» и тем, что так «прямо, в упор», обратились к нему. В этот момент его покидает едва возникшее «мгновенное желание хотя какого бы ни было сообщества с людьми». Он ощущает раздражение, что «чужое лицо» хочет «прикоснуться к его личности». Раскольникова неприятно задевает стремительное сокращение дистанции, характерное для сценариев русской культуры. Далее Мармеладов переходит уже к прямой проповеди: «– Милостивый государь, – начал он почти с торжественностию, – бедность не порок, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродетель, и это тем паче. Но нищета, милостивый государь,

нищета – порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто»[77]. Мармеладов заговаривает с Раскольниковым о смысле жизни. Сразу, без подготовки, с полуоборота. Общение начинается с исповеди. Именно этот вариант исключал Т. А. ван Дейк. Конечно, разговор Мармеладова с Раскольниковым происходит не на ходу, не на улице. Однако в романах Достоевского сколько-угодно примеров, когда важнейшие разговоры начинаются «вдруг», «внезапно», как бы случайно.

Несовпадение речевого поведения в сходных ситуациях свидетельствует о расхождении в картине мира, в ментальности. Сценарии в разных культурах не совпадают.

Вопросы и задания:
1)В чем специфика когнитивной лингвистики?
2) Перечислите основные признаки внутренней и внешней речи.
3)Что такое фрейм? Чем отличается фрейм от сценария? Приведите собственные примеры.
4)Проанализируйте фрейм «комната Раскольникова» из первой части романа «Преступление и наказание» (гл. II).

Тема 8. Концептосфера. Языковой мир.

Ключевые слова: *концептосфера, языковой мир, культурный мир, картиа мира, инвариант, система, смысловой универсум*

1. Генезис понятия

Термин «концептосфера» введен Д.С. Лихачевым по аналогии с «биосферой» и «ноосферой»[78]. Заимствованное у В.И. Вернадского и Пьера Тейяра де Шардена представление было применено в первую очередь к характеристике русского языкового мира, но распространимо и на другие миры. Концептосферой исследователь называет совокупность потенций, «открываемых в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом». Концептосфера языка символически замещает концептосферу национальной культуры. Очень важным представляется положение исследователя о том, что концепт не возникает прямо из значения слова, «…а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека». Слово «столкновение» указывает здесь на «контакт», «коммуникацию»,

[77] Ф.М. Достоевский. Собр. соч.: В 12 Т.: Т.5. М., 1982. с. 13-15.
[78] Статья Д.С. Лихачева цитируется по изданию: Межкультурная коммуникация. Практикум. Часть I. Нижний Новгород, 2002.

порождение смысла. Концепт – не готовый продукт, а “послание” (message), которое может «по-разному восприниматься адресатами».

Концептосфера национальной культуры (национальный культурный мир) и концептосфера языка (языковой мир) при их несомненной близости и связности не абсолютно тождественны. Концептосфера национальной культуры представляет собой, прежде всего, набор ментальных концептов, «оперативных единиц» национальной памяти. Языковые концепты их выражают.

Концептосфера – смысловой универсум системы «культура». Как и культура, концептосфера – инвариант, существующий во множестве национальных, социально-исторических, гендерных, возрастных миров, вращающихся вокруг понятия «человек». Все эти миры могут существовать до тех пор, пока они имеют смысл, все они идеальны и системны, а, следовательно, тоже могут считаться фракталями, как и система «культура». Нет нужды подробно говорить, что каждый из названных миров может быть представлен различными вариантами, входящими в него как меньшая величина в большую. Так, мир современной России явлен миром «новых русских», гипотетического «среднего класса», бомжей, мафии, производственных групп от банкиров до военнослужащих, разных возрастных категорий…

«Картина мира» по отношению к ним – не более чем метафора. **Культурный мир не может быть описан снаружи, он определен мышлением людей и их ментальностью, выражаемыми концептами**. Сказанное не означает, что взгляд извне на национальный или социальный культурный миры вообще невозможен. Заметки путешественников с древнейших времен воспроизводили картину мира, но всегда это был *чужой мир*, увиденный с определенной точки зрения, как звезда Венера, о которой писал Г. Фреге. Смысл и денотат здесь также расходятся.

В соответствии с предложенным построением книги мы будем говорить о национальном, социально-статусном, гендерном и возрастном культурных мирах. Хотя различные миры (концептосферы) налагаются друг на друга, образуя зоны смежных полей, каждая из них обладает собственной ментальностью, специфическими средствами языкового выражения, по-своему членящими мир. В основе этого членения лежит слово-имя, не тождественное логическому понятию.

2. Концептуальные универсалии

Представление о существовании культурных универсалий опирается на мысль о единстве мира, объединенного ноосферой, общностью высшего смысла. В разнообразии этносов, прожитых эпох, национальных и социальных отличий, существуют общие морально-этические заветы, позволяющие сегодня говорить о единстве в многообразии Европы и всего мирового сообщества. Христианская, мусульманская, иудейская этика,

буддизм и индуизм выработали универсальные концепты, опирающиеся на сходное понимание смысла Любви, Совести, Бескорыстия, Достоинства, Великодушия. Земля, Родина, Мать, Мир, Семья не только понятия, но и осознанные чувством заветы жизни.

«Люби ближнего твоего, как самого себя» – этика в пределе. Это христианская этика. Но и Мохаммед в Коране подверг суровому ограничению правило талиона: «Око за око, зуб за зуб».

Универсальные концепты имеют идеальный религиозный смысл и в глубине противоречат материальной жизни с ее концептами себялюбия, также бытующими в национальных и социальных концептосферах. Но именно они позволяют говорить о единстве в культуре и наличии в ней смысла. Универсальные, национальные, социально-статусные и прочие концепты в культурном мире складываются в систему.

Концептуальная система – «…ментальный уровень, где сосредоточена совокупность всех *концептов*, данных уму человека, их упорядоченное объединение»[79]. Концептуальная система определяет мышление человека и его действия. Эта система метафорична[80]. Выражаясь в языке, концепты-мысли и концепты-эмоции обнаруживают себя, демонстрируя способ мыслить мир, «…в котором воплощается целая коллективная философия, своя для каждого языка»[81].

Всякая национальная картина мира связана с универсальной картиной мира. В мышлении людей есть универсалии, находящие разное выражение в ментальности разных народов, способных по-разному мыслить мир. Кроме уже упомянутых, таковы, например, пространство, время, причинность. Универсалии находят выражение в «коллективной философии» данного народа, социального слоя или индивидуума. **Однако в ментальности и языке разных народов универсалии получают разное выражение,** что В. фон Гумбольдт связывает с «определенной направленностью духа».

3. Языковая картина мира

Мышление и язык каждого народа связаны в одно целое. Отношение речи к реальности описывается с помощью теорий «референции» и «наименования». В ходе референции происходит наименование, обозначение объектов действительности или воображаемых объектов. В результате в национальном языке «названия разнороднейших предметов приобретают одинаковый колорит, выявляя особенности миропонимания той или иной нации». Так, например, В. фон Гумбольдт подчеркивает, что в санскрите, языке древних индийцев, сказывается «глубоко

---

[79] Е.С. Кубрякова Концептуальная система или структура // Статья Е.С. Кубряковой цитируется по изданию: Межкультурная коммуникация. Практикум. Часть I. Нижний Новгород, 2002. с. 133.
[80] George Lakoff, Mark Johnson. Methapors we live by.Chicago and London,1980. p. 3-6.
[81] Ю.Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Вып. 35. М., 1997. с. 273.

абстрагирующий разум», проявляющийся в поэзии, в духовной и материальной жизни, а также в нравах Древней Индии**.**

В языке выражаются те черты действительности, которые важны для носителей культуры. Овладевая языком, человек «начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком»[82]. **«Угол зрения» задает направление концептуализации мира в языке.** Мысль о том, что в формах языка выражается глубинная психология народа, служит отправным пунктом для многочисленных исследований этнопсихологов, социолингвистов, специалистов по межкультурной коммуникации. «Языки различаются между собой не только тем, «что они имеют», но и тем, как они используют то, что они имеют. Современная лингвистика широко и углубленно исследует эти факты, особенно в связи с сопоставительным изучением языков. Основное внимание при этом уделяется статическому аспекту, своеобразному членению мира, отражающемся в рассматриваемых языках. Но не меньшее значение в языковом самовыражении народа имеет отбор языковых элементов в речи, в процессе организации высказывания. Этот отбор показывает, какие элементы действительности, какие их свойства и отношения имеют приоритетное значение в речевом сознании говорящих на данном языке людей»[83].

Так, в современных средствах массовой информации традиционные нормы русского языка нередко оказываются поколебленными. Грамматические ошибки (в городе Нижний Новгород, на Думе, на правительстве, уверен за свой народ, акцентировать внимание на что); наличие элементов канцелярита (согласно соглашению, на сегодняшний день), обилие слов паразитов (как бы), повторы и тавтологии (городской градоначальник, мировая глобализация), наличие сниженной лексики, сленга (общак, разборка, прикол, заморочки, стрелка), засилье иностранной лексики (ньюзмейкер, бебиситтер, кастинг, киллер) и возникновение гибридных клише («Ильич – брэнд нашего города») заполняют эфир. Изменения в национальном менталитете обусловили сокращение употребления высокой лексики. Возвращение религиозно-церковной лексики сопровождается множеством ошибок (знамЕние, благослоВЛение, икОнопись, вероисповедАние)[84]. Сохранение национального языкового мира породило даже специальный термин «лингвоэкология».

Языковая картина мира при всей ее сложности, временной и социальной неоднозначности, у каждого народа имеет собственные сквозные линии, закрепленные в лексике, грамматике, синтаксисе языка.

---

[82] А.Д. Шмелев. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002. с. 296.

[83] В.Г. Гак. Язык как форма самовыражения народа // Статья В.Г. Гака цитируется по изданию: Межкультурная коммуникация. Практикум. Часть I. Нижний Новгород, 2002. с. 180.

[84] Татьяна Иванова. «Лингвоэкология» или Ильич как брэнд // Литературная газета 23-29 апреля 2003 г. № 10

Так, например, в русском языке, в отличие от французского, «имеется разветвленная система префиксальных глаголов движения, которые квалифицируют движение одновременно в обоих аспектах, причем префикс указывает направление, а основа – на способ передвижения. Например, *прибегать, убегать, выбегать, перебегать* и т.п. (общий способ передвижения, разные направления), *выходить, выбегать, выезжать, выплывать, вылетать* и т.п. (общее направление при разных способах передвижения»)[85]. Эту особенность русского языка тонко чувствовал Ф.М. Достоевский. В романе «Бесы» повествователь характеризует Шатова так: «За границей Шатов радикально изменил некоторые из прежних социалистических своих убеждений и *перескочил* в противоположную крайность. Это было одно из тех идеальных русских существ, которых вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит их собою, иногда даже навеки».

По мысли А.Д. Шмелева, для русской языковой картины мира характерна конфигурация смыслов, восходящая к русским просторам, в которых может затеряться одинокий человек. «В жизни всегда может случиться что-то непредвиденное» (*если что, в случае чего, вдруг*), «но при этом ‘всего все равно не предусмотришь’ (*авось)*; ‘чтобы сделать что-то, бывает необходимо предварительно мобилизовать внутренние ресурсы’ (*неохота*, *собираться* / *собраться*, *выбраться*), но зато ‘человек, которому удалось мобилизовать внутренние ресурсы, может сделать очень многое’ (*заодно*); ‘человеку нужно много места, чтобы чувствовать себя спокойно и хорошо’ (*простор*, *даль*, *ширь*, *приволье*, *раздолье*), но ‘необжитое пространство может приводить к душевному дискомфорту’ (*неприкаянный*, *маяться*, *не находить себе места*); ‘хорошо, когда человек бескорыстен и даже нерасчетлив’ (*мелочность*, *широта*, *размах*)»[86].

Уже отмечалось, что смысловые универсалии получают специфическое выражение в национальном языковом мире. Датский историк литературы и культуры Г. Брандес, путешествуя по России, заметил, что в русском языке «для выражения любви как чувства, невольного влечения есть существительное «любовь», глагол «любить», прилагательные «любезный», «любимый», «любый» и «люб» (когда оказывают предпочтение, любят по вольному выбору, из удовольствия, из интереса). Затем – слово «зазноба», означающее зарождение любви, с ее нежной робостью и сладкими надеждами. «Милость» – это деятельная любовь в бесконечных проявлениях: покровительство, благосклонность, отзывчивость, благоволение. «Благость» – особая милость и неисчерпаемость тепла и доброты»[87]. Г. Брандес обращает внимание на

[85] В.Г. Гак. Язык как форма самовыражения народа…с. 180-181.
[86] А.Д. Шмелев. Русский язык и внеязыковая действительность…с. 300.
[87] Георг Брандес. Русские впечатления. М., 2002. с. 147-148.

«уменьшительно-ласкательные словечки», на особое распространение женских имен – «Люба», «Любка», «Любаша», «Любашенька», «Любашечка», «Любочка», «Любушка», «Любушенька», «Любушечка», «Любонька», показывая, какими богатыми возможностями располагает русский язык для выражения оттенков чувства любви. Здесь и словообразовательный потенциал, и ряды слов («зазноба», «милость»), выражающих разные стороны, аспекты и градации чувства любви. От анализа языка Г. Брандес переходит к характеристике *ментальности*. При этом он опирается на широкое сопоставление: «Изучение языка показывает, что если у римлян любовь была в основном любовью к родичам, к ближним и воспринималась как долг, у иудеев она была любовью ко всему роду, а в высшем понимании – ко всякому человеку, и воспринималась как религия, – то русское чувство, судя по производным словам, является ласкательным и чарующим, всецело природным инстинктом, гораздо менее сознательным, обдуманным и устойчивым, всегда непроизвольным».

Сторонний взгляд на языковую картину мира не всегда бывает положительно-оценочным и объективным. Особый интерес у иностранца могут вызывать не универсалии, а экзотизмы. Так, в современной англоязычной прессе распространены следующие экзотизмы:

Apparatchick, babushka, bolshevik, borsch, boyars, Duma, glasnost, gulag, knout, kolkhoz, kompromat, makhorka, mammoth, pogrom, politburo, ruble, semibankirschina, shashlick, steppe, stroganoff, taiga, tsar[88]. Этот ряд свидетельствует о том образе России, который сложился у современных англоязычных читателей газет и журналов. Они видят Россию 1) огромной страной (steppe, taiga), деспотичной в давнем (tsar, knout, pogrom) и относительно недавнем прошлом (apparatchick, bolshevik, gulag, kompromat, politburo, kolkhoz). Современная Россия представлена в более демократическом свете (Duma, glasnost), однако и здесь заметны отрицательные коннотации (semibankirschina). Слова «бабушка», «борщ», «махорка» и «шашлык» едва ли существенно изменяют картину русского языкового мира.

Лексика в языковой картине мира разных народов содержит универсалии в специфическом национальном преломлении и собственные реалии, которые чужому взгляду представляются экзотизмами. Недооценка особенностей «устройства языка» нередко приводит к «коммуникативным сбоям», имеющим «как теоретическое, так и практическое значение»[89].

---

[88] С.А. Тимина. Экзотизмы в современной англоязычной прессе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Киров, 2003.

[89] Д. Гудков. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. с. 60-83.

Таким образом, языковая картина мира есть отображение в языке коллективной философии народа, способ мыслить и выражать в языке отношение к миру.

Вопросы и задания:

1) Каково происхождение понятия концептосфера?
2) Охарактеризуйте понятие «языковая картина мира».
3) Приведите примеры универсалий в языковой картине мира.
4) Почему украинские политики возражают против словоупотребления «На Украине» и настаивают на варианте «В Украине»?
5) Почему в русской языковой картине мира появилось слово «россияне»?

Тема 9. Национальная концептосфера

Ключевые слова: *национальный культурный мир, геополитические, исторические, этнопсихологические факторы концептосферы, ментальность, язык*

1. Общее понятие национальной концептосферы

Изучение национальной концептосферы является исследованием идеального аспекта системы культура. Концепт всегда нуждается в интерпретации, потому что в нем соединены понятия и представления, стандартизованность и уникальность. Самые конкретные определения национальных концептов не могут не вызвать протеста. Национальные концепты, как и национальные концептосферы не могут быть точно определены, но могут быть описаны. Описания эти допускают некоторую долю субъективизма, заложенного в самой природе концепта.

Разница культур разных народов ощущались уже в глубокой древности. Понятно, что интерес вызывают и вопросы – в чем эти отличия, откуда они проистекают, где их расхождения необратимы либо, напротив, где разные национальные культуры сходятся в результате коммуникации. Возможности культурной и межкультурной коммуникации связаны с характером культур, образующих *национальный культурный мир* или, иначе говоря, *национальную концептосферу*. Национальная концептосфера выражает себя в вербальных и невербальных концептах.

Ее ядро, срединную часть составляют те черты, которые свойственны всем народам и формируются из сравнительно ограниченного набора концептов и констант. Это земля, родина, мир, религия, труд, семья, материнство, отцовство, рождение, жизнь, смерть... Каждый из них, выраженный словом, представляет лишь вербальный облик концепта. Так, **Земля** (лат. terra) – на всех европейских языках – 1) почва, на которой мы живем; 2) почва, обработка которой дает нам продукты питания; 3) чья-то

собственность – луга, леса, реки; 4) материал, из которого можно построить жилища; 5) планета; 6) святая земля – Палестина, родина Иисуса Христа. **Родина** (лат. patria), земля наших отцов, на которой мы живем. 1) фр. – terre de nos peres; 2) русск. – отчизна. Отец - первое лицо христианской Троицы; Бог-отец. Фр. Au nom du Pere...; русск. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. В концепте присутствуют родовое начало и религиозная сфера. **Мир** (лат. mundus) 1) мироздание, сотворенное Богом в Ветхом Завете за шесть дней; 2) состояние, противоположное войне и раздорам; 3) сообщество людей по религиозному или иному признаку (христианский мир, мусульманский мир, мир рабочих, капиталистический мир); 4) класс растений и животных (животный мир).

Все эти примеры лишь частично реализуют концепт не только потому, что слово может быть обозначено рядом синонимов и, включаясь в ассоциативно-вербальную сеть, способно менять свое значение. Даже универсалии в национальном культурном мире имеют разнообразные формы. Земля Франции иная, чем природа России или Италии, католичество, протестантство и православие, признавая единого Христа, настолько расходятся в аспектах, что церковники на протяжении веков не только не могут объединиться, но целые десятилетия нередко вели кровопролитные войны за веру. Достаточно вспомнить события XVI века во Франции, потоки крови Варфоломеевской ночи 1572 года. Труд в средние века существенно отличался от труда в XIX столетии, а производство в период зарождения капитализма – от компьютерной техники XXI века. И все же именно природа, техника, знак смысла, образующие так называемый треугольник Локка, определяют основу и национального культурного мира.

Представить его себе можно и как микромодель культуры.

В приведенной модели «производитель» и «получатель» не тождественны, но взаимно отражены. Это зафиксировано и во множестве пословиц-поговорок: «Что посеешь, то и пожнешь», «Каков поп, таков и приход», «Каждый народ имеет то правление, какого заслуживает», «Неча на зеркало пенять…» и т.д. Но при сходстве общей модели национальные культурные миры заметно отличаются, что проявляется в менталитете и языке.

2. Геополитический фактор

Природа, понимаемая как географическое пространство, на котором живет и творит свою культуру народ, может быть названа первым фактором, предопределяющим существование национальной концептосферы. И хотя, по выражению русского философа «всеединый субъект» наций «эмпирически никогда отдельно не существовал», он – «самая настоящая реальность»[90].

Пытаясь даже в самых общих чертах определить национальную концептосферу, приходится обращаться к разным, нередко противоречивым факторам. О влиянии природного фактора на «дух народа» писали уже немецкие и французские философы XVIII века. У Ш.Л. де Монтескье (1689-1755) и у И.Г. Гердера (1744-1803) устанавливается идея связи, подхваченная в начале XIX века романтиками: национальный человек и национальная культура зависят от природных условий существования. Вильгельм фон Гумбольдт обосновал связь “характера народа” с природой, окружающей средой, общечеловеческими идеалами, национальными традициям и характером языка.

В России к географическому детерминизму также склонялись историки и философы. В.С. Ключевский находил «живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека» воплощенным «в основных стихиях природы русской равнины – в лесе, степи, реке»[91].

Французский историк Жюль Мишле в предисловии к «истории Франции», изданной более ста лет назад, видел соответствие национального характера в «добротном, прочном основании», каким ему представлялась земля, которая народ «носит и кормит». Без подобной географической опоры народ, действующее лицо истории, движется словно по воздуху, как на китайских картинах, где нет почвы. Замечу также, что эта опора – не просто место действия. Она влияет на происходящее на сто ладов: через пищу, климат и прочее. Каково гнездо – такова и птица.

У. Н. А. Бердяева есть «соответствие между необъятной бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной»[92]. В 1828 году австрийский писатель Карл Постль (Чарльз Сисфильд) в книге «Австрия, как она есть» писал о немецких князьях: «Духовно они ограничены точно так же, как и территориально»[93].

В последние годы стали особенно много писать о взаимопроникновении географического, экономического и политического

---

[90] Л.П. Карсавин. Философия истории. СПб., 1993. с. 163.
[91] В.С. Ключевский. Сочинения в 8 т. М., 1956. Т. 1. с. 66.
[92] Н. Бердяева. Судьба России. М., 1990. с. 28.
[93] Charles Sealsfield – Karl Postl. Österreich wie, es ist. oder: Skizzen von Fürstenhöfen des Kontinents Von einem Augenzeugen. Wien- Köln – Weimar, 1997. S. 19.

факторов, влияющих на судьбы национальной культуры[94]. Пересмотрены многие мифы, в том числе миф о неисчислимом богатстве русской земли. Экономистами-системниками введен в обиход расчет количества энергии на квадратный километр площади и душу населения. Так, воспетая поэтами протяженность России оказывается не только достоинством. На страну, площадь которой составляет 17075 т. км² квадратных километров, и расположенную в двух частях света, приходится в среднем –5,5˚С годовой температуры (в Финляндии – +1,5˚С). Самая большая страна в мире имеет лишь одну треть площади, пригодной для жилья. К этому добавляется «суровость климата» – разность летней и зимней температур, разность температуры дня и ночи. Оленьих пастбищ в нашей стране больше, чем пахотных земель (19% и 13%). Даже Аляска теплее Чукотки. Большая часть российской территории занята вечной мерзлотой.

3. Исторический фактор национальной культуры

Благодаря работам В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, Л.Н. Гумилева исторический фактор национальной культуры видится связанным не только с природным, но и с космическим фактором. Сложнейшие коммуникативные процессы соединяют материальные, природные и высшие духовные аспекты бытия, нации и этносы, конкретных людей, живущих бытовыми заботами сегодняшнего дня, и тех, кого Л.Н. Гумилев назвал “пассионарными личностями” – историческими деятелями, поворачивающими ход истории и концентрирующими в собственной судьбе бытийное начало наций и этносов. Назовем их личностными концептами. Это Октавиан Август, король Артур, Карл Великий, Александр Невский, Иван Грозный, Жанна д’Арк, Наполеон, королева Виктория, Петр Великий и многие другие. Как и все концепты, они не равны по значению, выбраны произвольно. Их присутствие обусловлено национальным чувством и национальной памятью. Концептами в истории являются не только “пассионарные личности”, но и события: “Бородино”, “Ватерлоо”, “Верденский договор”... Концептами могут быть города “Рим”, “Москва”, “Париж”, “Вена” – столицы, олицетворяющие страны. Но не обязательно столицы. Кремль, Версаль, Белый дом тоже являются концептами.

Необходимость выживания народа диктует нормы коллективизма, формы государственного и политического устройства, стремление к освоению новых территорий – имперские притязания, а с ними и особый менталитет. Франция, обладающая умеренным климатом и однородным национальным составом, островная Великобритания, южная Италия.... – все они несут в своей культуре приметы родной земли. Универсальный концепт “родина” выступает в природной оболочке – русской березовой

[94] См. Г. Гачев. Национальные образы мира. Курс лекций. М., 1998 и спорную книгу А.П. Паршева. Почему Россия не Америка? М., 2000.

рощи, клена для Канады, вересковой пустоши для Шотландии, лондонских туманов, очеловеченной трудом многих поколений упорядоченной земли – Иль де Франса.

Но почва, на которой человек обитает, не только его земля – его terra, она и patria – земля его отцов, обладающая историей, закрепленной в памяти, в преданиях и в мифах. Родовое начало и религиозная сфера соединяются в концептах, продуцируемых историей. Потсдам, венское кафе или парижские бульвары не только имена или подмостки сцены, на которой разыгрывались акты национальной истории. Это исторические концепты, переходящие в национальные константы. При этом, по замечанию Ю.С. Степанова, национальные концепты устойчивее исторических. Замечание верно при условии, что речь идет о концептах сравнительно недавнего исторического прошлого, не вошедших в глубины национального сознания. Так, богоданность русского монарха сменилась после революции 1917 года “истиной” о Николае-кровавом, а затем – о царе-великомученнике, причисленному к лику святых. Исторические концепты октябрьской революции как главного события XX века ныне оспариваются. Образы Ленина и Сталина меркнут. Глубины исторической памяти народа замутняются политическими воззрениями сегодняшнего дня и затягиваются ряской экономических интересов в их глобальной и бытовой форме.

Пласты концептов, в которых фактографическое ядро окружено слоями домыслов, иллюзий, художественных образов и эмоциональных оценок, составляют тот мир, в котором реальное и ирреальное существуют почти на равных. Главная беда и мука российской истории – татаро-монгольское иго, рассматривается Львом Гумилевым как спасение от западных врагов и как историческая гарантия самобытности.

Объединение земель под властью Ивана Калиты, противостояние Москвы и Твери, претензии Москвы стать «Третьим Римом» порождают собственный концептуальный ряд. Евразийство, скифство, западничество, как и реально жившие исторические персонажи, – Александр Невский, Иван Грозный, Петр Великий, Ленин, Сталин, Аввакум, Пушкин, Толстой… семиотически закреплены в памятниках, в бытовом сознании, в прецедентных текстах.

Исторические предпосылки национальной ментальности не менее значимы, чем географические. Применительно к русскому национальному миру это не только тысячелетняя борьба за выживание в условиях суровой природы; это борьба с врагами, покушавшимися на русскую землю; это крепостное право и другие формы социального гнета. Эти исторические причины также привели к формированию биполярного сознания, основанного на жестком противопоставлении «свой-чужой», что, в свою очередь, породило:

– тенденцию к биполярному, черно-белому мышлению («кто не с нами, тот против нас»);

– нелюбовь к компромиссам, подход к ним, как к проявлению беспринципности;

– нелюбовь ко всему среднему (если он и нашим и вашим – это плохой человек).

С разными типами ментальности связаны и разные типы дискурса[95].

В последние десятилетия кризис Советского Союза, выразившийся в кризисе государственности, приобрел системный характер и привел к трансформации нравов и всего национального культурного мира. Изменилась концептосфера, и национально-исторически значимый концепт соборности теснится концептом индивидуализма с его внутренним смыслом – «каждый за себя». Государство осознается враждебным народу и обществу и не только по отношению к советской эпохе, но и всей отечественной истории. С этим связана утрата культа героев и самого концепта «героическое».

И все же, думается, процесс этот не столь однозначен. Победа «индивидуализма» над «соборностью», ощутимая в больших городах и особенно в обеих столицах, не может полностью проявиться в русской глубинке, где ей препятствует необходимость выживания в холодном климате и бедности. «Там в степи глухой» умирающий ямщик ощущает как насущную потребность передать наказ «товарищу». Без товарища судьба замерзающего была бы вдвойне ужасна. Любопытные сведенья привезла студентка, приехавшая на каникулы из Америки, где она проходит стажировку. Профессор предложил группе американских и русских студентов три концепта-стимула – «успех», «помощь», «индивидуализм». «Успех» для американцев – деньги, для русских – счастье, «помощь» для американцев – семья, для русских – друг, «индивидуализм» для американцев self-reliance (позитивно), для русских – эгоизм (негативно).

4. Этнопсихологический аспект национального культурного мира

Немецкое и немецкий характер, французское и французский характер, испанское и испанский характер, русский, украинский, еврейский, чеченский характер – выражения, что называется, «на слуху».

И это относится не только к русским. Предметом шуток, анекдотов, насмешек становятся французы и англичане, чукчи и евреи, американцы и русские. За каждой из наций в веках закреплен набор стереотипов. Французы – легкомысленны, англичане – чопорны, чукчи – простодушны, евреи – предприимчивы и жадны, американцы – деловиты, русские – ленивы. Как правило, национальные характеры называются через оппозицию «свой – чужой». Нередко одно и то же качество видится по-

[95] См. И.А. Стернин, К.М. Шилихина. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001.

разному применительно к себе и другим в зависимости от принятой точки зрения. «Утренняя» и «вечерняя» Венера, несхождение «смысла» и «денотата», о которых писал Г. Фреге, применимы и в подходе к национальному культурному миру.

Этнопсихологический аспект национального культурного мира кроется в генетических глубинах происхождения этносов и на протяжении веков является не только объектом научных исследований, но и предметом политических спекуляций. Рассуждения о преимуществах своей расы и своей нации в XX столетии вылились в деяниях, ведущих к уничтожению сотен тысяч людей. Поэтому сближение в этой области «своего» и «чужого», воспитание толерантности стало одной из главных культурных задач Юнеско. Получает развитие самостоятельная отрасль науки – конфликтология.

В межкультурной коммуникации этническая концептосфера, рассматриваемая как часть национального культурного мира, – зона ментальности, порождающая набор вербальных и невербальных концептов. И в этом наборе есть собственная иерархия, своя система ценностей.

Национальный характер – одно из самых сложных и неразрешенных явлений. Четких критериев его не существует. Среди множества подходов называют:

– социально-исторический (через историю, социологию, журналистику, литературы, телевидение);

– психологический (через глубинные интервью и психологические тестирования);

– гипотетический. К примеру, объяснение русского характера манерой пеленать детей («свивание») и др.

Однако, ни один из подходов не может удовлетворительно объяснить особенностей национального характера и национального культурного мира. Более продуктивным оказалось обращение к ментальности.

5. Ментальность

Ментальность – система представлений о мире, обуславливающая нормы поведения человека. Национальная ментальность – форма проявления национального характера, выражающаяся в языке через философию, мифологию, литературу, идеологию. Ментальность обнаруживается в поступках людей, а «также через их объяснение своих поступков»[96].

Замечание об «объяснении своих поступков» – чрезвычайно существенно. Здесь ментальность напрямую сходится с дискурсом, с речью, погруженной в жизнь.

---

[96] См. Т. Стефаненко. Этнопсихология. М., 1999. с. 136-140.

В результате складывается картина мира, «некоторое связное представление о бытии, присущее членам данного этноса», хотя «**картина мира осознается членами этноса лишь частично и фрагментарно**. Фактом сознания является не ее содержание, а ее наличие и цельность. В этом смысле она является неким фантомом. Человеку скорее кажется, что он имеет некоторую упорядоченную систему представлений, тем более представлений, общих с его социокультурным окружением, чем он имеет ее в действительности. Имеет он нечто совсем иное: ощущение наличия такой целостной, упорядоченной и гармоничной системы. Это закономерно. Ведь основная функция этнической культуры – это функция психологической защиты. В действительности же **разрозненные элементы картины мира присутствуют в сознании человека в качестве фрагментов, не вполне стыкующихся между собой. Это становится ясно при попытке облечь картину мира в слова**»[97].

В приведенном положении речь идет о формировании концептосферы. В основе ментальности находятся «адаптационно-ценностные модели». Модели ментальности функционируют в языке, в котором вербальный концепт движется от понятийного определения к глубинному смыслу, постигаемому не только логически, но также и чувственно. При этом в национальной концептосфере внутренне заложена оппозиция «свой-чужой», позволяющая определить границы своего мира и установить обратную связь.

Корреспондент из Подмосковья пишет в «Известиях» (29.03.2002): «Смотрю хронику по «Евроньюс». Вот японская принцесса, родившая наследного ребенка. Ходит с ним, держит его на вытянутых руках и показывает народу. Благоговейно кланяется. Даже боязно за ребенка: не станет ли ему плохо от этих многочисленных поклонов? Не устали ли руки матери, ослабевшей после родов: вдруг уронит? Но принцесса не боится за самое дорогое, что у нее есть, и хотя ее улыбка ей положена по этикету, видно, что радость эта не формальная. Она заканчивает церемонию, только поприветствовав всех.

Смотрю хронику «Вести – Москва». Президент не открытии станции метро «Аннино». Совсем другая ментальность. Ни единой улыбки. Народ, прорываясь сквозь кордоны милиции, кричит: «Спасибо, что построили! Наконец-то дождались!» Если выключить звук, ситуация несколько напоминает о. Даманский. В кадре колючей проволоки нет, но она стоит у меня перед глазами, как будто она там есть. Почему, ну почему мы такие?!»

О русской и западной ментальности, выразившейся в отношении к улыбке интересно говорит С.Т. Тер-Минасова[98].

---

[97] С.В. Лурье. Историческая этнология. М., 1997. с. 220-223.

[98] См. С.Т. Тер-Минасова. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

Примеры национальной ментальности можно приводить бесконечно, потому что именно в ментальности проявляется «живая жизнь» народа

Таким образом, национальный культурный мир можно определить как виртуальность, обусловленную тем не менее реальными географическими факторами, событиями национальной истории и этническим характером народа. Понимание национального культурного мира как концептосферы вытекает из соотношения ментальности и ее языкового выражения.

Особенно впечатляет сопоставление русской земли с территорией других европейских стран – Австрии, Германии, Франции, Норвегии (занявшей сегодня первое место в мире по качеству жизни).

Русский мир исторически складывался благодаря освоению бескрайней восточно-европейской равнины через упрочнение своей земледельческой культуры. Его протяженность и распахнутость границ в сочетании с суровостью климата обусловили русский национальный менталитет и вошли во многие словарные сочетания: «широкая русская душа», «широкие просторы», «широко развернуться», «широко жить», «широкие взгляды», «ширь полей» и др.

Рассматривая такие слова русского языка как *душа, тоска, судьба*, известная исследовательница А. Вежбицкая приходит к следующим основным характеристикам смыслового универсума, связанного с распахнутостью пространства и его эмоциональным восприятием.

1) ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъявлении, «богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков»;

2) иррациональность – подчеркивание «ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни»;

3) неагентивность – ощущение того, что «людям неподвластна их собственная жизнь»; «недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь…»;

4) любовь к морали – «абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла (и в других и в себе), любовь к крайним и категоричным моральным суждениям»[99].

Природа, ментальность и ее языковое выражение связаны общностью национальной концептосферы. Напрямую эти особенности выражается в таких концептах русского языка как «авось», «простор», «даль», «ширь», «приволье», «раздолье», «широта». Однако эта масштабность приводит к рассеянию, частой невозможности сконцентрироваться, сосредоточиться, мобилизовать ресурсы. Не столько предел и ограничения манят русского человека, сколько «воля», «размах» – вплоть до беспредела. Раскачавшись, собравшись, преодолев свое «неохота», вырвавшись из азиатского халата

[99] А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1997. с. 33-34.

Обломова, русский человек «заодно» с другими русскими людьми быстро и хорошо сделать очень многое[100].

Н.А. Бердяеву принадлежит выражение – «география русской души». География эта включает не только обширность, но особое состояние бесприютности, затерянности, неухоженности, гениально подмеченное классиками русской литературы. У Н.В. Гоголя в поэме «Мертвые души» «Чичиков понесся наконец по мягкой земле. Едва только ушел назад город, как уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор».

Здесь стоит отметить слова «по нашему обычаю», выводящие картину природы к русской ментальности. Ментальность эта включает в себя не только горькую неустроенность жизни, но и парадоксальную любовь к этой неустроенности, «цыганщине», неупорядоченности. Во Франции, в Париже в разговоре со старыми эмигрантами так называемой «первой волны», вывезенными из России детьми, приходилось слышать, что их и родителей в первое время особенно угнетала теснота самого пейзажа, ограничение взгляда, упирающегося в чужие стены. Русская душа не только «подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами» (Н.А. Бердяев), она же и окрылена ими. Героиню Н.А. Островского «так и тянет лететь». У М.Ю. Лермонтова даже метель плачет «о своих широких раздольных степях! // Там есть, где развернуть холодные крылья…». С «географией русской души», привыкшей к широте и полету, связаны такие специфические национальные концепты, как «воля» и «авось»[101]. Но связан с ней и русский хаос.

Один из самых известных французских славистов Ж. Нива, приводя слова Мишле, сопровождает их рассуждениями о том, что одной из наиболее устойчивых характеристик русской национальной идентичности является “культ русского пространства”: “Достаточно перечитать гоголевские “Мертвые души”, произведение, лежащее в основе мифа о русском пространстве, чтобы осознать удивительную сменность трех составляющих самобытности: песни, русского слова и русского пространства”[102].

Можно спорить с французом о количестве и выборе констант русской национальной самобытности, но трудно не принять идею органической связи культуры народа с национальной почвой. Более того, во второй половине XX века эта старая идея получила новый импульс и в этнопсихологии, и в экономике. Выйдя за пределы метафоры, мысль о взаимопроникновении географического, экономического, политического

---

[100] А.Д. Шмелев. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002. с. 300.
[101] О русском национальном мире см. Н.В. Макшанцева. Русское // Межкультурная коммуникация. Нижний Новгород, 2001. с. 103-136.
[102] Там же, с. 12.

факторов, влияющих на судьбы национальной культуры, получает теоретическое и статистическое подтверждение. Так, протяженность русской земли, большая часть которой обделена количеством теплых дней, оказывается одной из причин ее извечной бедности. Исторический, географический, этнографический, психологический и лингвистический факторы символически фокусируются в этнонимах – наименованиях этносов и народов.

6. Этноним «немецкое» как модель немецкого национального характера

Рассмотрим некоторые ассоциации и аналогии, которые вызывает слово “Deutsch” (немецкий, немецкое, немецкая). „Внутренняя форма“ этого слова изучена весьма основательно. „Deutsch” означает “народный”, “популярный”, “языческий”. Словарь братьев Гримм отчетливо иллюстрирует это соображение: gentilis, popularis, vulgaris, heidnisch, volkssprachlich, zum Volk gehörig, volksgemäss[103]. Слово “немецкий” обозначает также “народный язык” в противовес латыни[104].

Наблюдения над внутренней формой слова “Deutsch” приводят к гипотезе о том, что оно могло иметь скрытое глубинное смысловое соотношение со словом “Deuten”, “deutlich” (толковать, отчетливый). В словаре “Duden” подчеркивается родство “Deutsch” с „deuten“[105]. Есть сходное указание и в “Словаре немецкого языка” братьев Гримм: “толковать” что-либо означает делать что-либо внятным, понятным народу, переводить на немецкий язык („…deuten wäre so viel als dem Volk, den Deutschen verständlich machen, verdeutschen“)[106]. Сходное значение дает и “Этимологический словарь немецкого языка” Ф. Клюге. Автор указывает, что слово “deutlich” сопрягается с древненемецким словом “*diot*” (народ). Однако Ф. Клюге подчеркивает, что это слово не является ясным семантическим производным от слова “немецкий”, восходя к древней форме *gepēodan* – переводить. Здесь есть смысловой зазор, допускающий различные возможности истолкования. Нельзя жестко утверждать мысль о родстве этих слов и родстве стоящих за ними концептов. Этимология редко бывает однозначной. И все же возможно, что, в свою очередь, слова *gepēodan* (переводить) и *peudō* – народ в древности могли быть связаны. Современное немецкое слово – Dolmetscher (устный переводчик; ср.: толмач) – также тяготеет к смысловому полю слова “Deutsch”. Слово “переводить” могло

[103] Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm: Bd.2. Nachdruck d. Erstausg. München, 1984, S.1043.
[104] Friedrich Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 22 Auflage unter Mithilfe von Max Bürgisser u. Bernd Gregor, völlig neu bearbeitet von Elmar Seebold. Berlin-New York, 1989, S. 138-139.
[105] Duden. Deutsches Universalwörterbuch. / Hrsg. von G. Drosdowski. A-Z. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich, 1989, S. 337.
[106] Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm: Bd.2…S.1038. Kluge Friedrich. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache… S. 138.

одновременно означать “переводить кому-либо”, то есть иметь смысл – “переводить для народа”, для немцев.

Собираясь переводить “Страницы Нового Завета” на немецкий язык, Фауст Гете произносит следующие слова: „Mit redlichem Gefühl einmal / Das heilige Original / In mein geliebtes Deutsch zu übertragen“. Фауст собирается с отменным (redlich) стараньем перевести “святой оригинал” на “любимый немецкий” язык (geliebtes Deutsch). Здесь эпитет “redlich” оказывается в непосредственной смысловой близости от слова “Deutsch”. Согласно “Словарю немецкого языка” братьев Гримм, “redlich” означает, в том числе, и “gesetzmässig”, “ordentlich” (аккуратный, законопослушный, ответственный)[107]. В тексте Гете оба слова включаются в общую ассоциативно-вербальную сеть немецкого языка и немецкой культуры. “Внутренняя форма” слова “Deutsch” содержит воспоминание об эпохе нерасчлененных смыслов, о гроздьях смыслов, выражавших себя с помощью разных слов, которые смысл организовывал, а потому фактором синонимии могло одновременно выступать звучание и значение.

Если гипотеза о смысловом родстве “Deutsch” и “deutlich” сколько-нибудь справедлива, то мы получаем возможность дополнительного глубинного, надвременного взгляда на немецкую ментальность. Ментальность немцев, увиденная с точки зрения слова “немецкий/немецкое”, предстает следующим образом: “немецкое” (Deutsch) есть “упорядоченное, четкое, переводимое, прямое, ясное» (deutlich). Возможен, конечно, и обратный ход: “ясное, открытое, упорядоченное, прямое” – означает “немецкое”. Таков один из вариантов положительного взгляда на немецкую ментальность *изнутри*. Хаотическим, темным, “туманным” немецкий языковой мир представляется по преимуществу “чужому” взгляду, взгляду “извне”. Вместе с тем знаменитая пушкинская формула, составленная из “нечто” и “туманной дали”, – ироническая, но не лишенная смысла характеристика немецкой культуры. Затрудненный строй мысли и чувства представляет собой вариант вышеупомянутой расчлененности и ясности. Так, языковой стиль Г.В.Ф. Гегеля (1770-1831), напряженный и трудно доступный, вступает в диалектическую борьбу со стилем мышления философа. В результате возникает особый лингво-философский синтез “Философии духа”. “Деревянный” Гегель является таковым лишь по видимости. Отчетливость, ясность, расчлененность и упорядоченность представляются константами немецкой культуры, затрагивающими все основные сферы: от бытия до быта.

Если это действительно так, то должны быть устойчивые фразеологические выражения с этим «ключевым словом». И, действительно, «говорить по-немецки» (deutsch sprechen) означает говорить без обиняков, напрямик. Вариациями являются такие обороты

[107] Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm: Bd.14… S. 477.

как: “auf gut deutsch” (просто, понятно, по-нашему, без обиняков). В одном из стихотворений Гете встречается выражение: “Drum sagt man ihnen deutsch ins Gesicht”. Дословный перевод – “говорить что-либо по-немецки в лицо”. Как и все идиомы, данное выражение имеет смысл (“говорить правду в лицо”), который не складывается из сумм значений отдельных слов: Слово “deutsch” выступает синонимом “ясности”, “четкости”, открытости. Дополнительный оттенок – “чистосердечно”, “без прикрас или лжи”. С этим связана знаменитая цитата из “Фауста” Гете: “Лжет речь немецкая, когда она учтива” (Im Deutschen lügt man, wenn man höflich ist)[108].

К этому же смысловому полю относится и оттенок “указывать, показывать, растолковывать” (deuten). Немецкая культура склонна не только учить, учиться, но и поучать. В истории это свойство не раз проявлялось в положительной и отрицательной формах. Так, в стихотворении “Призвание Германии” («Deutschlands Beruf») поэт Э. Гейбель (Geibel, E.; 1815-1884), выступавший за объединение Пруссии, афористически сформулировал знаменитый концепт: “Und es mag am deutschen Wesen / Einmal noch die Welt genesen”. (И пусть немецкая сущность / Еще раз излечит мир). Хотя строку Гейбеля нельзя вырывать из культурно-исторического контекста, хотя подобные мотивы встречаются почти в каждой культуре, все же фактом является и то, что именно этот мотив с особой энергией развертывался в разные периоды немецкой истории. Дидактическое начало заложено в глубине немецкой культуры и ментальности. Итак, расчленять, пояснять, указывать – одна из существенных моделей “немецкого” универсума. Этноним «немецкое» символически указывает на круг, очерченный историей, окружающей средой, языком и культурой нации.

Взаимопонимание между национальными культурами – процесс исключительно сложный. Перекрестные отклики часто содержат стереотипы, клише, образы, часто встречающиеся, статистически значимые, но нередко грубые и примитивные. Теория и практика межкультурной коммуникации привлекает внимание к стереотипам, возникающим в различных культурах. Отметим, например, что народная этимология русского слова «немец» возводит его к общеславянскому корню nĕm- («немой»). Слово «немец» служило обозначением «всякого чужого народа», всякого человека, говорящего непонятно[109]. Таким

---

[108] Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. Л. Э. Бинович и Н. Н. Гришин. Под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. Изд. 2-е. , исправл. и дополн.. М., 1975,.с. 123-124.

[109] См.: П.Я.Черных Историко-этимологический словарь русского языка: В 2Т.: Т.1. Изд. 3. М., 1999. с. 568-569. «Словарь русского языка» дает второе значение слова «немцы» как «иностранцы», «иноземцы». Помета – *устаревшее* – означает в данном случае, скорее, указание на этнолингвистический уровень значения этого слова. См.: Словарь русского языка: В 4Т.: Т.2. М., 1983., с.456. См. также: Цивьян Т.В. Перемены в русском языке. // Res Linquistica: сборник статей. К 60-летию профессора В.П. Нерознака. М., 2000. с. 208-209.

образом, «немец» для русского сознания – образцовое выражение чуждого и чужого, притом специально на языковом уровне. Прозрачная «внутренняя форма» этой лексемы содержит акцент на том, что коммуникация русских с немцами (иноземцами) невозможна. «Внутренняя форма» этого слова определила общие параметры восприятия «немцев» в России, глубоко влияла на формирование стереотипов и клише.

7. Немецкая воля и русская судьба в рассказе Н.С.Лескова "Железная воля"

Рассказ "Железная воля" (1876) написан Лесковым в пору объединения Германии рейхсканцлером Бисмарком, укреплявшим в стране прусско-милитаристские основы и готовившим Тройственный союз, направленный против Франции и России. Прозванный "железным канцлером", умный и дальновидный политик, Бисмарк не стремился к войне с Российской империей, но являл собою несомненную политическую угрозу, назревавшую на западных рубежах. Имеющие давние корни в политике, морали и нравах споры "немецкое – русское" в последней трети Х1Х века получили новый импульс и позже разразились грозой "четырнадцатого года".

Н.С.Лесков выносит эти споры в рассказе, в глубины русского быта, в "перепускание из пустого в порожнее" за чайным столом. Разговор идет "обыкновенный", но "неотвязный". В нем две линии. Одна государственная, политическая – "у нас с ними непременно будет столкновение", "они нас вздуют" для противостояния им у нас "не найдется союзов". Другая точка зрения высказана "стариком" Вочневым "Не так-то это просто нас вздуть". Аргументы его основываются на известных определениях русского национального характера - русские ребята "хорошие и теплые", "способные кинуться, когда надо в огонь и в воду", русское "авось", отдающее глупостью, в итоге умнее западной расчетливости. Парадокс этот подкреплен словами "одного русского генерала, который говорил про немцев какая беда, что они умно рассчитывают, а мы им такую глупость подведем, что они и рта разинуть не успеют, чтобы понять ее".

Глупость может оказаться "удалью молодого и свежего народа", а противостояние русских и немцев уподобиться попытке разрубить топором сырое, непропеченное тесто " не разрубишь, а, пожалуй, еще и топор там потеряешь". Перевод политического спора о железных немцах и "железном графе" переходит в рассказе в план бытийный, константно закрепленный в поговорке – эпиграфе "Ржа железо точит". Знаменательно, однако, что под эпиграфом указано "Русск. поговорка". Эта русская поговорка конкретизирована в житейской истории из русской же действительности. Как обычно у Лескова, в основе рассказа – подлинные события жизни писателя, служившего в 60-е годы в английской фирме.

Прототипом героя Гуго Пекторалиса называют немецкого инженера Крюгера.

Рассказ построен на оппозиции, имеющей и общечеловеческий, и национальный, и единично-индивидуальный аспекты. Воля и судьба в ней предстают именно как немецкая воля и русская судьба. При этом обе они предстают в рассказе в пародийно-сниженном, смешном обличии, и как грозный фатум, ведущий героя к гибели. “Железня воля” – юмористический рассказ и трагедия, причем трагедия для иностранца, не понявшего полноты жизни и пытающегося заменить ее узкой схемой, а потому обреченного. В этом смысле рассказ выходит за рамки противостояния немецкое – русское.

Гуго Пекторалис – немецкий инженер, прибывший из Германии для работы на западной фирме в надежде найти в России условия для быстрого частного обогащения, жалок и трогателен одновременно. Лесков наделяет его многими достоинствами. Гуго – “основательный знаток своего дела”. Он энергичен, скрупулезно честен, добросовестен, чист. Но, непособный к обману, он попадает в сети собственной добродетели. В рассказе моральный удар Пекторалису наносят не русские, а свои же немцы – жена Клара и молодой подмастерье, ставший ему близким другом, бессовестно обманувшие Пекторалиса. Свадебная история Гуго “вызвала на свет множество смешных рассказов, в которых его железная воля делала его притчею во языцех”. Когда же на немца свалилась настоящая беда, и он оказался разорен, жена – немка его “покинула самым дерзким и предательским образом, увезя с собою все, что могла захватить ценного”.

И все же главное внимание автора сосредоточено на иной коллизии – на противостоянии немецкого ума и русской простоты, которая, как известно по национальной пословице “хуже воровства”. Воля Пекторалиса не исключает совести. Его протестантская честность то и дело наталкивается на рассуждение, что в русской “нации...честно жить нельзя”. Русский помещик – коннозаводчик, который “до бесконечности прост”, на просьбу Пекторалиса “дать ему коня на совесть” отвечает “..И, матинька, какая нынче совесть!.. А мой тебе совет - никому, матинька, не верь и ни на кого не полагайся, что такое на людей полагаться. Что, ты сам дурак, что ли какой вырос”. Бессовестно обманывая немца и подсовывая ему слепую лошадь, помещик признается “... у меня, брат, вот воли-то совсем нет. Много раз я решался, дай стану со всеми честно поступать, но все никак не выдержу... и попу на духу после каюсь, да уж не воротишь. А у вас, у лютеран, ведь совсем и не каются “ – “Унас Богу каются”. –“ Ишь какая воля и не божатся и не каются! Да, впрочем, у вас и попов нет и святых нет, ну, да вам их взять негде, все святые-то русские”.

И в завершении рассказа на поминках пьяницы Сафроныча, обобравшего Пекторалиса, русский дьякон Савва и священник отец Флавиан дают бедному немцу последние наставления –”Зачем ты, брат

Гуго Карлович, все с нами споришь и волю свою показываешь Это нехорошо.., за это Бог накажет. Бог за русских всегда наказывает".

Это предупреждение сбывается почти мистическим образом. За тем же столом, поспорив со священником, кто из них больше съест поминальных блинов, немец не выдерживает состязания и умирает на месте. И хоронят Пекторалиса в "самую страшную снеговую завируху". И у рассказчика в узком переулке при встрече с покойником ломаются сани. А "между тем из одних дряных воротишек выскочила в шушуне баба, а насупротив из других таких же ворот другая – и начинают перекрикиваться. – "Кого, мать, это хоронят? А другая отвечает –"И- и, родная, и выходить не стоило немца поволокли".

Два мира, две судьбы сталкиваются у гробовой черты. Повествователь, который помнит Гуго Карловича "в иную пору

его больших надежд", не может не сожалеть о его трагической

судьбе. Но не безгрешен и Пекторалис. Автор наделяет его

именем, семантика которого ассоциативно связана с латинским словом грех. Воля Гуго – не свобода, а скорее ее противоположность – своеволие, делающее немца пленником собственных решений, от которых он не может отказаться. Он "уловлен на гордости", на убеждении, что всякий, кто беден, сам в этом виноват", что воля выше судьбы. Но и "русское тесто", в которое попадает "немецкий топор", вовсе не идеализировано. Русская и немецкая судьбы в рассказе соединены – "ржа железо точит". Вязкость русской судьбы не поддается твердым логическим намерениям, застревающим в отечественной действительности, как топор в непропеченном тесте. В заключение стоит заметить, что в русской жизни, ментальности и языке есть и другая семантика слова "воля", не совпадающая с ни с железной волей несчастного немецкого инженера, ни с могучей волей бисмарков. Но это сюжет других рассказов Лескова и других произведений русской литературы.

8. Концепт «немец» в романе И.А. Гончарова «Обломов»

Концепты-этнонимы отражает отношения, сложившиеся и закрепившиеся между народами. Смысл подобных концептов существенно зависит от точки зрения и личности наблюдателя. Если рассмотреть стереотипные черты образа «немца» в русском сознании, то окажется, как это почти всегда бывает в подобных случаях, что преобладают критические оценки. Клише одного этноса в отношении другого складываются постепенно и содержат – чаще всего – негативные моменты. Отрицание подчеркивает то, чем русские – в собственных глазах – выгодно отличаются от немцев. Однако классические произведения русской литературы дают гораздо более сложную картину. Как правило, они также фиксируют межэтнические стереотипы и отрицательные клише. Однако в произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.Ф. Одоевского, Вл.

Соллогуба, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского или Л.Н. Толстого картина предстает сложной и многогранной.

Некоторые качества, отмеченные *русским взглядом* на немцев, немцы признают за собой и сами. Однако оценка, как правило, оказывается иной. Различия в оценках, которые получают одни и те же элементы «стереотипа поведения», свидетельствуют о том, что концепты такого рода, как правило, содержат впечатление о другом этносе как «чужом», неродном, на свой решительно непохожем. Между тем русских и немцев соединяет и разделяет система сходств и различий, не раз влиявшая на возникновение глубокой симпатии и жесточайших конфликтов.

Изображение западной и специально «немецкой» ментальности *с русской точки зрения* с особой силой удалось И.А. Гончарову. Классическим примером в этом отношении является роман «Обломов» (1859). В этом произведении этнические, географические, антропологические, языковые, этические, религиозные и социальные концепты тесно переплетаются друг с другом. В романе подводится итог многовековой рецепции немецкого национального характера в русской культуре.

В этом смысле выделяется образ Андрея Штольца, соединившего в себе русские и немецкие корни. Штольц – не просто обрусевший немец или русский с немецкими чертами. В нем явлен потенциальный синтез, союз двух этнических стихий, двух начал. Согласно замыслу И.А. Гончарова, Штольца способен вместить немецкий и русский «стереотипы поведения». Обе модели не являются для него «чужими». В идеале «целомудренно-гордый» Штольц (Stolz – гордость) должен объединить их без явного разлада и внутреннего противоречия[110]. «Круглость», «мягкость» («обло» – кругло) Обломова призваны дополнить и смягчить четкость и резкость Штольца.

Бывший немцем только по отцу, «вполовину», Штольц тем самым не был «немым». Его «природная речь» была русская; он ей учился «у матери и из книг, в университетской аудитории и в играх с деревенскими мальчишками, в толках с их отцами и на московских базарах». Его знание немецкого языка не имело той естественности, «природности», поскольку он наследовал его только «от отца да из книг». В детстве он познал Обломовку и не узнал Саксонии. Широкие и плавные русские пейзажи были главными впечатлениями раннего периода его жизни. Совсем другой предстает из русской перспективы жизнь в Саксонии, которая вся проходит «... между брюквой и картофелем, между рынком и огородом...» (162).

Включенность Штольца в русский мир, поэтичный, стихийный и

---

[110] И. А.Гончаров. Обломов // Сочинения: В 4 Т.: Т.2. М., 1981. с. 169. В дальнейшем страницы указываются прямо в тексте. См.: Краснощекова Е. Иван Александрович Гончаров. Мир творчества. Санкт-Петербург, 1997. с. 273.

нежный мир его матери, объясняется в большой степени тем, что «веру он исповедовал православную» (158). Сын умел понять и приспособиться как к отцу, так и к матери. Между тем родители плохо понимали друг от друга. У них было разное представление о том, как следует воспитывать сына.

Характер Штольца сформировался под влиянием двух противоположных, но одновременно действовавших моделей: модели русского «барина» и немецкого «бюргера». С точки зрения матери Штольца, всякий «немец» – бюргер с «коровьими рогами, с руками, ворочающими жернова» (162). Если отец воспитывал в сыне самостоятельность, деловые, практические качества, чувство ответственности, способность к «экономии сил души» (442), умение «смотреть на все в жизни, даже на мелочи, не шутя»(469), то мать отрицала »это трудовое, практическое воспитание» (160).

Положительный взгляд присущ прежде всего русскому барину Илье Ильичу Обломову. Однако его разделяет и повествователь, скрывшийся под маской некоего »литератора», приятеля Андрея Штольца. Интересно, что этот литератор, появляющийся на последних страницах романа уже после кончины Обломова, явно наделен обломовской внешностью: полнотой, «апатическим лицом» и «как будто сонными глазами» (514). В результате возникает впечатление, что автор романа представляет этот *положительный взгляд* как типический и значимый. П*оложительный русский взгляд* открывает в немцах любовь к систематическому, упорному труду, ответственность, деловитость, честность, прямоту, настойчивость в достижении целей (170).

Однако главный герой, Илья Обломов, безотчетно улавливает в этом «стереотипе поведения» чуждые ему черты. Прежде всего он ценит в Штольце – «ум, силу, уменье управлять собой, другими, судьбой» (227). По словам Обломова, Штольц тотчас «овладевает» другими людьми, «играет, как будто на инструменте» (227). Здесь русский барин Обломов окончательно приобретает черты Гамлета (193), а «немец» Штольц неожиданно сближается с друзьями-предателями Датского принца – Розенкранцем и Гильденстерном. В трагедии Шекспира принц Гамлет говорит своим лже-друзьям Гильденстерну и Розенкранцу (III,2): «Объявите меня каким угодно инструментом, вы можете расстроить меня, но играть на мне нельзя» (пер. Б. Пастернака). Эта полуцитата приоткрывает то, что происходит в душе Обломова.

«Ум» в романе противопоставлен «сердцу», а своевольное умение управлять «судьбой» – жертвенности, смирению, покорности воле Божией (495), воплощенной прежде всего в образе Агафьи Пшеницыной. *Положительный русский взгляд* на «немца» действителен лишь в определенных границах. Он столь же относителен, как и *отрицательный взгляд*. В житейском, жизненном плане лучшие немецкие качества важны и хороши. Однако в высшем, религиозном смысле достоинства

оборачиваются своими опасными обратными сторонами. Ничего не делая «на авось», немцы не способны, однако, «вооружиться той отвагой, которая, закрыв глаза, скакнет через бездну или бросится на стену...» (171). Говоря языком романа, Штольцу очень трудно понять Агафью Пшеницыну, поскольку нет в ней высоких жизненных целей и умственной высоты. Она безотчетно жертвует собой, покоряясь воле Божией. В ней также находят свое воплощение «безумная отвага», скачки через бездну на «авось», полное отсутствие какого-либо расчета – важнейшие элементы русского религиозного «поведенческого стереотипа». Комизм и нелепость Агафьи Матвеевны граничат с «безумной мудростью» юродивых и блаженных.

Отрицательный русский взгляд на немцев выражен матерью Штольца, уловившей, казалось бы, те же самые положительные черты. Ей принадлежит целый ряд русских отрицательных стереотипов о немцах. Немцев она трактует как типичных бюргеров. Они не похожи на «джентльменов». Любопытно, что слово «бюргер» в русской культуре несет значение «мещанин», тогда как прямое значение немецкого слова “Bürger” – «гражданин». Различная «референция» проясняет границы «переводимости», границы «своего» и «чужого».

Немцы представляются матери Штольца «толпой патентованных мещан», грубой, «самостоятельной» и «кичливой» (160). Здесь «самостоятельность» попадает в один ряд не с прямотой, честностью или упорством, а сближается с грубостью, педантизмом, стремлением поступать по своей воле, своим правилам (161). Понятно, что контекст, синонимический ряд кардинально меняют смысл концептов.

Немцы – не джентльмены. Они готовы «хоть стену пробить лбом», лишь бы поступить по своим правилам (161). Как мы видели, той же самой «железной волей» наделен и Гуго Пекторалис, герой Лескова. Немцам не хватает «мягкости, деликатности, снисхождения, ничего того, что делает жизнь так приятною в хорошем свете». Если все вышеперечисленные свойства в определенной мере отвечают смыслу английского концепта «джентльмен», то вторая часть характеристики содержит качества «русского джентльмена», во всем отличающегося от англичанина и немца. «Русский джентльмен» способен «обойти какое-нибудь правило, нарушить общий обычай, не подчиниться уставу» (160-161). Отмеченные здесь анархизм и отрицание формальных юридических норм – одна из констант русского мира[111].

Мать Андрея Штольца бесконечно далека от тарантьевых и мухояровых, считающих всех немцев «выскочками» (305) и «продувными» «шельмами» (51; 411). Будучи сами шельмами, они подозревают Штольца в куда более низком коварстве. Однако и у Захара, слуги Обломова, с языка легко слетает выражение «хуже немца», также заключающее в себе

[111] См.: Н.А. Бердяев Русская идея. Судьба России. М., 1997. с. 228-229.

крайнюю степень отрицания (154). *Шовинистический взгляд* на немца заключает убеждение в собственной абсолютной непогрешимости и полном превосходстве. Автор «Обломова» дискредитирует его, вкладывая в уста «низких» персонажей. Если у Захара ругательство «хуже немца» представляет собой реализацию этнолингвистического концепта, то Тарантьев (тарантул) с Мухояровым реализуют идеологические концепты, прямо связанные с их материальными интересами. Эти концепты принципиально отличны от той глубинной критики «немецкого начала», которую автор воплощает в образе Обломова.

Свойства Андрея Штольца – русско- немецкие. Если смотреть с русско-азиатской точки зрения, то в нем преобладает волевое, индивидуалистическое, западное начало. Закономерно, что именно Штольц объявляет войну «восточному» халату Обломова, пошитому «без малейшего намека на Европу...» (4).

Если избрать за основу западную перспективу, то на первый план выйдут его поэтичность, широта и сила воображения, характерные для мира Обломовки. Вероятно, замысел И.А. Гончарова состоял в том, чтобы указать на теоретическую возможность построения нового «русско-немецкого» мира, в котором отрицательная и положительная перспективы могли бы гасить друг друга. Представляется, что в этом состоит один из центральных, хотя и скрытых, идиллических мотивов романа «Обломов».

9. Россия в современном постмодернистском дискурсе

«Русское – советское – российское» как традиция подвергнуто отчуждению в современной постмодернистской культуре. При этом заметна систематическая полемика с базовыми концептами и константами национального культурного мира. Однако часто эта полемика многослойна, иронична. Было бы большой ошибкой ставить знак равенства между позициями авторов, реальных Татьяны Толстой, Виктора Ерофеева и их героев.

Вместе с тем современные писатели-постмодернисты исходят из безусловного наличия отрицательных констант национального культурного мира. Одна из них – тяга к «соборности», «коллективизму». Так, Виктор Ерофеев дает ироническую характеристику русского народа. «Народ», по его мнению, – «…одно из самых точных понятий русского языка. Оно подразумевает двойной перенос ответственности: с «я» на «мы» и с «мы» на – род…» (…)

Эту же мысль В. Ерофеев проецирует на русскую языковую концептосферу. «Русское «я» как элемент нежизнестойко и обретается исключительно в семейственной молекуле. (…) Все силы русского правописания – на стороне «мы», и сколько бы литературных терзаний ни вкладывать в развитие «я», они не окупятся за недостатком

грамматических резервов»[112]. Отрицая такие константы русского (советского) культурного мира как «соборность» и ее атеистическую вариацию «коллективизм», В. Ерофеев исходит из безусловных преимуществ «индивидуализма».

Как мы видели, то же самое свойство русской ментальности и русского языка А. Вежбицкая называет «неагентивностью». Речь идет по существу об обломовщине» как особом русском концепте. В этом пункте сходятся русские разночинцы-народники (Н.А. Добролюбов), нигилисты и современные постмодернистские художники. Однако Обломов к «обломовщине» не сводится. Здесь возникает возможность подмен и опасных подстановок.

Этот акцент уместен еще и потому, что индивидуализм на Западе не возводится в абсолют, не идеализируется. Более того, в американской, немецкой, французской или английской ментальности существует целая система концептов-противовесов. Так, для французов антиконцептом по отношению к индивидуализму является «солидарность». Когда в Париже объявляют о забастовке профсоюзы транспортников, город преображается. Ненависти по отношению к бастующим, как правило, нет. Более того, парижане другими. Если вы стоите без всякой надежды на остановке, то возле вас обязательно притормозит чей-то автомобиль. Вас непременно довезут до нужного места. В Австрии до самого последнего времени почти не было забастовок. Индивидуализм преодолевался на основе национального концепта «вслушивания-вчувствования» в других. Вместо конфронтации избиралась тактика «компромисса», переговоров. Социальные партнеры обсуждают острые проблемы, стремясь не доводить их до конфликта. И только в самое последнее время ситуация в австрийском социуме изменилась. Появилась опасность превращения социальных партнеров в жестких оппонентов. В Америке русскому концепту «соборность» (коллективизм) типологически ближе всего концепт «общее благо» (common good). Интересно, что в романе А. Хейли «Аэропорт», показательном для «массовой культуры», концепт «общее благо» по контрасту соединяется с «конкурентной борьбой». Ради «общего блага» способны объединиться американские техники, нанятые конкурирующим авиакомпаниями. В этом случае они трудятся «рука об руку», единодушно (closely and harmoniously), делятся информацией, опытом и профессиональными секретами: “Maintenance men ... even when employed by *competing* airlines, worked closely and harmoniously, sharing their information, experience, and even secrets *for common good*” (курсив мой – В.З.)[113]. Соединяясь с «общим благом» в рамках американского

[112] Виктор Ерофеев. Энциклопедия русской души. М., 1999. с. 14.

[113] Artur Hailey. Airport. N.Y., 1971. p. 361. Переводя «closely and harmoniously» (рядом друг с другом, гармонично) как «рука об руку» и «единодушно» мы осуществляем перевод-замену на уровне концептов.

культурного мира, концепты «конкуренция» и «индивидуализм» получают новые системные свойства. На них накладываются ограничения. В определенных коммуникативных ситуациях конкуренция и индивидуализм могут переосмысливаться и отстраняться.

Национальные концептосферы представляют собой открытые, незамкнуты системы базовых концептов, заложенных в коллективной, групповой и индивидуальной ментальности. Концепты получают раскрытие в деятельности отдельных людей, социальных слоев и общенародных коллективов.

Вопросы и задания:

1. Каковы предпосылки существования национального культурного мира?
2. Почему национальный культурный мир и национальная концептосфера синонимы?
3. Назовите признаки русского (английского, французского, немецкого) культурного мира.
4. Дайте определение ментальности.
5. Как соотносится ментальность и язык?
6. Почему язык – форма самовыражения народа?
7. Прочитайте фрагмент из путевых заметок о России французской писательницы баронессы де Сталь.

«Почти девятьсот верст отделяют Киев от Москвы. Русские возницы мчали меня с быстротой молнии; они пели песни и этими песнями, как уверяли меня, подбадривали и ласкали своих лошадей. «Ну, бегите, голубчики, – говорили они. Я не нашла ничего дикого в этом народе; напротив, в нем есть много изящества и мягкости, которых не встречаешь в других странах. Русский возчик не пройдет мимо женщины, какого она бы ни была возраста или сословия, чтобы не поклониться, а она отвечает наклонением головы, полным грации и благородства. Один старик, который не мог объясниться со мною словами, показал мне сначала на землю, а потом на небо; это означало, что через землю он достигнет скоро небес. Я знаю, что, возражая мне, могут вполне основательно указать на жестокие злодеяния, имевшие место в русской истории; но я обвиняю во всем не народ, а бояр, развращенных деспотизмом, который они поддерживали и от которого сами же страдали. К тому же политические раздоры всегда и всюду искажают народный характер…»

Найдите а) русские концепты культуры, которые замечает путешественница; б) французские концепты, которые определяют точку зрения путешественницы на Россию; в) универсальные концепты, которые упоминает баронесса де Сталь; г) стереотипы, сложившиеся у европейцев о русских к началу XIX века; д) невербально выраженные концепты из этого фрагмента.

(Баронесса де Сталь в России // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. с. 25).

8. Прокомментируйте тексты, которые приводит Б. Акунин в рамках проекта «Параллельная Москва».

«Вчера на Малой Дмитровке, при проезде колымаги городского ассенизатора Хомякова с мусором, произошел провал мостовой. В образовавшуюся яму вместе с колымагой провалилась лошадь и возчик...»

«Русское слово», 8 июня 1910 г.

«...Несчастная лошадь оказалась вниз головой. Сверху виден был только ее круп и хвост...»

«Голос Москвы», 8 июня 1910 г.

«На улице Большая Дмитровка в Москве в ночь на четверг произошел провал мостовой. Жертв и пострадавших нет. Около 1 часа ночи в провал на мостовой обрушилась фасадная часть 2-этажного нежилого дома... Под землю провалились также две иномарки — «Тойота» и «Джип».

«Интерфакс», 14 мая 1998 г.

Тема 10. Социальная, гендерная, возрастная концептосферы

Ключевые слова: *концептосфера; социальная, гендерная, возрастная концептосферы; социальный статус, менталитет, дискурс, речевое общение, социолект*

Национальная, социальная, возрастная, гендерная концептосферы – подсистемы мировой концептосферы. Все они представляют собой систему вербально и невербально выраженных концептов. В каждой системе и подсистеме существуют уровни и градации, их элементы между собой связаны. Все названные концептосферы имеют антропологический характер, строятся вокруг человека. Их коммуникативная природа проявляется в наличии прямых и обратных связей.

Изучением социального, национального, гендерного, возрастного культурных миров занимаются разные науки: антропология, психология, этнология, социология, социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика и другие.

1. Социальная концептосфера

Изучением социальной концептосферы в ее общественном облике занимается социология. Язык социальной концептосферы исследует социолингвистика. Понятие социальной концептосферы исходит из наличия социального неравенства. Марксистский подход оперирует

понятием «класс». Классы, по определению В.И. Ленина, «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают».

Марксистское представление о классовом обществе содержит, по сути, лишь одну оппозицию, построенную на отношении к средствам производства. Это эксплуататоры и эксплуатируемые, а в историческом выражении – буржуазия и пролетариат. Подразделение на рабочих и крестьян, дополненное наличием «прослойки»- интеллигенции, коренным образом оппозицию не отменяет, ибо интеллигенты – тоже «пролетарии умственного труда», а рабочие и крестьяне принадлежат к классу эксплуатируемых, хотя и могут нести на себе черты мелких собственников.

При таком широком подходе классы предстают **антагонистическими классами**, диалог между которыми в принципе невозможен. «Третьего» в бахтинском понимании между ними нет, их «встреча» – революция. Это заметил и очень осторожно выразил В.М. Жирмунский, писавший что классовый язык трудно документировать. Действительно, язык пролетариата и буржуазии, если и существует, то только в политических прокламациях.

Классовый подход, опирающийся на марксистское понимание класса, во многих дисциплинах сегодня исчез, но социальное неравенство осталось.

Относящиеся к различным социальным слоям люди различаются по статусным признакам. *Статус* (от лат. status – состояние) – социальное положение человека, определяемое экономическими, профессиональными, психологическими и языковыми признаками.

2. Социальный статус

Понятие социального статуса выдвинуто М. Вебером. По М. Веберу, социальный статус зависит от уровня дохода человека, престижа и возможности доступа к власти. В обществе, где есть богатые и бедные, стабилизирующим ядром является средний класс. В среднем классе выделяются высший и низший слои. Высший слой среднего класса на Западе составляют высокообразованные специалисты с высоким доходом – врачи, юристы, ученые, крупные

Макс Вебер (Weber, 1864-1920) – немецкий социолог, историк, экономист и юрист. Разработал теорию социальных статусов, определяемых индивидуальными интересами и наличием протестантской этики.

Основные работы: «Протестантская этика и дух капитализма», «Ученый и политик».

менеджеры и бизнесмены. Низший слой среднего класса – программисты-компьютерщики, секретари-референты, банковские служащие, учителя школ и преподаватели университетов, мелкие собственники.

Доходы среднего класса на Западе варьируются. В России актуальней размышлять не о среднем классе, а о прожиточном минимуме. В Нижегородской области к среднему классу социологи причисляют людей с доходом не менее 150 долларов в месяц на члена семьи. Большое значение также имеет расхождение в уровне жизни Москвы и остальной России, «новых русских» и наименее обеспеченных.

Осмысление параметров социального статуса в России нуждается в уточнении. Для англоязычного мира социологи приводят такое соотношение жизненного стиля и дохода богатых, представителей среднего класса и людей, находящихся за чертой бедности[114]:

Сопоставимые признаки стиля жизни	Богатые люди («собственники»)	Люди среднего достатка («служащие и рабочие»)	Люди, находящиеся за чертой бедности («нищие»)
Центральные ценности жизни	Благородное происхождение, изысканный стиль жизни	Карьера и успех, респектабельность	Апатия
Тип семьи	Семья-клан	Ядерная семья (супруги и невзрослые дети)	Сообщество родственников и соседей
Доминирующая роль в семье	Распорядитель собственности (обычно старший член семьи)	Супруги	Женщина, которая кормит семью
Оптимальный возраст	Поздний средний возраст	Ранний средний возраст	Юность и молодость
Отношения между поколениями	Авторитарное	Демократическое	Построенные на физической силе
Отношение к образованию	Способ времяпрепровождения, элитарные школы и университеты	Подготовка к жизни и профессии, стандартные школы и университеты	Отсутствие интереса, высокий процент детей, не посещающих школу
Отношение к общению, месту жительства и досугу	Стремление к предельной изоляции от общества в кругу своих людей	Ориентация на престижные способы поведения, участие в общественных организациях	Общение со случайными знакомыми, неприятие юридических норм

[114] Цит. по В.И. Карасик. Язык социального статуса. М., 1992. с. 9-10.

Яркие характеристики бытия	Закрытые школы и клубы, ритуальные мероприятия, прислуга	Дисциплинированность, строгий учет времени и денег, самоконтроль, высокая мобильность, планирование жизни	Спонтанные поступки, сиюминутные ценности, неумение избегать конфликтов

Приведенная таблица, опирающаяся на исследования западных социологов, не учитывает национального характера. В ней фиксируется лишь *менталитет*, притом не в национальном, а в социальном варианте.

Социальный статус человека может выражаться разными знаками. О характере статуса свидетельствуют стиль одежды, выбор еды и ресторана, эстетические вкусы, досуг:

«Скажем мне бильярд – оттачиваю глаз.

Шахматы ему – они вождям полезней», – написал В. В. Маяковский о себе – поэте и о В. И. Ленине как о руководителе партии. Знание иностранных языков, элитность школы или университета, культурные реалии и их толкование – элементы социального кода, особые знаки. У Э. Эко есть интересное рассуждение о роли машины для определения престижа ее владельца. Имеют значение не только марка и новизна, но и цвет «работает» на престиж.

Различные сценарии культуры можно рассматривать с точки зрения престижности. К примеру, звонок по телефону оценивается по тому, кто звонит, когда и откуда, каким аппаратом человек пользуется, как он начинает разговор. Мобильные телефоны стремительно перестают быть в России признаками престижности. И хотя такой подход невозможен без учета менталитета народа, обусловленного его землей, историей, этническими особенностями, похожие привычки, сходный стиль жизни имеют и люди, обладающие в разных странах сходным социальным статусом. Парижские клошары, венские «зандлеры» и русские бомжи более понятны друг другу, чем миллионер и безработный. В коллективном сознании существует собственный кодекс поведения с ценностными доминантами культуры и типами *дискурса*[115].

3. Дискурс

Сегодня существует такое множество определений *дискурса* «в столь различных научных системах, что само понятие «дискурс» стало шире

[115] Вопрос о соотношении культуры и менталитета, менталитета и языковой модели, интересовавший лингвистов Сепира и Уорфа, очень важен для подготовки переводчиков. См.: О.Г. Оберемко. Межэтническая коммуникация в профессиональной подготовке специалиста-переводчика. Нижний Новгород, 2000. с. 102-103, 104.

понятия «язык»[116]. Мы будем понимать дискурс как «речь, погруженную в жизнь» (Н.Д. Арутюнова). Среди многочисленных типов дискурса выделим:

1) Дискурс как общение людей, принадлежащих к одному социальному статусу.

2) Дискурс как тип: политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информативный и другие виды[117].

Проблемы дискурсы изучает когнитивная лингвистика, которую нередко называют «дискурсивной». Дискурс – это синтез речевого и социального поведения человека. В дискурсе человек выступает как «языковая личность».

Люди, принадлежащие к разным социальным статусам, отличаются не только стилем жизни, но и стилем речи, зависящей в первую очередь от уровня культуры и образования (но также от эпохи, национальности, роли в обществе). Дипломатический дискурс не предполагает просторечий. Речь университетского профессора не должна пренебрегать правилами грамматики, священнику противопоказано употребление ненормативной лексики. Для каждого типа институционального общения есть своя норма.

Нормы «ломаются» в переходные эпохи. Таким колоссальным сдвигом стало установление после 1917 года Советской власти. Выдающийся российский ученый Д.С. Лихачев был арестован после того, как он прочитал доклад о преимуществах старой орфографии. Старая орфография противоречила новому советскому дискурсу. Сегодняшние попытки реформировать русский язык также в своей подпочве связаны с политическим и ментальными сдвигами, происшедшими в период перестройки. Процесс этот носит глобальный характер. Острые дискуссии вызывает реформа правописания в странах немецкого языка. Слом старой нормы, как правило, порождает упрощенные и смешанные структуры.

В рассказе М. Зощенко «Баня и люди» (1935) повествование начинается словами: «Вот какое событие развернулось в одной из ленинградских бань.

Один техник захотел у нас после мытья, конечно, одеться. И вдруг он с ужасом замечает, что весь его гардероб украли. И только вор, добрая душа, оставил ему жилетку, кепку и ремень…». Происшествие вызывает у техника сбой речи. Он начинает говорить «на каком-то старорежимном

[116] В.И. Карасик. Языковой круг. Личность. Концепты. Дискурс. Волгоград. с. 271.
[117] Там же, с. 299

наречии» с применением слов «господа»: «Меня, господа, главное, интересует, как я теперь домой пойду». Вызванный «заведующий» оказывается женщиной и в дальнейшем диалоге получает разные имена – «мадам», «курская аномалия», «заведующий», «женщина». Она находится «на посту» и не чувствует своей вины за то, что у нее в бане «каждый день крадут». Текст в рассказе «погружен в жизнь» И это жизнь первых лет советской власти. Техник возмущается и, «прикрывшись кепкой, от волнения садится на диван.

Другие мужчины говорят:

– Чтоб заведующий – женщина, это, действительно, курская аномалия.

Заведующая говорит:

– Для вас, может, я и курская аномалия. А там у меня через площадку – дамское отделение. И там, – говорит, – я далеко никакая не курская аномалия. Попрошу воздержаться от подобных слов.

Наш техник, запахнувшись в свою жилетку, говорит:

– Мы, мадам, не хотели вас оскорбить. Что вы волнуетесь? Лучше бы, – говорит, – обдумали, в чем я теперь домой пойду.

Заведующая говорит:

– Конечно, до меня тут были заведующие мужчины. И на этой вашей половине они были очень хороши в своем назначении, а в дамском отделении они не годятся. Они туда слишком часто заскакивали. И теперь мужчинам назначения редко дают. А дают все больше женщинам. И что касается меня, то я захожу сюда по мере надобности или когда тут что-нибудь украли. И я от этого не теряюсь. А я постоянно нарываюсь тут у вас на оскорбления и меня каждый моющийся непременно обзывает «курская аномалия», то я предупреждаю – каждого, который меня впредь оскорбит на моем посту, я велю такого отвести в отделение милиции… Что у вас тут случилось?

Техник говорит:

– Господа, что она ерепенится? Ну ее к черту. Я не предвижу, как я без штанов домой пойду, а она мне не позволяет называть ее «курская аномалия». И она грозит меня в милицию отвести. Нет, лучше бы тут заведующий был мужчина. По крайней мере, он бы мне мог одолжить какие-нибудь запасные свои брюки. А что тут заведующая женщина – это меня окончательно побивает. И я, господа, теперь уверен, что из этой бани я несколько дней не уйду, вот посмотрите.

Окружающие говорят заведующей:

– Слушайте, мадам, может, тут у вас в бане есть муж. И, может быть, он у вас имеет лишние брюки. Тогда дайте им в самом деле их на время поносить. А то они страшно волнуются. И не понимают, как им теперь домой дойти.

Заведующая говорит:

– В дамском отделении у меня полная тишина, а на этой половине ежедневно происходит прямо извержение вулкана. Нет, господа, я тут отказываюсь быть заведующей. У меня муж в Вятке работает. И ни о каких, конечно, штанах не может быть и речи. Тем более, что сегодня это – уже второе заявление о краже. Хорошо, что в первый раз украли мелочи. А то бы ко мне опять приставали с брюками. Тогда вот что: если есть у кого-нибудь какие-нибудь запасные штаны, то дайте им, а то мне на них прямо тяжело глядеть. У меня мигрень начинает разыгрываться от всех этих волнений.

Банщик говорит:

– Хорошо, я опять дам свои запасные штаны. Но вообще надо будет сшить, наконец, казенные. У нас часто воруют, и в этот месяц у меня прямо сносили мои штаны. То один возьмет, то другой. А это мои собственные.

Вот банщик дает нашему технику ситцевые штаны, а один из моющихся дает куртку и шлепанцы. И вскоре наш друг, с трудом сдерживая рыдания, облачается в этот музейный наряд. И в таком нелепом виде он выходит из бани, мало чего понимая».

В рассказе Зощенко персонаж оказывается в состоянии шока. Попав в положение «естественного человека», он начинает говорить на языке предыдущей эпохи. Социальное равенство, декларативно установленное после 17-го года, столь же легко исчезает, как украденные штаны. Для голого человека снова все – «господа». И как искони заведено на Руси все эти «господа» – товарищи. Они охотно включаются в обсуждение ситуации и собирают потерпевшему «с миру по нитке». Круг замыкается. И хотя баня – сфера частной жизни человека, банщик говорит, что пора уже сшить «казенные» штаны. Воровство переживает идеологии и эпохи.

Заметные перемены происходят и сегодня в социальной концептосфере. Они отражены в целой серии анекдотов о «новых русских». Подобные анекдоты можно рассматривать как «прецедентные тексты». Заложенная в их основе критика культа денег не является, однако, чем-то совершенно новым для России. Более ста лет назад, в 80-е годы XIX века Глеб Успенский в очерке «Буржуй» уже клеймил возникающий в

России культ денег: «Эта новорожденная орда людей, мгновенно вознесенная на недосягаемую высоту, в миллионы раз превышающую доступные ее пониманию размеры желаний, никогда не думавшая ни о чем «общественном», опустошенная нравственно в отношении к недавнему прошлому, опустошенная умственно в отношении к будущему… – увы, ничего не могла изобрести ни по части широты размаха, ни по части прихотливости, ни тем менее по части изящества… «Купить!» – вот что внесла она в общество. Купить чужую жену, купить балетчицу (был случай, что один петербургский купец покупал полбалетчицы, так как она была уже наполовину куплена), купить начальство, купить выборщиков, – словом, ничего, кроме купить». Их присутствие заставляет нормальных людей, т.е. «людей с большими нравственными требованиями поубавить эти требования до минимума», поскольку «теперь не время для проявления ваших высокообразованных мыслей и связанных с этими мыслями целей… большие знания и большие нравственные и даже, вообще говоря, опрятные человеческие отношения можно и даже должно отложить до другого времени… пока кончится это давление мертвенной тяготы жизни». Ибо тот ранний русский буржуй распространял «в живом людском обществе запах холодного трупа».

Ценности протестантской этики – трудолюбие, честность, бережливость, осторожный консерватизм, на которые уповал М. Вебер, и которые традиционно соотносят с развитием капитализма в Англии и Германии, столкнувшись с основными концептами русского национального мира, не выдержали испытания. Капитализм сразу начал проявлять животную хватку конкуренции, о которой писал еще Шекспир, создавая образ предприимчивого Шейлока в «Венецианском купце», и все критики буржуазного строя от романтиков до Бальзака и от утопических социалистов до Маркса.

Несбыточная мечта о всеобщем благоденствии собственников породила не только попытки вроде создания класса фермеров, но распространение слова «*ваучер*», ныне известному всему взрослому населению России и ассоциирующемуся со словом *обман*, но и некоторых других слов вроде *дефолт, менеджмент, олигарх.*

Формирование среднего класса было названо необходимой задачей, поскольку именно средний класс предполагается социальной опорой стабильной государственной власти. *Для решения социально-экономической задачи понадобилось словесное оформление.* Для начала была провозглашена *перестройка*, капиталистическая революция. Ее идеологи яростно клеймили *коммунистический режим*, который духовно и

материально разорил Россию. Из западной прессы было позаимствовано определение *империи зла*, произносимое прежде разве что шепотом диссидентами. *Культ личности* стал официальным определением целой эпохи сталинизма. Термин «октябрьская революция» стал заменяться «октябрьским переворотом».

Сложнее оказалось со словесным определением нового режима. Общее название «демократия» настолько не соответствовало укладу огромной многонациональной страны с рудиментами феодализма и даже первобытного общества, что почти тотчас же получило пародийное наименование «дерьмократии».

Декларируемые усилия приручить язык наталкиваются на способность языковой системы к самоорганизации.

4. Социолект

Термин социолект возник в лингвистике во второй половине XX века как стяжение двух слов – социальный диалект. Социолект – совокупность языковых особенностей, присущих одной социальной группе в пределах подсистемы национального языка[118]. Примерами социолектов являются школьный жаргон, студенческий сленг, язык компьютерщиков, арго «челноков».

Социолект предназначен для сохранения групповой идентичности, отграничения своих от чужих. В рассказе «Невеста» (1903) А.П. Чехов вложил в уста Саши, служащего одной из московских литографий, обвинительный приговор целому социальному слою – провинциальным дворянам, чиновникам, обывателям. Обращаясь к Наде Шуминой, он уговаривает ее уехать в Москву, а потом и в Санкт-Петербург, призывает отказаться от брака с сыном соборного протоиерея Андреем Андреевичем. Саша говорит: «– И как бы там ни было, милая моя, надо вдуматься, надо понять, как нечиста, безнравственна эта ваша праздная жизнь… – Поймите же, ведь если, например, вы, и ваша мать, и ваша бабулька ничего не делаете, то, значит, за вас работает кто-то другой, вы заедаете чью-то чужую жизнь, а разве это чисто, не грязно?»[119]. Здесь русский концепт соборность встречается с социалистическими, утопическими идеями. Очень интересны языковые средства выражения этих концептов. В контексте чеховского рассказа словосочетания «ничего не делать, не работать», вести праздную жизнь становятся синонимами метафорического оборота – «заедать чужую жизнь». Эпитеты «нечистый»,

[118] См.: В.И. Беликов, Л.П. Крысин. Социолингвистика. М., 2001. с. 47-52.
[119] А.П. Чехов. Собрание сочинений: В 12 Т.: Т.8. М., 1962. с. 488-489.

«безнравственный», глагол «заедать» характерны для социолекта молодых людей, которые «уходили в революцию» в начале XX-го века.

В переломные моменты национальной истории с повышением социальной мобильности и смешением социальных статусов роль социолекта увеличивается. Языковая норма дестабилизируется. Сегодня в русский языковой мир проникают социолекты снизу, из уголовного мира, и сверху из языка политиков и телевидения (глагол «мочить», выражение «без балды» – всерьез, без обмана (балда – педарастия), «семья» и др. Социолект «слышится» в названиях романов современных популярных писателей: «Шестерки умирают первыми» А. Марининой…

Они издаются огромными тиражами. По данным Российской книжной палаты, совокупные тиражи Дарьи Донцовой и Александры Марининой составили 22 и 18 млн. экземпляров соответственно. В Москве на Страстном бульваре в торжественной обстановке была открыта площадь Звезд в «честь самых популярных российских писателей». Социолект входит в жизнь не только благодаря изменению ментальности, но и благодаря рекламным кампаниям.

5. Гендерная концептосфера

Формой проявления особенностей мужского и женского характеров в их возрастных отличиях являются гендерная и возрастная концептосферы. Интерес к гендерному культурному миру во второй половине XX века связан с изменениями самих основ общественной жизни, в которой роль женщины неуклонно возрастает, меняя традиционный национальный менталитет. Сказывается и развитие генетики (от греч. генетикос – относящийся к рождению, происхождению), психологии, биологии, лингвистики.

В межкультурной коммуникации гендерный подход фиксирует биологические и психологические отличия мужчин и женщин, несовпадение ментальности и различия в социальном и речевом поведении. Можно говорить о мужской, женской, подростковой… «языковых личностях». Женщинам свойственна большая эмоциональность. Индекс социального статуса играет для них более высокую роль, чем для мужчин. Женщины более терпеливы к боли, но, с другой стороны, несдержаннее в проявлении психологических реакций. Они более зависимы от окружающего мира. Их острее волнует то, что о них говорят и как они выглядят. Эти достаточно банальные оценки не обладают абсолютной истиной и постоянно подвергаются исторической и национальной коррекции. Женская ментальность в Японии и в Америке, в

Швеции и на арабском востоке далеко расходятся. О выносливости и душевности русских женщин написаны целые библиотеки. Хрестоматийными стали строки поэта о женщине, которая

«Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет».

Стремление ввести гендерный подход в научные рамки особенно характерно для западной социопсихологии. Так, Р. Лакофф на материале английского языка провел исследование принадлежности животных к мужскому и женскому роду: dog (собака), bitch (сука), fox (лис), vixen (лисица, а в переносном смысле – сварливая женщина)[120]. Можно привести и бытовые обозначения в русском языке – корова, кобель, жеребец, козел и др.

Отличия в речевом поведении мужчин и женщин зафиксированы и в анекдоте. В русском анекдоте женщина активнее и решительнее мужчин. Можно в качестве примера вспомнить обращение к процитированным строкам Некрасова:

Идет урок литературы. Учительница вдохновенно читает «оду» женщине «в русских селеньях». С последней парты ученик тянет руку.

- Что тебе, Петров?

- Мариванна, а что у нее мужа нет?

Особое место в европейском анекдоте занимает образ тещи.

Мужчина пытается сбросить женщину с балкона на пятом этаже. Народ внизу негодует:

– Ты что, Ирод, делаешь?

– Тещу сбрасываю.

– У-у, живучая!

Анекдот этот имеет и немецкий, и английский варианты.

В лексическом багаже женщин отмечено больше слов, он ближе к литературной норме. Это объясняется тем, что в России по уровню образования женщины обгоняют мужчин, они чаще связаны с гуманитарными профессиями, которые и сами по себе лингвистически богаче технических. В речи женщин фиксируют большее число обозначений цвета и запаха. До последнего времени в ней было меньше, чем у мужчин, технических терминов и ненормативной лексики.

Эмоциональность женщин проявляется в использовании эмоционально-оценочной лексики и уменьшительных образований:

[120] Цит. По В.И. Беликол, Л.П. Крысин. Социолингвистика. М. 2001. с. 199.

милый, сынок, детка, котенок и т.д. В стихотворении М. Цветаевой «Любовь» выражена мысль о близости любимого:

«Ятаган? Огонь?
Поскромнее, – куда как громко!
Боль, знакомая, как глазам – ладонь,
Как губам –
Имя собственного ребенка».

В рассказе А.П. Чехова «Душечка» эмоциональность героини выражена почти иронично.

– Голубчик мой! – зарыдала Оленька. – Ванечка мой миленький, голубчик мой! Зачем же я с тобой повстречалась? Зачем я тебя узнала и полюбила? На кого ты покинул свою бедную Оленьку, бедную, несчастную?..

Кукина похоронили во вторник, в Москве, на Ваганькове; Оленька вернулась домой в среду, и как только вошла к себе, то повалилась на постель и зарыдала так громко, что слышно было на улице и в соседних дворах.

– Душечка! – говорили соседки, крестясь. – Душечка Ольга Семеновна, матушка, как убивается!

Рассказ А.П. Чехова можно прочесть по-разному – и как ироничное описание женщины, неспособной на самостоятельную духовную жизнь («Какие мысли были у мужа, такие и у нее»), – и как воссоздание идеального женского начала, зеркального отражения чужой жизни, если это жизнь мужа. В речи героини писатель отмечает постоянные повторы слов, произносимых теми, кто живет рядом. Мирный, уютный, надежный дом создается благодаря женщине: «По субботам Пустовалов и она ходили ко всенощной, в праздники к ранней обедне и, возвращаясь из церкви, шли рядышком, с умиленными лицами, от обоих хорошо пахло, и ее шелковое платье приятно шумело; а дома пили чай со сдобным хлебом и разными вареньями, потом кушали пирог. Каждый день в полдень во дворе и за воротами на улице вкусно пахло борщом и жареной бараниной или уткой, а в постные дни рыбой, и мимо ворот нельзя было пройти без того, чтобы не захотелось есть. В конторе всегда кипел самовар, и покупателей угощали чаем с бубликами. Раз в неделю супруги ходили в баню и возвращались оттуда рядышком, оба красные.

– Ничего, живем хорошо, – говорила Оленька знакомым, – слава богу. Дай бог всякому жить, как мы с Васичкой»

И хотя Ольга Семеновна еще выходит замуж, а в конце рассказа заботится уже о чужом мальчике, всякий раз у нее хватает душевных сил на искреннюю привязанность и бурные эмоции.

«Хорошая жизнь» зафиксирована не только в речи «душечки», но сам характер этой речи обусловлен внутренней близостью Ольги Семеновны к спутникам ее жизни. И эта близость совсем не та, о которой писал Э. Холл, вводя термин «межкультурная коммуникация». Это не пространственная, а духовная близость.

6. Возрастной культурный мир

Разному возрасту соответствуют разные модели ментальности. Маленькому ребенку простительно то, что вызвало бы негодование во взрослом человеке. Старым людям свойственно «возвращение в детство».

Столь же вариативно и речевое поведение у людей разного возраста. Малый набор слов, нечеткость произношения, бессвязность синтаксических построений – свойство детей, начинающих говорить. Книга К. Чуковского «От двух до пяти» стала бестселлером.

Однако усвоение родного языка, формирование «языковой личности» происходит до двух лет. Известный психолог А.Р. Лурия подчеркивал, что возникновение настоящего языка связано с «*действием*» ребенка и с его общением со взрослыми. Возникающие при этом слова не выражают его состояние, а потому не связаны с «гулением». Они направлены на предмет, обозначают предмет. Первые слова ребенка тесно вплетены в практику. Если он «…играет с лошадкой и говорит «тпру», то это «тпру» может обозначать и «лошадь», и «сани», и «садись», и «поедем», и «остановись» в зависимости от того, в какой ситуации и с какой интонацией оно произносится, какими жестами оно сопровождается». А.Р. Лурия подчеркивает, что первые слова ребенка имеют не столько семантический, сколько ситуативный характер. В возрасте от 1г. 6 – 1г. 8 мес. ребенок начинает усваивать элементарную морфологию слов родного языка. В ходе усвоения грамматики ребенок обогащает свой словарь на порядки. До этого возрастного рубежа он располагает 12-15 словами. Позднее – 60, 80, 150, 200 словами. Этот скачок словаря сопровождается постепенным появлением абстрактных понятий и выражающих их слов. Слова теперь не только направлены на предмет, но и на «качество, действие, отношение»[121]. Высказывания из школьного, студенческого, молодежного дискурсов, «подслушанные» в домах и на улице, постоянно встречаются в художественной литературе, опровергая нормы литературного языка.

[121] А.Р. Лурия. Язык и сознание. М., 1998. с. 36-37.

Так, в романе американского писателя Джерома Д. Сэлинджера, центральный конфликт мира взрослых и детей, обыгран, прежде всего, на языковом уровне. Язык словно бы служит маской определенной возрастной группы. Когда к главному герою Холдену в музее обращаются за помощью два маленьких мальчика, то, оказавшись в положении «взрослого», он прибегает к более нейтральной, более правильной речевой модели, контрастирующей с речью детей, изобилующей погрешностями произношения и синтаксиса и сниженной лексикой.

“Where’re the mummies, fella?” The kid asked again. “Ya know?”

I horsed around with two of them a little bit.

“The mummies? What’re they?” I asked one of the kids.

“You know. The mummies – them dead guys. That got buried in them toons and all.”

Toons. That killed me. He meant tombs.

Показательно, что во внутренней речи Холден сохраняет особенности речи подростка, что свидетельствует о сознательном употреблении той или иной речевой модели поведения.

Процесс социализации, являющийся «главным процессом развития ребенка», определяет и развитие человека, становясь частью его «социальной памяти»[122]. На пересечении национальной, социальной, гендерной и возрастной концептосфер складывается «языковая личность».

Вопросы и задания:

1) Как соотносятся национальная, социальная, гендерная и возрастная концептосферы?
2) Что объединяет эти культурные миры?
3) Чем обусловлен и как выражает себя в языке возрастной культурный мир?
4) Назовите признаки гендерной концептосферы. Приведите собственные примеры из жизни и литературы.
5) Как М. Вебер определяет социальный статус?
6) Приведите данные из экономической литературы и из прессы о соотношении социальных статусов в России. Что вы понимаете под «средним классом»?
7) Приведите определения дискурса.
8) Дайте определение и приведите примеры социолекта.

[122] См. В. Красных. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001. с. 145, 147.

9) Какие черты ментальности «новых русских» зафиксированы в анекдотах? Как они выражаются в языке?

10) Прочитайте фрагмент из рассказа А.П. Чехова «Дом с мезонином» (1896). Герой рассказа, художник, близкий к повествователю, убеждает Лидию Волчанинову в том, что лишь «религия, науки, искусства», а не упорный и тяжкий труд, способны освободить человека.

«– Да. Возьмите на себя долю их труда. Если бы все мы, городские и деревенские жители, все без исключения, согласились поделить между собою труд, который затрачивается вообще человечеством на удовлетворение физических потребностей, то на каждого из нас, быть может, пришлось бы не более двух-трех часов в день. Представьте, что все мы, богатые и бедные, работаем только три часа в день, а остальное время у нас свободно. Представьте еще, что мы, чтобы еще менее зависеть от своего тела и менее трудиться, изобретаем машины, заменяющие труд, мы стараемся сократить число наших потребностей до минимума. Мы закаляем себя, наших детей, чтобы они не боялись голода, холода…»

(А.П. Чехов. Собрание сочинений: В 12 Т.: Т.8. М., 1962. с. 98).

а) Назовите основной концепт русской культуры, выраженный в этом отрывке; б) выпишите слова и словосочетания, выражающие этот концепт.

Тема 11. Концепты «своего и чужого»

Свое и чужое – один из центральных концептов культурологии. Следовало бы точнее определять его как «свое-чужое» (по примеру «хронотопа» М. Бахтина). *Межкультурная коммуникация* может привести к открытию «лика», личности в «чужом», приближению «чужого». В то же время может возникать и новый взгляд на «свое», тождественное, «единое», «единодушное». Такой подход становится возможным в результат формирования так называемой «вторичной языковой личности».

Диалектика «своего-чужого» / «чужого-своего» проясняет представление о том, что нельзя свести друг к другу свою и чужую *концептосферы*. Здесь возможно лишь приближение с учетом аналогий, подобий, эквивалентности, лакун и смысловых зияний. На уровне значений слов перевод и сопоставление возможны. На уровне передачи *смысла* ситуация оказывается открытой, асимметричной, неравновесной и динамичной.

Диалектика «своего и чужого» связана с вопросом о национальной идентичности. Проблема национальной идентичности периодически вызывает повышенный интерес общественности. В связи с культурой эта проблема живо обсуждалась в эпоху романтизма. На рубеже Х1Х – ХХ веков она стала предметом ожесточенных споров, концентрируясь на противопоставлении Запад – Восток. После второй мировой войны ею

занимались как отдельные научные школы, так и целые научные институты, сосредоточившие внимание на теме национального характера. Через несколько десятилетий культурологи переключились на тему национального менталитета. Исследования этнографов, психологов и этнопсихологов дали возможность подвести под эту категорию солидную научную базу. Сейчас разговор о национальной идентичности приобрел интерес в связи с угрозой глобализации, нарастанием экстремизма и социо-культурной потребностью понять чужое как свое, не теряя при этом собственной самобытности. Межкультурная коммуникация заняла место среди других учебных дисциплин, а термин "межкультурная коммуникация" стал общеупотребительным.

Мы попытаемся говорить о межкультурной коммуникации как о конкуренции "своего" и "чужого" и об их взаимодействии. При этом будем исходить из того, что любая социальная общность (племя, народность, нация) имеет нормы и правила поведения, выработанные и функционирующие в системе культуры. Цель этих правил, регламентирующих поведение членов сообщества, состоит в том, чтобы стабилизировать сообщество, создавая обратную отрицательную связь.

В качестве таковой предстает отрицание чужой культуры. Усматривая в культуре систему, подчеркнем, что в национальной культуре главнейшую роль играет традиция. Именно традиция из писаных норм переходит в глубины сознания, закрепленные менталитетом, в головы и души людей. Любое сообщество несет в себе свою историю во всех своих элементах. Нация в лице производителя и потребителя создает свою культуру и создается этой культурой.

Все общности тем прочнее, чем более "послушны" правилам. По отношению к другим, чужим общностям они предстают открытыми, закрытыми, полузакрытыми или полуоткрытыми, Быть открытыми, закрытыми или полуоткрытыми общностями – это их судьба. Закрытые общности деградируют, открытые размываются, жизнеспособны только полузакрытые и полуоткрытые сообщества,

Этноцентризм, ксенофобия и нацизм с их крайностями в конечном счете более вредны тем общностям, которые возвели их в правила, чем их окружению – без обмена со средой система может только законсервироваться, но развиваться она не может. Это правило касается и культуры. В качестве примера можно назвать современные культуры диких племен. Сегодняшнее развитие национальной культуры – это развитие культур народов, заимствовавших две трети у других народов, но не допустивших полной замены своей культуры, ассимиляции для себя.

Племена, народности и нации, как известно, могут конфликтовать и даже воевать. Это отношение между потребителями и производителями одной общности и потребителями и производителями другой этнической общности. Произведения культуры суть материализованные идеи. Воевать

они не могут. В конфликтах людей их роль чисто орудийная, но они могут взаимодействовать. Здесь уместно вспомнить схему межкультурной коммуникации.

Конкурентное взаимодействие произведений культуры подобно конкуренции в торговле или производстве, но не тождественны ей, потому что вмешивается отношение к своему и к чужому. Конкуренция здесь не свободна от воли потребителя. Примеры тому бойкоты товаров в пользу национального производителя.

В мире разделённом на этносы, невозможна глобализация культуры, поэтому стремясь к глобализации, пытаются разрушить этносы разными способами прямого воздействия. Это делается через подавление производителя но также через опосредованное воздействие на систему через потребителей. То что называют насильственной ассимиляцией стоится на уничтожении производений культуры и средств сохранения культуры – музеев, библиотек, архивов, вплоть до национального языка.

Заимствуют то, что могут заимствовать, а не обязательно лучшее, отвергают не худшее, но то, что не могут использовать в данный момент. Взаимодействие своего и чужого – самоорганизация, а не организация со стороны. Невозможно волевым усилием создать “мировую культуру”, советскую или российскую культуру. Причина в том, что мы имеем дело не с инвариантом культуры, а с конкретными культурами разных наций. Поэтому мировая культура (глобальная, советская и тому подобное) это коммуникация и взаимодействие культур народов мира, а российская культура -–это коммуникация и взаимодействие культур и народов Росси и т.д.

Можно монополизировать культуру и устранить конкуренцию в этой области, но уровень культуры от этого не повысится, новое системное качество не возникнет, произойдёт деградация культуры как в любой закрытой системе. В худшем случае это приведёт систему в хаотическое состояние. Нечто подобное произошло с эллинистической культурой. Она перестала существовать под напором более низких культур варварских народностей.

Наряду с европейским единством в разнообразии культур возможны и другие единства в других разнообразия и единства разнообразных единств. Снова возникает проблема Восток- Запад.

Тема 12. Национальные концептосферы Авчстрии и Франции в соотношении с русским культурным миром

Австрия и Австрийское (Österreich und das Österreichische)

Концепт “Das/die “Österreichische”/ Österreich/Österreicher (Австрийское/Австрия/Австрийцы) является одним из ключевых элементов национальной культуры. Концепт, именующий народ и его

почву, содержит, как правило, смысловые противоречия, открывая возможности для различных толкований. Темный и не проясненный характер этнонима может быть связан с тем, что не вполне ясно, чья точка зрения изначально в нем закреплена.

Согласно одной из версий, имя Österreich впервые письменно зафиксировано в грамоте Отто III от 1 ноября 996 года. Император дарит епископству Фрейзинг (Freising) большие и малые владения в местности, которую в народе называют “Ostarrichi” (“… in regione vulgari vocabulo Ostarrichi…”)[123]. В X-XI веках это слово означает “области на Востоке”, получая различные обозначения (in pago Osterriche, Ostarrike in Oriente, in marche Osterriche, in comitatu Osterreich). В 1136 году зафиксировано латинское обозначение – terra Austria. В “Божественной комедии” (“Ад”, песня 32, 26). Данте упоминает Австрию, включая слово “Osteric” в славянский контекст (Non fece al corso suo si grosso velo / Drinverno la Danoia in *Osteric…*) В “Разговоре о Данте” (1933) О.Э. Мандельштам по поводу этого места замечает: “Вдруг ни с того ни с сего раскрякалась славянская утка”. Поэт имеет в виду употребление таких слов как “Osteric”, “Tamberic”, “cric” (звукоподражательное словечко – “треск”)”[124].

Первая часть сложного существительного Öster- восходит к др.-исл. austr. (восток/ на востоке), а также греческому корню austa-, означающему ausos (рассвет). Вторая часть сложного имени -reich восходит к древненемецкому и кельтскому истокам (rihhi) и означает “государство” и “король”. Итак, “Австрия” – это владение на Востоке. Заглядывая в историческую перспективу, в будущее этой страны, осмысливая суть концепта, можно сказать, что диалог с Востоком оказался тесно связанным с судьбой народа. Австрия владела восточными землями, утрачивала и вновь обретала их.

В дальнейшем обозначение “Österreich” в разных формах и сочетаниях фиксирует переломные моменты национальной истории: Herrschaft zu Österreich (Dominium Austriae), Kaisertum Österreich. Сложный состав имени сохраняется даже в тех случаях, когда слово “Австрия” прямо не возникает: Doppelmonarchie, Österreich-Ungarn, k.u.k. Monarchie, Cisleithanien, Transleithanien[125], Donaumonarchie, и так далее. Вспомним ироничное название страны, придуманное Р. Музилем, – Какания (k.u.k. – Kakanien). Примечательно, что официальная номенклатура обозначений во времена третьего *рейха* запрещала использовать название “Österreich”. Страну следовало называть

[123] E. Scheithauer, H. Schmeizer, G. Woratschek. Geschichte Österreichs in Stichwortn: Teil I: Von dr Urzeit bis 1282. Wien, 1971, S. 62.

[124] Осип Мандельштам. Сочинения: В 2Т.: Т.2. / Сост. С.С. Аверинцева и П.М. Нерлера. М., 1990, с. 244.

[125] Цислейтания – часть территории Австро-Венгрии к западу от реки Лейта, включавшая Нижнюю Австрию, Верхнюю Австрию, Зальцбург. Тироль, Форальберг, Штирию, Каринтию, Истрию, Герц, Градиску, Далмацию, Богемию, Моравию, Силезию, Галицию, Буковину, Крайну. Транслейтания – часть территории Австро-Венгрии к востоку от реки Лейты. После соглашения 1867 года это обозначение получили все страны венгерской короны

сначала“Ostmark” (остмарк, восточная провинция третьего рейха), а затем, после 1942 года – “Alpen-und Donaureichsgaue” (Альпийский и дунайские имперские области).

Если в качестве наименования этнонима и страны выступает сложное, многокомпонентное слово, то возникают следующие теоретические возможности: элементы данного образования могут тяготеть друг к другу (Österreich) или стремиться к распаду (Öster-reich). Эти символические возможности могут находить свое выражение в истории. В разные периоды австрийской истории побеждали то силы диалога, сцепления, то - энергия разрыва, распада. В таких случаях возникали такие концепты как “Restösterreich” (часть страны, оставшаяся после полного распада империи в 1918 году). Особую историю имеет обозначение “Heim ins Reich” – Grossöstereich, связанное со стремлением определенных кругов австрийского общества соединится с Германией. - IV, 31).

Современное название страны – “*Republik* Öster*reich*” – истолкованное как элемент национальной концептосферы, представляется парадоксальным. Сочетание республиканских, демократических ценностей с имперской инерцией продолжает влиять на скрытые и явные мотивы политических решений.

Представляется, что в концепте “Österreich” смоделирована, символически спроектирована не столько австрийская история, сколько национальная судьба.

Геополитическое положение

Геополитическое положение Австрии по-прежнему воспринимается в контексте ее прошлой истории. Современная “малая Австрия” (KLEIN-ÖSTERREICH), занимающая скромное место на карте Европы, незримо окружена огромной Австрийской империей (Gross-Österreich), давно уже не существующей, но все еще продолжающей влиять на ментальность и культуру народа.

Современная Австрия – государство в южной части центральной Европы. Площадь страны – 83. 858 км. Австрийский гимн, текст которого принадлежит Пауле фон Прерадович (Preradović,1887-1951), воспевает “страну гор”, полей, соборов, рек и пашен (Land der Berge, Land am Strome…), расположенную в самом центре (inmitten) Европы. Сегодня Австрия не имеет выхода к морю, хотя в прошлом в ее состав входили такие портовые города как Венеция и Триест.

Австрия – федеративное государство. Глава государства – президент. Во главе федерального правительства стоит канцлер. Австрия - демократическая республика парламентского типа. Высший законодательный орган – двухпалатный парламент. Население Австрии – около 8 миллионов человек (1998), среди них – примерно 720 000 иностранцев. После балканского кризиса новые потоки беженцев

устремились в европейские страны, в том числе и в Австрию. Отношение к иностранцам, “чужим” сегодня – одна из кардинальных проблем. Силовое поле концепта “свое/чужое” продолжает определять линии развития австрийского общества. От новеллы классика XIX века А. Штифтера (Stifter, 1805-1868) “Авдий” (Abdias,1842) до знаменитой пьесы Т. Бернхарда (Bernhard,1931-1989) “Площадь героев” (Heldenplatz,1988) продолжаются попытки осмысления образа “чужого” в австрийской литературе и культуре.

Австрия граничит с Германией, Чехией, Словакией, Венгрией, Словенией, Италией, Швейцарией, Лихтенштейном. Общая протяженность границ – 2.706 км. Протяженность границ с восточноевропейскими странами – 1257 км.

Австрийская республика располагается на перекрестке традиционных торговых путей между Севером и Югом, Западом и Востоком. Здесь пересекаются “древние мировые оси” (Р. Музиль). Геополитическая ось “Восток – Запад” во многом определяет историческую роль австрийского государства. На это указывает и название страны.

Транзит существенно влияет на общественную жизнь. Транзитные транспортные потоки изменили жизнь целых районов. Шум и нагрузка на окружающую среду выросли многократно. Проблемой иного рода являются потоки туристов. Целые населенные пункты в различных федеральных землях утратили самостоятельную, “свою” жизнь, существуя лишь для обслуживания “чужих”. Исторически семантика “промежуточного пространства” (Zwischenraum) пронизывает политику, экономику и культуру страны[126].

Становление империи привело к тому, что австрийцы приобрели уникальную способность заглядывать, проникать и вникать в смежные этнические, культурные и языковые пространства. Хотя наибольшая протяженность Австрии с Севера на Юг составляет всего лишь 294 км, а с Востока на Запад – 580 км, ландшафты страны удивительно разнообразны. Австрия – страна гор, озер, и лесов. Главная река Австрии – Дунай. Более 60% территории страны занимают Восточные Альпы, на востоке располагается паннонская низменность (11,3%). Австрийцы очень бережно, внимательно и экономно относятся к природным ресурсам. В отношении охраны природы, биологически чистых продуктов, по качеству питьевой воды Австрия занимает одно из первых мест в мире. Распад гигантской империи, утрата территорий с огромными природными ресурсами научили австрийцев бережному обращению с природой. Техническая цивилизация в Австрии достигла вершин: предупреждения о

[126] Hans Eichhorn. Terrassenraum, Seeblick, Möwenflug. // Über Österreich zu schreiben ist schwer. Österreichische Schriftsteller über Literatur – Heimat – Politik. / Hrsg. V. Gerald Leitner. Salzburg und Wien, 2000, S. 104.

сходе лавин, сильном ветре, снегопадах в горах или просто пробках на автобанах доступны всем и всегда. Тем не менее природа в этой стране, как и повсюду, порою бывает опасно непредсказуемой. Глобальные тенденции мирового развития привели к изменению климата на планете. Вместе с тем комфорт и цивилизация притупили бдительность людей, забывших о “безднах” природы и безгранично уверовавших в возможности современной техники.

На небольшой территории располагается несколько климатических зон: альпийская, зона континентального климата (восток страны), на юго-востоке – средиземноморская климатическая зона. Средняя температура января от –1 до –5С, летом - 19 С. Даже после того как распалась империя и от огромной страны осталась лишь небольшая территория, природа ее по-прежнему неисчерпаемо богата и разнообразна. В Австрии с особой силой открывается неисчерпаемость малого. Каждая складка местности неповторима, конкретна и уловима лишь в этой конкретности. Такова и глубинная традиция австрийского искусства, связанная с природой. По словам А.В. Михайлова, для австрийских художников вся действительность концентрируется в вещах, причем “…вещи абсолютно конкретны, но в них же и воплощение всеобщего, вещи уникальны, но они же и олицетворение мировых первоначал”[127]. Слово “Mannigfaltigkeit” (разнообразие, многогранность) – одно из ключевых для понимания австрийской истории, природы и культуры[128].

Разнообразие климатических зон создает идеальные условия для туризма. Особенно распространен зимний туризм. Австрия – одна из ведущих горнолыжных стран мира. Опыт Австрии показывает, что международный туризм приносит не только широкое общение, выход за пределы провинциальности, но порою таит в себе и большую опасность. Жесткую оценку “массовому туризму” дает известный публицист Р. Менассе (Menasse), автор блестящего эссе “Страна без свойств” (Das Land ohne Eigenschaften,1992). Менассе считает, что превращение австрийской природы в объект потребления сделало из Австрии “…сцену, украшенную живописными декорациями и совершенно безлюдную, если не считать глазеющих на нее иностранцев”[129].

Немецкий язык является родным для 98% жителей современной Австрии. Словенское, венгерское и хорватское национальные меньшинства составляют лишь 0,6% от общего числа граждан. “Австрийский немецкий” (П. Визингер) имеет отчетливый южно-немецкий

---

[127] А.В. Михайлов Из источника великой культуры//Золотое счение. Австрийская поэзия XIX-XX вв.: Сборник / Составление В. В. Вебера и Д.С. Давлианидзе. М., 1988, с. 30.

[128] Во “Введении” к энциклопедии “Австро-Венгерская монархия в рассказах и картинах” кронпринц Рудольф писал о чудесном разнообразии (herrliche Mannigfaltigkeit) природы и нравов в империи. См.: Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild. Aus dem Kronprinzenwerk des Erzherzogs Rudolf / Ausgewählt von Christiane Zintzen. Wien-Köln-Weimar, 1999. S.24.

[129] Роберт Менассе. Страна без свойств: Эссе об австрийском самосознании / Пер. А. Белобратова, при участии З. Мардановой. Санкт-Петербург, 1999, с. 99.

колорит. Специфическую окраску имеет его лексический состав. В нем выделяется большой слой лексики славянского, мадьярского, итальянского происхождения. Однако соответствующие слова давно уже ассимилировались, перестали восприниматься как заимствованные, чужие[130]. В “Австрийско-немецком словаре”, составленном А. Винтерсбергером при участии Х.К. Артмана приведены многочисленные (часто иронические) примеры. Из чешского в австрийский немецкий пришли: barabern: malochen (от чешского: poroba: рабство); bohmackln: говорить с чешским акцентом; Chaluppe: от чешского - chalupa (халупа); Kren – хрен (от чешск. Kren); Lepschi: auf Lepschi gehen: слоняться, отправиться куда-либо, чтобы развлечься (от чешск: lepsi: лучший); pomali – медленно (от чешск. po malu); schetzkojedno – все равно, безразлично (от чешск. vsecko jedno) и т. д.[131]. На разных уровнях (фонетическом, грамматическом и особенно лексическом) австрийского немецкого заметны промежуточные семантические пространства. Исторически австрийцы обладали способностью вслушиваться в речь соседей. Постепенно происходило усложнение языкового сознание, которое вбирало в себя чужое, превращая его в свое. Наряду с немецкоязычными регионами Швейцарии и Германией Австрия сегодня – один из центров развития немецкого языка[132].

Австрия – член Европейского Союза с 1995 года. Экономика страны интегрирована в общеевропейские структуры. Важнейший торговый партнер – Германия. В конце XX-го века Австрия вошла в число наиболее богатых европейских стран, сочетавших рыночную экономику с эффективной социальной защитой. В 1950-е - 1990-е годы сложилась и упрочилась политическая система Второй республики, в основе которой лежала коалиция Социалистической партии Австрии (SPÖ) и Австрийской народной партии (ÖVP). Ситуация начала меняться лишь в последние два года, когда к власти пришла новая коалиция: Австрийская народная партия (ÖVP) и Австрийская партия свободы (FPÖ). Из-за профашистских высказываний лидера Австрийской партии свободы Йорга Хайдера страна попала в ситуацию политической изоляции. Постепенно новому правительству удалось изоляцию преодолеть. При этом оно предприняло шаги, которые не были осуществлены в предыдущий период. Взят курс на

---

[130] U. Ammon. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin-New York 1995. Sprache und Name in Österreich. Festschrift für Walter Steinhauser zum 95. Geburtstag. / Hrsg. von Peter Wiesinger. Wien, 1980. Wolfgang Pollak. Was halten die Österreicher von ihrem Deutsch? Eine sprachliche und soziosemiotische Analyse der sprachlichen Identität der Österreicher. Wien, 1992. Österreich. Ein landeskundliches Lesebuch von Jürgen Koppensteiner.München, 1990. Sylvia. Moosmüller Hochsprache und Dialekt in Österreich. Soziophonologische Untersuchungen zu ihrer Abgrenzung in Wien, Graz, Salzburg und Innsbruck. Wien-Köln-Weimar, 1991. G.J.Zibrowa. Österreichisches und schweizerisches Deutsch. Moskau, 1995, S.51.

[131] Wörterbuch. Österreichisch-Deutsch. Zusammengestellt von Astrid Wintersberger unter beratender Mitarbeit von H.C. ArtmannSalzburg und Wien, 1995.

[132] Eva-Maria Krech. Österreichisches Deutsch – deutsches Deutsch. Zu Fragen der Plurizentrizät der deutschen Sprache // Interkulturelle Kommunikation / Hrsg. von Ingrid Jonach. München-Basel,1998, S. 160-168.

либерализацию экономики, что влечет за собой ослабление системы социальной защиты. Приближается момент, когда австрийцам придется окончательно отказаться от политики нейтралитета. Как отмечает Р. Менассе, политики давно уже совершили этот шаг. Однако “нейтралитет” стал важнейшим концептом, опорой самосознания, идентичности. Разрушение концептов – процесс непредсказуемый и опасный.

В прошлое уходит и политика социального партнерства. Отменено бесплатное высшее образование. Параллельно нынешнее правительство приступило к компенсационным выплатам жертвам национал-социализма. На это никак не могли решиться предыдущие правительства, членов которых никак нельзя было упрекнуть в симпатии к лозунгам третьего рейха. В Австрии возникла новая динамическая, противоречивая социально-политическая ситуация. Страна вновь вступила в эпоху интенсивного формирования констант и концептов.

«Вникание/вчувствование» как концепт австрийской культуры

Национальная концептосфера (Д.С. Лихачев) представляет собой систему систем. В нее входят внутренние и внешние концепты, определяющие национальную ментальность, культуру, язык. Входящие в каждую из этих систем концепты связаны между собой прямыми и обратными связями, которые реализуются в процессе коммуникации.

Представляется, что «вникание – вчувствование – диалогичность» (общительность, способность представить себя на месте другого) – один из системообразующих концептов австрийской культуры. Проявляя осторожность, следовало бы, вероятно, отнести его к Восточной Австрии (Ostösterreich).

В Австрии, более чем в других странах Европы, геополитическое положение, история и традиции указывали на близость, острое и опасное переплетение «своего» и «чужого». Судьба многонациональной империи всегда зависела от решения вопроса, останется ли «чужое» чуждым или «чужим», сумеют ли австрийцы отказаться от бессознательной уверенности, что правильным и единственно верным может быть лишь «свое».

Ключевые концепты культуры связаны со всем ходом национальной истории и геополитическим положением страны. Современную Австрию нельзя оторвать от ее относительно недавнего прошлого. Нынешняя «малая Австрия» (KLEIN-ÖSTERREICH), занимающая скромное место на карте Европы, незримо окружена огромной Австрийской империей (Groß-Österreich), давно уже не существующей, но все еще продолжающей влиять на национальную идентичность[133].

Австрийский гимн, текст которого принадлежит Пауле фон Прерадович (Preradović, 1887-1951), воспевает «страну гор», полей,

[133] Friedrich Heer. Der Kampf um die österreichische Identität. 3., unveränderte Auflage. – Wien-Köln-Weimar, 2001, S. 432-442.

соборов, рек и пашен (Land der Berge, Land am Strome…), расположенную в самом центре (inmitten) Европы. Концепция «срединности» и «центральности» еще и сейчас многое объясняет в современной австрийской политике и культуре.

Австрийская республика располагается на перекрестке традиционных торговых путей между Севером и Югом, Западом и Востоком. Здесь пересекаются «древние мировые оси» (Р. Музиль). Геополитическая ось «Восток – Запад» во многом определяет историческую роль австрийского государства. На это указывает и название страны. Первая часть сложного существительного (Österreich) Oster- восходит к др.-исл. austr. (восток / на востоке), а также греческому корню austa-, означающему ausos (рассвет). Вторая часть сложного имени -reich восходит к древненемецкому и кельтскому истокам (rihhi) и означает «государство» и «король». «Австрия» – это владение на Востоке[134].

Транзит существенно влияет на австрийскую политику, экономику и культуру. Транзитные транспортные потоки изменили жизнь целых районов. Шум и нагрузка на окружающую среду выросли многократно. Проблемой иного рода являются потоки туристов. Целые населенные пункты в различных федеральных землях утратили самостоятельную, «свою» жизнь, существуя лишь для обслуживания «чужих». Исторически семантика «промежуточного пространства» (Zwischenraum) пронизывает политику, экономику и культуру страны[135]. Даже после того как распалась империя, и от огромной страны осталась лишь небольшая территория, природа ее по-прежнему остается исключительно богатой и разнообразной. В Австрии с особой силой открывается неисчерпаемость малого. Каждая складка местности неповторима, конкретна и уловима лишь в этой конкретности. Такова и глубинная традиция австрийского искусства, связанная с природой. По словам А.В. Михайлова, для австрийских художников вся действительность концентрируется в вещах, причем «…вещи абсолютно конкретны, но в них же и воплощение всеобщего, вещи уникальны, но они же и олицетворение мировых первоначал»[136]. Слово «Mannigfaltigkeit» (разнообразие, многогранность) – одно из ключевых для понимания австрийской истории, природы и культуры. Так, например, во «Введении» к энциклопедии «Австро-Венгерская монархия в рассказах и картинах» кронпринц Рудольф писал о

---

[134] Thomas Lindner. Sprachwissenschaftliche Bemerkungen zu den Namen Österreich und Auastria // Österreich in Geschichte und Literatur mit Geographie. – Heft 1 (286). – 1997, S. 15-19.

[135] Hans Eichhorn. Terrassenraum, Seeblick, Möwenflug // Über Österreich zu schreiben ist schwer. Österreichische Schriftsteller über Literatur – Heimat – Politik / Hrsg. V. Gerald Leitner. – Salzburg und Wien, 2000, S. 104.

[136] А.В. Михайлов. Из источника великой культуры // Золотое сечение. Австрийская поэзия XIX-XX вв.: Сборник / Составление В. В. Вебера и Д.С. Давлианидзе. – М., 1988, с. 30.

чудесном разнообразии (herrliche Mannigfaltigkeit) природы и нравов в империи[137].

Примечательно, что реальность концепта «вникание/вчувствование» подтверждает и шкала для описания национальных культур известного голландского социолога Гирта Хофстеде. Среди стран, относящихся к индивидуалистическому типу, Австрия является одной из самых «коллективистских». Хофстеде отводит этой стране восемнадцатое место[138]. Иными словами, в 80-е годы XX-го века демократические ценности соединялись в Австрии с высокой долей коллективизма – одной из потенциальных проекций «вникания/вчувствования». Пока существовала система «социального партнерства» (Soziale Partnerschaft), основной концепт обнаруживал себя в компромиссах, паритетных развязках, которые искали и находили работодатели и трудящиеся[139]. Лишь в последнее время ситуация резко изменилась.

«Вникание/вчувствование» связано и с еще одной составляющей австрийской ментальности и культуры – театральностью. Способность играть, перевоплощаться, ощущать себя другим в эпоху барокко глубоко укоренилась в австрийцах. Даже проводы в последний путь часто предстают как игровое действо[140].

Сочетание всеобщности и уникальности характерно и для «австрийского немецкого» (П. Визингер). Немецкий язык является родным для 98% жителей современной Австрии. Словенское, венгерское и хорватское национальные меньшинства составляют лишь 0,6% от общего числа граждан. «Австрийский немецкий» имеет отчетливый южно-немецкий колорит. Специфическую окраску имеет его лексический состав. В нем выделяется большой слой лексики славянского, мадьярского, итальянского происхождения. Однако соответствующие слова давно уже ассимилировались, перестали восприниматься как заимствованные, чужие[141]. В игровом и ироничном «Австрийско-немецком словаре» (1995) приведены многочисленные примеры. Из чешского в австрийский немецкий пришли: barabern: malochen (от чешского: poroba: рабство); böhmackln: говорить с чешским акцентом; Chaluppe: от чешского – chalupa

---

[137] Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild. Aus dem Kronprinzenwerk des Erzherzogs Rudolf / Ausgewählt von Christiane Zintzen. – Wien-Köln-Weimar, 1999, S. 24.

[138] Hofstede Geert. Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management. 2., durchgesehene Auflage. – München, 2001, S. 70-71.

[139] Н.В.Муравлева, Е.Н. Муравлева. Австрия. Лингвострановедческий словарь. – М., 2003, с. 529.

[140] William M Johnston. Österreichische Geistesgeschichte, Gesellschaft und Ideen im Donauraum 1848-1939. – Graz, 1973.

[141] U. Ammon. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. – Berlin -New York 1995. Sprache und Name in Österreich. Festschrift für Walter Steinhauser zum 95. Geburtstag. / Hrsg. von Peter Wiesinger. – Wien, 1980. Pollak Wolfgang. Was halten die Österreicher von ihrem Deutsch? Eine sprachliche und soziosemiotische Analyse der sprachlichen Identität der Österreicher. – Wien, 1992. Österreich. Ein landeskundliches Lesebuch von Jürgen Koppensteiner. – München, 1990. Moosmüller Sylvia. Hochsprache und Dialekt in Österreich. Soziophonologische Untersuchungen zu ihrer Abgrenzung in Wien, Graz, Salzburg und Innsbruck. – Wien-Köln-Weimar, 1991. Zibrowa G.J. Österreichisches und schweizerisches Deutsch. – Moskau, 1995,S. 51.

(халупа); Kren – хрен (от чешск. Kren); Lepschi: auf Lepschi gehen: слоняться, отправиться куда-либо, чтобы развлечься (от чешск: lepsi: лучший); pomali – медленно (от чешск. po malu); schetzkojedno – все равно, безразлично (от чешск. vsecko jedno) и т.д[142]. На разных уровнях (фонетическом, грамматическом и особенно лексическом) «австрийского немецкого» заметны промежуточные семантические пространства. Исторически австрийцы обладали способностью вслушиваться в речь соседей. Постепенно происходило усложнение языкового сознание, которое вбирало в себя чужое, превращая его в свое. Яркий пример – известное слово «der Powidl», означающее буквально «повидло», «сливовое варенье». Однако большое распространение получило и переносное значение слова, реализующееся в устойчивых словосочетаниях и вызывающее ассоциации с весьма конкретными коммуникативными ситуациями: «etwas ist jemandem Powidl» (egal»)[143]. Синонимические выражения – «es ist eh Wurcht»; «es ist doch eh schon ganz Powidl, ob du jetzt Federn schläfst zugedeckt; это мне безразлично, «все равно»…). «Чужие» словосочетания и слова укоренились в «ассоциативно-вербальной сети» (Ю.Н. Караулов) австрийского немецкого. Диалогический обмен, вникание, вчувствование в славянский мир заметны на лексическом, интонационно-мелодическом и других языковых уровнях.

Одно из ярких определений концепта «вчувствование/вникание» принадлежит поэту и драматургу Г. фон Гофмансталю (Hofmannsthal; 1874-1929). Сравнивая прусское и австрийское начала, он определяет эту черту как способность «вдумываться» в мысли другого… (Hineindenken in andere…)[144]. Обрывая здесь ключевую цитату из Гофмансталя, следует указать на способность концептов к самоотрицанию, переходу в смысловую противоположность. Концепты живут в культуре благодаря энергии сцепления противоречивых начал. Мысль Г. фон Гофмансталя важна целиком. К ней еще предстоит вернуться.

Основной концепт «вникание – вчувствование – диалогизм» можно рассмотреть и в редакции известного австрийского писателя Антона Вильдганса (Wildgans, 1881-1932). Вильдганс сформулировал его в «Речи об Австрии» (1929). Писатель объясняет австрийскую способность «вдумываться», «вчувствоваться» в духовный склад других народов склонностью к «психологии». Притом «психология» понимается этим автором не как ученое занятие или удовлетворение любопытства, а как обязанность, «долг»[145]. Способность австрийцев к «психологии» была

---

[142] Wörterbuch. Österreichisch-Deutsch. Zusammengestellt von Astrid Wintersberger unter beratender Mitarbeit von H.C. Artmann. – Salzburg und Wien, 1995.

[143] Jakob Ebner. Wörterbuch der österreichischen Besonderheiten. 2., vollständig überarbeitete Auflage. Bibliographisches Institut ─ Mannheim / Wien / Zürich, 1980, S. 143.

[144] Gollner Helmut. Österreichische Literatur der 2. Republik. Materialien zur österreichischen Landeskunde für den Unterricht aus Deutsch als Fremdsprache: Bd. 12. ─ Wien, 1999, S. 79.

[145] Wildgans Anton. Rede über Österreich. – Salzburg, 1976², S. 29-30.

связана с допущением многовариантности, множественности смысла. Вспомним, например, знаменитое суждение австрийского писателя Йозефа Рота (Roth, 1894-1939) о специфике австрийского слова. Оно – не просто неоднозначное (zweideutig), оно – многозначное (*vieldeutig)*. Тот, кто не был рожден в Австрии, добавляет Рот, – этой амбивалентности не поймет[146]. При этом концепт «вникания/вчувствования» сталкивался с имперскими и чиновничьими концептами «порядка», «унификации», «управляемости».

Задолго до А. Вильдганса кронпринц Рудольф выдвинул мысль, которая объединила австрийскую музыкальность и способность вслушиваться в других. В одном из незавершенных набросков 1880 года он писал о «концерте всех австрийских народов» (Concert der gesamten österreichischen Völker)[147]. Эта формула прямо предвосхищает идеи А. Вильдганса. При всей риторичности оборота, отметим его специфически австрийское музыкальное наполнение и отчетливый просветительский смысл. Как известно, концерт в музыке – произведение, в основе которого одновременно лежат представления о согласии и состязании. Концертная форма построена на контрасте. Возможна, что метафора кронпринца Рудольфа была не вовсе случайным риторическим оборотом. В образе «концерта народов» заложены идеи солирования и контраста, состязания и гармонии, а за всеми этими противоречивыми признаками скрывается принцип «диалогичности», «диалога». Заслуживают внимания и соображения кронпринца о концерте всех (gesamt) народов», составляющих монархию. Здесь, по-видимому, скрывалась смысловая и историческая ловушка. Если учитывать «общегосударственные интересы», то неизбежен и «централизм». Оркестру нужен дирижер или хотя бы концертмейстер. «Централизм», в свою очередь, затрудняет признание равных прав за всеми народами. Возникает замкнутый круг, в который Австро-Венгрия попала намного раньше других многонациональных империй. Примечательно, что во “Введении” к известной энциклопедии «Австро-Венгерская монархия в рассказах и картинах» кронпринц Рудольф писал о «чувстве солидарности», столь необходимом его родине[148].

Еще одним примером «вникания – вчувствования» на уровне языка представляется слово «konziliant». В его структуре (**kon**ziliant) выражена идея совместности, договора, согласия, консенсуса, примирения острых противоречий. Отказ от жесткого добывания прямолинейной истины. Это слово вызывает ассоциации с преимуществами и опасностями

---

[146] Roth Joseph. “Dreimal Österreich” // Das andere Österreich. Eine Vorstellung / Hgg. von Konstanze Fliedl. – München, 1998, S. 24.

[147] Kronprinz Rudolf. “Majestät, ich warne Sie…”: Geheime und private Schriften. / Hrsg. Von Brigitte Hamann. – München, 1987, S. 53.

[148] Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild. Aus dem Kronprinzenwerk des Erzherzogs Rudolf / Ausgewählt von Christiane Zintzen. – Wien-Köln-Weimar, 1999, S. 23.

неюридического разрешения конфликтов. Та же мысль запечатлена в очень австрийском выражении – «Wir werden keinen Richter brauchen / Wia wean kan Richta brauchn («сами разберемся»; букв.: судья нам не понадобится), на которое мое внимание обратила венская писательница Марианна Грубер. Другой пример – «Der Travniček» (Травничек). Травничек (чешск.) – фигура из мира кабаре, символ бюргера («Травничек на Средиземном море»). Имя «Травничек» – явное заимствование. Уменьшительный суффикс «-чек» моделирует семантику этого персонажа в целом: Травничек – мелкий буржуа, бюргер (Der Travniček – Kleinbürger). Здесь «чужое» органично соединяется со «своим». Имя собственное, заимствованное из чешского языка, включается в ассоциативно-вербальную сеть «австрийского немецкого». Происходит акт коллективного «вникания/вчувствования». Травничек – «свой-чужой», чужой и свой одновременно.

Предлагая собственную версию идеальных первооснов австрийской культуры, писатель А. Штифтер (Stifter, 1805-1868) вводит словосочетание «кроткий закон» (das sanfte Gesetz)[149]. Отметим, что, сравнивая национальные характеры в Пруссии и Австрии, поэт и драматург Г. фон Гофмансталь указывал на “природный”, органичный (gewachsen) характер австрийской истории и культуры[150].

Эпитет «кроткий» (sanft) скрыто связан с основным концептом «вчувствования», общительности, диалогизма. Любопытно, что этимологически слово «sanft» восходит к индо-германским корням *somo-, *sama- (‘gleich’ gehört, то есть – вместе), а также – к готскому samjan (нравится)[151]. В эпитете «sanft» сходятся в одной смысловой точке глубинная способность австрийцев учитывать интересы другого, вступать с ним в диалог, быть с ним заодно, вместе, и потребность нравиться, быть приятным. В Австрии эту черту обозначают словом «Entgegenkommen» (умение не столько спорить или конфликтовать, сколько – идти навстречу). Австрийскому «Entgegenkommen» противоположно концептуально-немецкое слово – «Auseinandersetzung» (контакт как лобовое столкновение, контакт-конфликт). Здесь ясно различима семантика удаления, движения друг от друга – «auseinander».

Теперь вернемся к исходному суждению Г. фон Гофмансталя. Полностью оно выглядит так: австрийской является способность – «Hineindenken in andere bis zur Charakterlosigkeit» – вдумываться в мысли другого вплоть до утраты собственного характера. Очевидно, что здесь затронута обратная сторона центрального концепта. Мы подошли вплотную к такому феномену австрийской культуры как «человек без

---

[149] Н. Павлова. О кротком законе // Адальберт Штифтер. Бабье лето / Пер. С. Апта. – М., 1999, с. 13.

[150] Hugo von Hofmannsthal. Preusse und Österreicher // Gesammelte Werke. Reden und Aufsätze II. – Fr. am Main, 1979, S. 458-461.

[151] Friedrich Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 22 Auflage unter Mithilfe von Max Bürgisser u. Bernd Gregor, völlig neu bearbeitet von Elmar Seebold. – Berlin-New York, 1989, S. 617.

свойств», описанному в одноименном романе Р. Музиля (Musil; 1880-1942)[152]. С «вниканием» и «вчувствованием» системно связаны «легкость», «музыкальность» и тяготение к компромиссу.

Р. Музилю принадлежит гениальное сопоставление глаголов «passieren» и «geschehen». В романе «Человек без свойств» он пишет: «Так уж получилось» (es ist passiert) – говорили там, когда другие люди в других местах полагали, что произошло бог знает что (es sei wunder was geschehen)…» (Пер. С. Апта). Слово «там» означает в «Какании», то есть в многонациональной Австро-Венгрии. «Другие люди» в «других местах» – намек на соседнюю германскую империю. Во внутренней форме слова «passieren» (получаться, случаться, миновать, проходить) скрывается семантика открытого, промежуточного пространства (Passage – пассаж, проход (Durchgang), ощущение чего-то, что, завершаясь (Passus), ускользает в прошлое (Passiv, passé)[153]. Для «Какании» Музиля характерна особая аура легкости, в атмосфере которой «…факты и удары судьбы делались» невесомыми (so leicht wie Flaumfedern), как пушинки и мысли». Возможно, благодаря этой «легкости» Какания была «страной для гениев», способных к «вниканию», «вчувствованию» и «диалогизму».

Равновесие, компромисс

Равновесие (Ausgleich), компромисс – один из ключевых концептов австрийской ментальности. Именно это слово чаще всего используется для описания исторических процессов. В многотомной “Истории Австрии в ключевых словах” это слово используется для обозначения всех компромиссных решений. Так, в 1291 году герцог Альбрехт Габсбургский (1248-1308), старший сын короля Рудольфа I, договаривается с венгерским королем Андреасом III и богемским королем Венцелем II. Компромисс необходим для подавления восстания феодалов, недовольных тем, что Альбрехт попытался лишить их особых привилегий и прав[154]. После поражения в войне с Пруссией (1866) Австрия утрачивает ведущую роль среди германских государств. Военные поражения ведут к политическим компромиссам. Один из них - *Ausgleich* mit Ungarn – двусторонний договор австрийцев с венграми о равноправии. Однако подобный компромисс был недостаточным. Он породил лишь новые проблемы. В 70-е годы XIX-го века стала очевидной необходимость перехода от “дуалистической монархии” к “триалистической федерации”, учитывающей интересы славянских народов (Deutschösterreicher – Ungarn – Slawen). Отказ от

[152] Роберт Музиль. Человек без свойств: Книга первая. / Пер. с нем. С. Апта. – М., 1994, с. 89-93.

[153] Friedrich Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 22 Auflage unter Mithilfe von Max Bürgisser u. Bernd Gregor, völlig neu bearbeitet von Elmar Seebold. – Berlin-New York, 1989, S. 530-531.

[154] E. Scheithauer, H. Schmeizer, G. Woratschek. Geschichte Österreichs in Stichworten: Teil II: Von 1282 bis zum Westfälischen Frieden. Wien, 1972, S. 29. В дальнейшем том и страница указываются прямо в тексте (II, 29).Ср.: II:70, 74, 83, 84, 86, 88, 123, 129, 138, 142; III: 12, 45, 53,65; IV: 32, 60…

мирного разрешения конфликтов привел к крушению сословного (корпоративного) государства (1934 – 1938) и последующему “аншлюсу” Австрии к фашисткой Германии. В 1945 – 1999 годах политика компромиссов стала фирменным знаком Второй республики. Ключевыми словами при этом стали “консенс”, “договор”, “паритет” и “партнерство”.

Политика “социального партнерства” основана на создании специальных “объединений”, которые представляют интересы различных участников производственного процесса. Число этих объединений невелико. Специальные палаты представляют интересы работодателей и рабочих и служащих (Kammer für Arbeiter und Angestellte). Палаты ведут политику “коллективных договоров”, добиваясь “паритетных” отношений между различными сторонами. В результате все спорные вопросы решаются за закрытыми дверями, в ходе переговоров. Тем самым устраняются условия для проведения забастовок. В экономической сфере правительство лишь регистрирует решения, которые принимают представители работодателей и рабочих и служащих. В 1981-1989 годах лишь в Швейцарии бастовали меньше, чем в Австрии. “Социальное партнерство” представляет собой форму “уравнивания” (Ausgleich) отношений, разрешения конфликтов путем сотрудничества, благодаря компромиссу[155].

Политика “социального партнерства” восходит одновременно к целому ряду различных традиций. Если в Австро-Венгрии и “Первой республике” не были осуществлены принципы “паритетного” развития, то политики Второй республики предпочитали эволюцию революции. При этом они могли учитывать, например, опыт австромарксизма, опиравшегося на эволюционную теорию крушения капитализма. Вместе с тем Р. Менассе отмечает, что “социальное партнерство” генетически было связано и с австрофашизмом. Р. Менассе устанавливает эту связь следующим образом: механизмы осуществления “социального партнерства” находятся вне конституционного поля. Именно в этом смысле политика “социального партнерства” связана с австрофашизмом. Парадоксально, но этот феномен австрийской жизни одновременно восходит к двум противоположным тенденциям: австромарксизму и австрофашизму. Следовательно, слово “австро” оказывается семантически очень активным. Оно способно сблизить столь противоположные концепты как “марксизм” и “фашизм”. Неслучайно, “австромарксизм” и “австрофашизм” существенно отклоняются от советского и немецкого образцов. Собственно австрийским концептом, залегающим глубже всех идеологических различий, *выступает стремление к компромиссу, диалогу, постепенному развитию*. Традиции “венских кафе” и “музыкальных

[155] Joseph Marko. Verbände und Sozialpartnerschaft // Politik in Österreich. Die Zweite Republik: Bestand und Wandel. / Hrsg. v. Wolfgang Mantl. Wien-Köln-Graz, 1992, S. 435.

салонов" питают специфический миф о некоем идеальном месте, особом "локусе", где возникает диалог.

Обратная сторона австрийского "социального партнерства" – конформизм, отсутствие убеждений. "Переворачивание", самоотрицание концепта замечательно уловил австрийский поэт, автор текстов для кабаре Франц Хютерер (Hütterer, geb. 1954). В стихотворении "Социальное партнерство, языковой план" (Sozialpartnerschaft, sprachlich) он пишет:

В Австрии
сливаются
враг и друг
в некий
ВРУГ
(пер. мой – В.З.)

In Österreeich // verschmelzen // Freund und Feind // zu // FREIND [156].

Нейтралитет

С "вчувствованием" соотносится и политика *нейтралитета* (Neutralität). Буквально слово "нейтральный" означает "внепартийный", не принадлежащий ни к одной партии. Концепт "нейтральности", нейтралитета глубоко вошел в австрийскую ментальность. После подписания Австрией Сен-Жерменского "Государственного договора" 10 сентября 1919 года страна получила статус, похожий на нейтралитет. В октябре 1922 года он был подтвержден в Генуе, а в 1932 году – в Лозанне.

Согласно "Государственному договору о восстановлении независимой и демократической Австрии" (1955) страна приняла на себя обязательства проводить политику нейтралитета. 26 октября 1955 года Национальный Совет принял федеральный закон о "Нейтралитете Австрии". В идеале Австрия должна была стать государством, подобным Швейцарии. Во времена Второй республики в Австрии сохранялись общие контуры этой политики. Особенно важна была психологическая составляющая австрийского нейтралитета. Именно "Государственный договор" и нейтралитет в значительной мере определяли самосознание австрийцев. На практике "нейтралитет" нередко оборачивался чем-то призрачным, фантомным. Это объясняется тем, что основатели Второй республики, принадлежали к поколению, которое сформировалось под воздействием пяти различных политических и государственных систем: Габсбургской монархии, Первой республики, австрийского корпоративного государства, Второй республики (Р. Менассе).

Исторический опыт закрепляет "уклонение" (ausweichen) от *однозначности* как важную черту австрийской ментальности.

[156] Franz Hütterer. Sozialpartnerschaft, sprachlich // Lesen Sie Gedichte. Literaturkreis Podium. Tag der Lyrik 2000. / Inhalt: Manfred Chobot. PODIUM. Literaturkreis Schloß Neulengbach. Wien, 2000.

Неприкосновенность нейтралитета и отход от него – характерный пример австрийской амбивалентности. Однако только так и существуют концепты.

Самоирония

Самоирония (Selbstironie), "*сомнение в себе*" (sich selbst misstrauen), "*Nestbeschmutzung*" (пачканье собственного гнезда). Концепт "разрушения концептов". Особенностью современной австрийской культуры следует считать особую форму "недоверия" (Misstrauen) к любым национальным стереотипам и клише, содержащим моменты самовосхваления или самооправдания. По существу речь идет о "недоверии к себе", об отвержении внутреннего самодовольства. Об этом пишет выдающаяся австрийская писательница Ильза Айхингер (Aichinger) в эссе "Призыв к сомнению" (Aufruf zum Misstrauen,1946). Люди "элегантного", "разумного" и "человечного" XIX-го века доверяли себе. Сытые, умные, человечные, они ловко защищали себя от любого контакта с голодными, оборванными и грязными. Так незаметно и совершенно свободно от одного поколения к другому возрастала бестия в людских душах. "Мы познали ее! (…) Вокруг нас, рядом с нами и в самих нас"[157]. И. Айхингер предупреждает соотечественников и современников, чтобы они не считали себя "жертвами", пострадавшими от фашизма лишь случайно. Эссе кончается призывом: "Werden wir misstrauisch gegen uns selbst, um vertrauenswürdiger zu sein!" (будем сомневаться в себе, чтобы люди сочли нас достойными доверия).

В этом контексте становится понятной блестящая ироническая реплика, которую австрийский сатирик Х. Квальтингер (Qualtinger, 1928-1986), вложил в уста своего героя – типичного бюргера, "господина Карла". "Господин Карл" вспоминает тот памятный день, когда австрийцы получили "Государственный договор": "И вот мы все пошли в Бельведер…все пришли… всех и не сосчитать…все, как один, австрийцы…как в тридцать восьмом году…одна большая семья…может чуток поменьше…так ведь и Бельведер не такой большой, как Площадь героев".[158].

Концепт "пачкания гнезда" (Nestbeschmutzung) радикальным образом воплощен в пьесе Т. Бернхарда "Площадь героев". Действие происходит в марте 1988 года. Одна из героинь пьесы, Анна Шустер, дочь покончившего с собой профессора Йозефа Шустера, говорит о том кошмаре, которым является для нее жизнь в Вене, где "нацистов больше", чем было в тридцать восьмом. [159] Окна квартиры Шустеров выходят на венскую Площадь героев, хранящую воспоминания о событиях 15 марта

---

[157] Ilse Aichinger. Aufruf zum Misstrauen. // Über Österreich zu schreiben ist schwer. Österreichische Schriftsteller über Literatur – Heimat – Politik…S.24.

[158] Helmut Qualtinger. Der Herr Karl. // Über Österreich zu schreiben ist schwer. Österreichische Schriftsteller über Literatur – Heimat – Politik…S. 50.

[159] Томас Бернхард. Видимость обманчива и другие пьесы../ Составление, вступительная статья, перевод с немецкого и примечания М. Рудницкого. М., 1999, с. 654.

1938 года. В тот день Гитлер произнес речь, посвященную присоединению Австрии к третьему рейху. Многотысячная толпа встретила ее ликованием.

В подтексте пьесы остался основной смысл той памятной речи. Гитлер объявил о „новой миссии“ Австрии, которая должна стать верным „оплотом немецкой нации“. Фюрер похвалил австрийцев за то, что они справилась со своей исторической ролью: “Веками в неспокойные времена бури с Востока разбивались о границы древнейшей немецкой марки”. Теперь же они вновь должны доказать “верность” великому “содружеству” немецкого народа (Treue zur grossen deutschen Volksgemeinschaft)[160].

В “памяти места” навсегда засели “осколки воспоминаний” (Т. Бернхард). Площадь героев без этих воспоминаний и ассоциаций представить нельзя. Концепт “пачкание гнезда” можно истолковать как предупреждение против крайностей австрийского “вчувствования”.

Легкость

Другими гранями австрийской концептосферы являются легкость (Leichtigkeit) и музыкальность. По мнению современного писателя П. Розая, для австрийцев характерно „…элитарное пристрастие к исключительному“, а также особый „кавалерийский стиль мышления“, далекий от сухого систематизма.[161] Задолго до П. Розая о способности австрийцев „молниеносно схватывать“ (rascher in Auffassung), остро и быстро воспринимать мир писал Гуго фон Гофмансталь.

В память о победе австрийских войск во главе с фельдмаршаллом графом Леопольдом фон Дауном над прусским королем Фридрихом II (1712-1786) в битве 18 июня 1757 года (Колин на Эльбе) императрица МарияТерезия (1717-1780) учредила новый военный орден (Militär-Maria-Theresien-Orden), ставший высший военной наградой австрийской монархии. Орден вручали за смелые действия, предпринятые по собственному почину и приведшие к победе. При этом инициатива не должна была противоречить приказам высших начальников[162].

Устав ордена фиксирует австрийскую неоднозначность. С одной стороны, очевидна высокая оценка импровизации, инициативы. С другой стороны, – концепт “приказа”, без которого немыслима армия. Различимо чисто австрийское стремление установить баланс, примирить и умерить крайности. Между двумя противоположностями открывается поле возможного, простор для игры случая. Интересно, что в пьесе Генриха фон Клейста (Kleist,1777-1811) “Принц Гомбургский” (Prinz Friedrich von Homburg,1811) прусский курфюрст Фридрих отвергает победу, которую ему дарит “случай” (Zufall). В пьесе сталкиваются “закон”, “устав” и

---

[160] Цит. по: Helmut Gollner. Österreichische Literatur der 2. Republik. Materialien zur österreichischen Landeskunde für den Unterricht aus Deutsch als Fremdsprache: Bd. 12. Wien, 1999, S. 155.

[161] Петер Розай. Очерки поэзии будущего. Лекция по поэтике. Пер. с немецкого А.И. Жеребина. Нижний Новгород, 2000, с. 15.

[162] E. Scheithauer, H. Schmeizer, G. Woratschek. Geschichte Österreichs in Stichwortn: Teil III. Von 1648 bis zum Wiener Kongreß.Wien, 1976, S.127.

“приказ” (Gesetz, Satzung, Ordre) и “строптивость”, “случай”, “легкомыслие” (Trotz, Zufall, Leichtsinn). Некорректно сравнивать устав ордена и литературное произведение. Однако можно соотносить концепты культуры, проявляющиеся в самых разных сферах. Прусский и австрийский миры расходятся в отношении “предписаний”, “порядка” и “легкости”, “легкомыслия”.

Р. Музилю принадлежит гениальное сопоставление глаголов “passieren” и “geschehen”. В романе “Человек без свойств” он пишет: “Так уж получилось” (es ist passiert) – говорили там, когда другие люди в других местах полагали, что произошло бог знает что (es sei wunder was geschehen)…” Во внутренней форме слова “passieren” (получаться, случаться, миновать, проходить) скрывается семантика открытого, промежуточного пространства (Passage – пассаж, проход (Durchgang), ощущение чего-то, что, завершаясь (Passus), ускользает в прошлое (Passiv, passй)[163], особая аура легкости, в атмосфере которой “…факты и удары судьбы делались” невесомыми (so leicht wie Flaumfedern), как пушинки и мысли”. Возможно, благодаря этой “легкости” Какания была “страной для гениев; и наверно потому она и погибла”[164]. Грусть, меланхолия, ощущение “веселого Апокалипсиса” (Г. Брох) переплетаются в австрийской культуре с музыкальностью и “легкостью”. Символом этого синтеза является “вальс”.

Музыкальность

Музыкальность (Musikalität) - один из главных концептов австрийской культуры. В 1999 году в Австрии прошла выставка под названием “1000 лет австрийской музыки”, дающая ключ к пониманию национальной истории и культуры. Музыкой пронизано католическое богослужение. Усваивая почерпнутый из религиозной традиции “…взгляд на мир как на совершенство, гармонию и красоту”, австрийские композиторы переносят его в свое искусство[165].

Музыка и музыкальность охватывают все периоды, затрагивают все сферы австрийской жизни. В Австрии и поныне очень сильны традиции домашнего музицирования. Особого упоминания заслуживает такое специфическое явление как музыкальный салон. Венский музыкальный салон, достигший расцвета в эпоху Шуберта, продолжает существовать и сегодня. Почти все австрийцы умеют танцевать вальс, петь и играть на том или ином инструменте. В Австрии тесно переплетаются народная и профессиональная музыкальная культура.

Музыка и театр в Австрии тесно связаны друг с другом. Барочная театральность и глубинная музыкальность связаны с глубинными

---

[163] Kluge Friedrich. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 22 Auflage unter Mithilfe von Max Bürgisser u. Bernd Gregor, völlig neu bearbeitet von Elmar Seebold. BerlinßNew York, 1989, S. 530-531.

[164] Роберт Музиль. Человек без свойств: Книга первая…С.58.

[165] Михайлов А.В. Из источника великой культуры // Золотое счение. Австрийская поэзия XIX-XX вв... с. 18.

основаниями австрийской ментальности. Народный венский театр построен на принципах импровизации и музыкальности. Особо следует упомянуть такой жанр как “зингшпиль”, разновидность комической оперы с разговорными диалогами. Моцарт облагородил его, поставив в один ряд с высокими оперными жанрами и наполнив проблемами своей эпохи. Такова, например, его знаменитая опера “Волшебная флейта” (Zauberflote, 1791).

Закономерно, что именно в творчестве венских классиков Гайдна, Моцарта и Бетховена достигла расцвета одна из наиболее сложных, всеобъемлющих и вместе с тем гибких форм гомофонной музыки – сонатная форма. Она оказалась способной соединить в одно целое полярные образы и темы. Исследователи Моцарта не устают говорить о “психологической амбивалентности” его музыкального мышления. Мажор у Моцарта наполнен “ожиданием минора”, у мажорной темы появляется двойник, “тень” (например, первое и второе предложения главной темы медленной части Фортепианной сонаты F-dur KV 332)[166]. “Психологическая амбивалентность” мышления Моцарта – одно из вершинных проявлений австрийского “вчувствования”. Музыкальность характерна как для низовой, народной, так и для элитарной культуры. Она сближает, соединяет их. В творчестве Ф. Шуберта, например, соединение этих начал порождает такой жанр, как “Lied” (песня). Знаменитый венский вальс возник из лендлера, сельского танца. Слово “Ländler” происходит от “Land” (земля). Вальс неразрывно связан с опереттой, столь характерной для Вены рубежа XIX-XX веков. Интересно, что гимн Австрийской республики, музыку которого долгое время приписывали Моцарту, также, как и вальс, написан в размере три четверти. Это не только танец, но и нечто большее: мироощущение, образ жизни. Немецкий писатель Адольф Гласбреннер (Glasbrenner, 1810-1876) отмечал, что венцы “вальсируют” от одного развлечения к другому.[167] Вальс – очень австрийское, но отнюдь не локальное явление. Глубинную основу вальса замечательно уловил О.Э. Мандельштам, связавший его с чисто европейским пристрастием “…к повторяющимся колебательным движениям”, с прислушиванием к волне, которое “…пронизывает всю европейскую теорию звука и света, учение о материи, поэзию и музыку.[168]

На рубеже XIX-XX веков вальс и оперетта были наиболее массовыми жанрами музыкальной культуры. Великий публицист Карл Краус (Kraus, 1874-1936) решительно отрицал их. Писатель Г. Брох (Broch, 1886-1951) называл тяготение к оперетте “идиотизмом”. Однако та же самая венская культурная среда порождала совершенно иные явления.

---

[166] Евгения Чигарева. Свет далекой истины // Декабрь 1991 - № 12, с. 21.
[167] Abroad in Austria. Traveller´s Impressions from Five Centuries. / Heinz Lunzer, Victoria Lunzer-Talos. Vienna, 1997, p. 169.
[168] Осип Мандельштам. Разговор о Данте...с. 236.

Творчество великих симфонистов второй половины XIX-го столетия И. Брамса и Г. Малера стало кульминацией позднеромантической культуры. Глубокий психологизм, стремление найти ответы на роковые вопросы бытия, а не уйти, не отвернуться от них, - выявляют еще одну грань австрийской ментальности.

Опера – один из символов Австрии. На галерке специальные места с фонариками отведены для меломанов, слушающих оперу с клавиром в руках. В партере и ложах блещут дамы и господа в вечерних туалетах. Их билет стоит целое состояние. За последними рядами партера и на самом верху располагаются так называемые – Stehplätze (стоячие места), которые доступны практически каждому. Публика в Венской опере артистична, разнообразна, интернациональна. Здесь происходит подлинное общение с искусством.

Вальс как концепт культуры в пьесе Эдена фон Хорвата «Сказки Венского леса»

Наряду с “Итальянской ночью” (Italienische Nacht, 1931) «Сказки Венского леса» (Geschichten aus dem Wiener Wald, 1931) принадлежат к числу наиболее известных и значимых произведений австрийского драматурга и прозаика Эдена фон Хорвата (Ödön von Horváth, 1901 – 1938). Две «пьесы из народной жизни» принесли ему престижную премию им. Клейста (1931)169. Мотивируя присуждение премии Хорвату, драматург Карл Цукмайер отметил точные и лаконичные формулировки, неповторимые диалоги и, главное, умение драматурга точно изображать атмосферу времени170.

Берлинская премьера «Сказок Венского леса» состоялась 2 ноября 1931 года в «Немецком театре». Постановка режиссера Х. Хилперта вызвала бурную и неоднозначную реакцию. «Народная пьеса с двойным дном» – так назвал свою рецензию известный писатель Эрих Кестнер – и пояснил: «Хорват написал венскую народную пьесу против венской народной пьесы». Рецензент верно определил жанр. «Сказки Венского леса» – «антипьеса» по отношению к театральной, бытовой и музыкальной культуре Вены второй половины XIX – первой трети XX столетий. Однако основным объектом анализа оказывается ментальность венских бюргеров – лавочников, отставных военных, гимназистов, авантюристов, игроков, коммерсантов и баронесс, вербующих девушек для «увеселительных заведений».

---

169 Krischke Traugott. Horváth auf der Bühne 1926-1938. Eine Dokumentation. Wien: EDITION S, 1991. S. 138. См.: Mehring Martina. Geschichten aus dem Wienerwald // Hauptwerke der osterreichischen Literatur. Einzeldarstellungen und Interpretationen / Hrsg. und mit einem Essay von Ernst Fischer. München: Kindler Verlag,1997. S.324.

170 Цит. по: Krischke Traugott. Odön von Horváth und seine „Geschichten aus dem Wiener Wald“ – Beiträge zu Biographie und Werk // Horváths Geschichten aus dem Wiener Wald. suhrkamp taschenbuch materialien. / Hrsg. von Traugott Krischke. Fr. a. M.: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1983. S. 37.

«Сказки Венского леса» – «центральное» произведение австрийского автора. Создавая “Volksstück”, народную пьесу, Хорват отправляет зрителя и читателя к традиции венского народного театра, представленной именами Иоганна Нестроя (1801-1862) и Фердинанда Раймунда (1790-1836). Драматург предлагает современную транскрипцию жанра, «продолжая» его171.

Если для пьес Раймунда и Нестроя было характерно использование диалекта, то Хорват отказывается от него. Связанный с почвой, природой и «местным колоритом», диалект вводит зрителя в знакомый и родной круг. В «Сказках венского леса» клише и китч подменяют природу, почву и диалект. Вместо диалекта Хорват использует жаргон полуобразованных бюргеров (Bildungsjargon), представляющий собой серию словесных и мировоззренческих цитат. Примером такого рода является сравнение венской оперетты с «Братьями Карамазовыми» Достоевского172. Однако основной цитатный ряд в пьесе связан с вальсами Штрауса.

Персонажи Хорвата постоянно цитируют Гете и других классиков, напоминая «просвещенных» театральных зрителей из комедии Л. Тика «Кот в сапогах» (1797). Примечательно, что в обеих пьесах стилизация, пародия и сатира образуют неразрывное целое. Однако в отличие от комедии Тика в пьесу Хорвата входит подлинный драматизм.

Глубинная тема пьесы – кризис австрийской (венской) культуры накануне «аншлюса» 1938 года. Один из персонажей пьесы, владелец лавки игрушек по имени Цауберкениг (волшебный король), говорит, что «все расшаталось – так и ходит ходуном. Как перед потопом…» (219). В мире Хорвата царствуют девальвация и инфляция. Вместе с денежной массой обесцениваются и человеческие отношения. Возникает особый тип «дружески деловых отношений» (freundschaftlich-geschäftliche Beziehungen). Атмосфера эпохи рождает китч. В сферу китча втягиваются разные жанры и формы культуры. Однако главным объектом иронии Хорвата становится «венский вальс».

Вальс – один из заметных концептов европейской и австрийской (венской) культуры. Танец «вальс» известен с XVIII века. Суть вальса заключается во вращении. Внутренняя форма слова прозрачна: “Walzer” происходит от “Walze” (mhd. *Walze*, ahd. *Walza*). В целом следует говорить

171 Цит. по: Francois Jean-Claude. Komische Elemente in den Dramen Ödön von Horváths // Komik in der österreichischen Literatur / Hrsg. v. Wendelin Schmidt-Dengler, Johann Sonnleitner und Klaus Zeyringer. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1996. S. 216.

172 Сравнение принадлежит Эриху, туповатому студенту из прусского Касселя. Он расхаживает с «полевой сумкой и флягой на ремне», восклицает «Хайль!» и считает роман «Братья Карамазовы» «искусством». Хорват чутко улавливает атмосферу времени. Манипулируя творчеством Достоевского, фашистские идеологи пытались выдать русского писателя за одного из своих предшественников. Близость устанавливалась по линии иррационализма. См.: Хорват Эден фон. Сказки Венского леса. Народная пьеса в трех частях // Хорват Эден фон. Пьесы / Сост. Ю.И. Архипова. М.: Искусство, 1980. С. 212. Пьеса «Сказки Венского леса» цитируется в переводе Ю.И. Архипова. В дальнейшем страницы по этому изданию указываются прямо в тексте.

о семантике “кольца” (Ring) и “вращения”173. Если с понятийной точки зрения «вальс» соотносится с тремя основными предметными сферами («музыка», «развлечения» / удовольствия», «танец»)174, то в качестве концепта культуры он связан с разнообразными смыслами. Глубинную основу вальса замечательно уловил О.Э. Мандельштам, связавший его с чисто европейским пристрастием «…к повторяющимся колебательным движениям», с прислушиванием к волне, которое «…пронизывает всю европейскую теорию звука и света, учение о материи, поэзию и музыку175. Вальс связан и с «волнообразностью» европейской истории. На рубеже XVIII-XIX веков в нем ощущался импульс, восходящий к Великой Французской буржуазной революции. Марсель Прави подчеркивал, что тогда это был «…самый демократичный танец», снимавший сословные различия. Пары стремительно вращались, отменяя правила хореографического этикета. Господин танцевал со служанкой, служанка с господином176.

Вальс с течением времени менялся. Так, например, в XVIII веке его танцевали медленнее, чем в XIX177. Вальс выражает ностальгию, «чисто венское смешение безудержного веселья с глубокой грустью». Американский историк культуры У. Джонстон замечательно назвал этот танец «гимном стремительному скольжению» (eine Hymne des Gleitens)178.

Воспринимая скольжение как «скольжение по поверхности», драматург Э. фон Хорват переворачивает концепт. Вместо стремительного вращения появляется бессмысленная рутина. Структурной основой пьесы драматург делает «вальсовость»179. В орбиту вальса втягиваются сюжет, композиция, персонажи, сценическая атмосфера и речь180.

Пьеса австрийского драматурга Эдена фон Хорвата «Сказки Венского леса», названная как и знаменитый вальс И. Штрауса сына, содержит в себе целый ряд «прецедентных» текстов и микротекстов австрийской культуры XIX-XX веков181. Самый значимый из них – название пьесы. Отметим, что русский перевод названия невольно

---

173 Kluge Friedrich. Etymologisches Wörterbuch. 22 Auflage. Unter Mithilfe von Max Bürgisser und Bernd Gregor völlig neu bearbeitet von Elmar Seebold. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1989. S. 776.

174 Dornseiff Franz. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 7 unveränderte Auflage. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1970. S. 423; 426; 899.

175 Мандельштам Осип. Разговор о Данте // Сочинения: В 2Т.: Т.2. / Сост. С.С. Аверинцева и П.М. Нерлера. М.: Художественная литература, 1990. С. 236.

176 Prawy Marcel. Johann Strauss. Wien: Ueberreuter, 1991. S. 116.

177 Hirsch Ferdinand. Das große Wörterbuch der Musik. Berlin: Florian Noetzel Verlag, o. J. S. 519.

178 Johnston William M. Österreichische Kultur-und-Geistesgeschichte. Gesellschaft und Ideen im Donauraum 1848 bis 1938. Wien-Köln-Graz: Hermann Böhlaus Nachf.,1974. S. 139. См. также: Pahlen Kurt. Die große Geschichte der Musik / In Zusammenarbeit mit Rosmarie König. München: Cormoran, 2000. S.470.

179 Музыкальный энциклопедический словарь / Глав. Ред. Г.В. Келдыш. М.: Советская Энциклопедия, 1991. С. 94.

180 Glaser Hermann. Ab mit ihr Ehe die toten Seelen töteten. Zur deutschen “Spießer-Ideologie” // Horváths Geschichten aus dem Wiener Wald… S. 79-80.

181 Слышкин Г.Г. От текста к символу. М.: Academia, 2000. С. 27.

искажает смысл оригинала. Верно, что знаменитый вальс (1868) Иоганна Штрауса сына (Johann Strauss Sohn, 1825-1899) вошел в русскую культуру под названием «Сказки Венского леса». Однако в оригинале он называется иначе – “G´schichten aus dem Wienerwald” (буквально – “Истории Венского леса”). Превращая название вальса в название пьесы, Хорват допускает существенные отклонения. Если у «короля вальсов» opus 325 носит название “*G´schichten* aus dem *Wienerwald*”, то австрийский драматург копирует его не вполне точно – “*Geschichten* aus dem *Wiener Wald*” (курсив мой – В.З.). В слове “G´schichten” у Штрауса присутствует стяжение, что придает ему разговорный и диалектный характер. Хорват это стяжение опускает. У него – “G*e*schichten”. Кроме того, словосочетание «Венский лес» (Wiener Wald) у Хорвата написано раздельно. У Штрауса же иначе – “Wienerwald”. На фоне версии Штрауса литературный, правильный вариант воспринимается как отклонение от нормы. Возникает переворачивание, отчуждение182. «Свое» превращается в «чужое».

Если проводить аналогии между лингвистическими и музыкальными формами, то диалектному слову “*G´schichten*” будет соответствовать медленный сельский танец лендлер, из которого рождается “венский вальс”. В «Сказках Венского леса» И. Штраус «играет» с этим танцем, часто цитирует его. Сельскую, почвенную, исконно «диалектную» семантику в пьесе Хорвата выражает бабушка, играющая на цитре.

> Действие первой части пьесы происходит в сказочно красивой местности Вахау, где «протекает прекрасный голубой Дунай» (195). Первая ремарка сразу вводит акустический ряд. В воздухе слышны «…щебет и звон, словно доносятся отзвуки вальса «Сказки Венского леса» (195). В последней ремарке также появляется упоминание о вальсе «Сказки Венского леса». Звучание музыки усиливается и ослабевает, обрывается и возникает вновь. Музыкальный фон не просто настраивает читателя или зрителя на восприятие предстоящих событий, он их моделирует, формирует. Функция музыки в пьесе Хорвата напоминает использование музыки в звуковом кино.
>
> Под звуки вальса на сцене появляется Альфред, молодой человек без определенных занятий. Он приехал в Вахау, чтобы навестить мать и бабушку. Бабушке в будущем месяце исполняется восемьдесят лет. Несмотря на «библейский возраст» она пытается навязать свою волю дочери и внуку. Альфред поддерживает «дружески деловые» отношения с владелицей табачной лавки по имени Валерия, «пожилой дамой» средних лет. Валерия понимает, что Альфред при всяком удобном случае обманывает ее. Однако Альфред угрызений совести не

182 Премьера «Сказок Венского леса» в Вене состоялась в Volkstheater 1. 12. 1948. Режиссер Х. Юнгбауэр использовал название “G´schichten aus dem Wiener Wald”, явственно игнорируя авторскую волю. См.: Lechner Wolfgang. Mechanismen der Literaturrezeption in Österreich am Beispiel Ödön von Horváths. Stuttgart: Akademischer Verlag Hans-Dieter Heinz, 1978. S. 51-52.

испытывает, поскольку убежден, что добиться успеха в жизни может лишь тот, кто умеет «…работать чужими руками» (196). Действие пьесы перекидывается в тихие улочки Вены. Приближается помолвка хозяина мясной лавки Оскара с Марианной, дочерью владельца лавки игрушек. Поведение героини вызывает ассоциации с «ключевыми словами» немецкого воспитательного романа. Поначалу она исходит из того, что людей можно изменить, сделать лучше. Жених Марианны также цитирует Гете и других классиков. Он владеет джиу-джитсу, показывая свое умение на невесте. Оскар ловко закалывает свиней. Целуя невесту, жених всякий раз кусает ее. Явленная в образе Оскара китчевая стилистика, состоит в сочетании несочетаемого. Китч не нуждается в том, чтобы соседние элементы тяготели друг к другу. Он снимает смысловое «избирательное сродство».

Под звуки вальса «Благоуханная ночь» К.М. Цирера (Ziehrer, 1843-1922) Альфред знакомится с Марианной. В этот момент она наводит порядок в витрине, – причем особенно долго «возится со скелетом» (209). Скелет как символ смерти и звуки вальса – сочетание типично венское183.

Помолвку Марианны и Оскара празднуют на «берегу прекрасного голубого Дуная». Одна из тетушек заводит дорожный граммофон: звучит Пуччини, свадебный марш и вальс «Голубой Дунай». Под звуки вальса Марианна отказывается идти замуж за Оскара. Она понимает, что любит Альфреда. Героиня не хочет думать о приличиях и нормах. Марианне не нравится цивилизация, мешающая человеку видеть природу (223). Помолвка расстраивается самым скандальным образом. Альфред предупреждает Марианну, что она должна любить его «разумной любовью» (224).

Брошенный жених Оскар действует в соответствии с моделью, в которой смешиваются черты благородного романтического героя и садиста: «Я буду любить тебя по-прежнему, и я знаю, что ты не уйдешь от меня… И я благодарю тебя за все» (226). Отец Марианны Цауберкениг отказывается от своей дочери. Марианна, в свою очередь, пытается отучить Альфреда от вредных привычек. Он становится продавцом косметики и больше не играет на лошадиных бегах. Альфред убеждает Марианну сделать аборт, однако на свет появляется маленький Леопольд. Альфред и Марианна остаются без средств к существованию. Маленького Леопольда отвозят в Вахау, к бабушке и матери Альфреда. Бабушка выставляет кроватку с Леопольдом на сквозняк, пытаясь избавиться от «ублюдка». Альфред фактически сдает Марианну в аренду некой баронессе, которая набирает девушек для работы в увеселительных

183 См.: Johnston William M. Österreichische Kultur-und-Geistesgeschichte. Gesellschaft und Ideen im Donauraum 1848 bis 1938. Wien-Köln-Graz: Hermann Böhlaus Nachf.,1974. S. 139.

заведениях. В варьете «Максим» девушки выступают под звуки вальса «Венская кровь» Иоганна Штрауса… (259). А когда оркестр начинает исполнять вальс «Голубой Дунай», в зале гаснет свет. Занавес поднимается, открывая трех полуобнаженных девушек с русалочьими хвостами» (261). Ирония Хорвата очевидна. Вальс «На прекрасном голубом Дунае» (An der schönen blauen Donau, op. 314) был написан в 1866 году, после поражения Австрии от Пруссии под Садовой (1866). Прославляя красоту родной природы, «прекрасный голубой Дунай», Штраус укрепляет национальный дух. Вслед за Штраусом Дунай изображает и его современник, художник Йозеф Хофманн (Josef Hoffmann). На его полотне (1870) отчетливо видны прелестные повороты и “вальсовые” изгибы течения реки184. Со временем вальс Штрауса стал восприниматься как неофициальный национальный гимн185. На этот ряд географических, исторических, живописных и музыкальных ассоциаций, формирующих концепты национальной культуры, и посягает драматург Хорват.

Исполнение «гимна» переносится в варьете. Затем на сцене появляется полностью обнаженная Марианна, балансирующая на золотом шаре. Эта «живая картина», сопровождаемая «Грезами» Шумана, называется «Счастье». Лишенная всяких средств к существованию, Марианна пытается украсть у одного из клиентов сто шиллингов. Полицейские отводят ее в тюрьму. Клиент – мистер из далекой Америки, «селфмейдмэн», типичный американец. Однако он родом из Вены, он вернулся, поскольку внутри у него стучит «…старое, доброе, верное, золотое венское сердце, вечная Вена… И Вахау» (256). Альфред возвращается к Валерии. Под влиянием Валерии отец Марианны прощает дочь. Марианну осуждают условно, и вскоре она оказывается на свободе. Владелец мясной лавки Оскар вновь готов взять Марианну в жены. И только ребенок мешает ему.

В финале местом действия вновь становится сельская местность Вахау, где живут мать Альфреда и его бабушка. Отметим, что «бабушка» – еще один концепт австрийской и европейской культуры, окруженный ореолом разных ассоциаций. Очень близок к нему концепт «кормилица»186. В «ядре» концепта очевидные смыслы: «хранительница родовых традиций», «домашнего очага» (Erweckerin und Hüterin des

184 Prawy Marcel. Johann Strauss. Wien: Ueberreuter, 1991. S. 99.

185 Mailer Franz. Johann Strauß. Kommentiertes Werkverzeichnis.Wien:Pichler Verlag, 1999. S. 17-18.

186 Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общей редакцией доктора филологических наук, профессора В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267-279. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность…С. 280-287. Степанов Ю.С. Концепт // Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Издание 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. Неретина С.С. Тропы и концепты. М., 1999. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Воронежский ГУ, 1999. Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001.

Feuers)187, «воплощение мудрости и доброты», «защитница», полная жертвенной любви к внукам. Достаточно указать, например, на роман Ф. Верфеля (1890-1945) «Барбара или благоговение» (Barbara oder die Frömmigkeit, 1928-1929) или «Бабушку» (Babička, 1855) чешской писательницы Божены Немцовой (1820-1862). Связанные единством темы, эти произведения оказали заметное воздействие на австрийскую литературу. Если бабушка Б. Немцовой называет внуков «голубками», «золотком», сразу же завоевывая их любовь188, то в пьесе Хорвата бабушка убивает маленького Леопольда. Совершив убийство, она диктует следующее письмо: «Всемогущий бог пожелал, чтобы у Марианны не было ребенка». Пытаясь убить бабушку, Марианна хватается за цитру. На цитре бабушка играет вальсы и австрийские марши.

Цитра – также один из концептов культуры, глубоко укорененный в сознании австрийцев. Об этом «музыкальном инструменте горцев» идет, например, речь в классическом воспитательном романе А. Штифтера (1805-1868) «Бабье лето» (Der Nachsommer, 1857). Главный герой Генрих «вдоволь наслушался» звуков цитры. Он тотчас способен определить – «…играют ли на одной и той же цитре или на разных и одними и теми же или разными руками». На «звуки и модуляции» цитры он старается «настроить свой слух»189.

Героиня Хорвата пытается убить «бабушку» «цитрой». Концепт наслаивается на концепт. Драматург сознательно манипулирует сериями ассоциаций, сталкивая их друг с другом. В результате происходит деформация «своего», «узнаваемого», «родного».

Бабушку Марианне убить не удается. Ее останавливает Оскар. Жених утешает Марианну: «Бог дал, бог взял». Однако Марианна не соглашается, что «Бог – это любовь». Она говорит, что Бог «бьет ее, как собаку». Финальная реплика Марианны – «Не могу больше. Не могу больше…» – окончательно переводит пьесу из комедийного в трагедийный план (283).

Далее вновь начинается театр марионеток. Оскар целует Марианну и уводит ее собой. Бабушка играет на цитре вальс «Сказки Венского леса» (283). Круг замыкается. Перекликаясь с первой, последняя ремарка пьесы звучит так: «А в воздухе гомон и гул, как будто небесный струнный оркестр играет «Сказки Венского леса» Иоганна Штрауса» (283).

Пьеса Хорвата построена по принципу рондо. Первая и последняя ремарки перекликаются друг с другом, а между ними, подобно рефрену, повторяются узнаваемые цитаты190. Пьеса движется по замкнутому кругу.

187 Werfel Franz. Barbara oder die Frömmigkeit. Berlin-Wien-Leipzig: Paul Zsolnay Verlag, 1933. S.41.
188 Němcová Božena. Die Grossmutter. Eine Erzählung aus dem alten Böhmen / Übersetzung und Nachwort von Hanna und Peter Demetz. Zürich: Manesse Verlag, 1959. S. 9; 11.
189 Штифтер Адальберт. Бабье лето / Пер. с нем. С. Апта. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 201-202.
190 Baumgartner Wilhelm Martin. Lied und Musik in den Volksstücken Ödön von Horváths // Horváths Stücke… S. 164.

Вальс у Хорвата фиксирует сочетание музыки и мещанского быта. Так, в одной из ремарок (вторая сцена) упомянут Оскар в белом фартуке, стоящий в дверях своей лавки. Он «…чистит ногти перочинным ножичком» и прислушивается к звукам музыки, которые доносятся со второго этажа. Там «на раздрызганном пианино» «…кто-то играет «Сказки Венского леса» Иоганна Штрауса» (201). Вальс звучит и тогда, когда Гавличек, помощник Оскара, «гигант с ручищами в крови», ругает одиннадцатилетнюю гимназистку Иду. Ида осмелилась заявить, что его «кровяная колбаса стала хуже…» (202). Появляется ротмистр, здоровается с Оскаром и Гавличеком – «в этот момент вальс кончается» (202). Детали низкого быта повторяются, втягиваясь в вальсовое кружение. Примечателен единый ряд, состоящий из ногтей, кровяной колбасы и «Сказок Венского леса». Исполняемый на «раздрызганном пианино», вальс становится смысловым аналогом «нежной» и «поэтической» кровяной колбасы. Вальс указывает на механическую повторяемость бытовых действий. Так, вальс продолжается, пока ротмистр смотрит тиражную таблицу, а затем – «…внезапно, посреди такта», музыка «обрывается» (203). Марианна наводит порядок в лавке игрушек. Девушка прибирается в витрине рядом с выставленным там скелетом. Неожиданно Марианна замечает Альфреда. Происходит обмен улыбками и поклонами. Затем она внезапно чего-то пугается, задергивает занавес перед витриной. В этот момент «вальс снова обрывается посреди такта». Альфред замечает Валерию» (209).Обрыв вальса «посреди такта» подчеркивает автоматизм персонажей-марионеток. Диалоги персонажей двуплановы: люди и куклы предстают во взаимной соотнесенности. Валерия спрашивает Альфреда: «А что это мы потеряли среди игрушек?». Альфред отвечает: «Хотел купить себе куклу» (209). Вскоре выяснится, что этой куклой окажется Марианна. В пьесе возникает единый смысловой ряд: персонажи – игрушки – вальс – китч. В сходное соотношение с вальсом вступает и природа. Вальс И. Штрауса – «На прекрасном голубом Дунае» – накладывается на природный Дунай. Вальс втягивает Дунай в свое пространство. Артефакт у Хорвата поглощает природный феномен. В начале второй части дана следующая ремарка: «Снова тихая улочка в восьмом квартале – перед мясной лавкой Оскара, лавкой игрушек и табачной лавкой госпожи Валерии. Солнце светит, как в прошлый раз и, как всегда, гимназистка со второго этажа играет «Сказки Венского леса» Иоганна Штрауса». Очевидно, что природа также участвует в вальсовом кружении и повторе («Солнце светит, как в прошлый раз…»). В пьесе Хорвата вальс открывается как непрерывное «пережевывание», дурной повтор. В полной мере семантика вальса как семантика рутины и бессмысленного повтора раскрывается в двух диалогах о подтяжках. Сначала на Марианну кричит ее отец:

Цауберкениг. <…> Марианна, в последний раз – где мои подтяжки?

Марианна. Там, где и всегда.

Ц. Это что за ответ, а? Что за тон! Мило! Родному отцу! Там, где всегда, их нет.

М. Ну, значит, в комоде.

Ц. И там нет.

М. Значит, на ночном горшке.

Ц. И там нет.

М. Значит, на твоих подштанниках.

Ц. И там нет.

М. Ну, тогда не знаю.

Ц. Спрашиваю тебя в последний раз – где мои подтяжки?

М. Что я, гадалка, что ли?

Ц. (кричит на нее). Не могу же я со спущенными штанами идти на погребальную мессу! Только из-за того, что ты не следишь за моим гардеробом! Немедленно поднимайся и ищи сама! Но чтобы avanti, avanti!

Марианна исчезает в лавке. Вновь раздается вальс «Дунайские волны». Цауберкениг прислушивается (205). Во второй части этот обмен репликами повторяется между Марианной и Альфредом, причем последний ведет себя «в точности как отец…» (231). Здесь «вальсирует» диалог. В пьесе Хорвата диалоги предстают как повторяющиеся «цепочки», напоминая «цепочки вальсов» в симфонических вальсах Штрауса.

Вальс объединяет эротику, гастрономический и животный ряд, гипнотизируя, навязывая китчевые модели поведения. Он давно уже перешел в подсознание. Вальс безотчетно напевают191. Так, например, «Валерия напевает вальсовую мелодию и снимает блузку» (218). В ритме вальса движется история. Уже приводилась характеристика, которую Цауберкениг дает эпохе: «Все расшаталось – так и ходит ходуном. Как перед потопом…» (219). «Ходит ходуном» – формула вальса и вальсовости как таковой.

Последняя ремарка вводится так: «В воздухе гомон и гул, как будто небесный струнный оркестр играет «Сказки Венского леса» Иоганна Штрауса»(283). В финале даже Бог вовлечен в вальсовое пространство.

191 Интересно, что в «Словаре разговорного языка» Х. Кюппера слово «вальс» означает «бродяга». «Вальсировать на колесах» (Walzer fahren) – потерять контроль над автомобилем, а словосочетание «nervöser Walzer” (нервный вальс) расшифровывается как «Венский вальс». См.: Küpper Heinz. Wörterbuch der deutschen Umgangsspraqche. Stuttgart: Klett, 1990. S. 902.

Эту мысль замечательно иллюстрирует последняя сцена оперы Миро Беламарича (Miro Belamarić) «Сказки Венского леса» (1984 - 1992, op. 15). После обращенной к Марианне реплики Оскара – «…от моей любви ты не уйдешь» (…du wirst meiner Liebe nicht entgehen…) – Оскар вальсирует с потерявшей сознание Марианной. Вальс окончательно открывается как насилие.

Изображая кризисную, предфашистскую эпоху, Хорват подает вальс как один из ключевых концептов современной ему культуры. Этот танец символически втягивает в свое вращение быт, бытие, природу, социум и отдельного человека. В «Сказках Венского леса» «вальсовость» открывается как скольжение и рутина, как полное отчуждение «родного» и «своего».

«Диалогизм», «вникание», «вчувствование», «легкость», «самоирония», «музыкальность» не принадлежат одной только австрийской культуре. Однако специфичны и уникальны собственно способы выражения этого концепта, его синонимы, цепочки связанных с ним ассоциаций. И еще один вывод представляется очень важным. При всех отличиях русской и австрийской концептосфер у них есть и область взаимного притяжения - открытость и способность к диалогу.

Французское

Франция (La France) - страна в Западной Европе, занимающая 551602 кв. км. Кроме европейской части Франции принадлежат заморские департаменты и территории. Население Франции - 56614 тысяч в метрополии и около 60 миллионов с заморскими территориями. Занимая по площади 47 место в мире и менее четырех процентов суши, а по населению лишь один процент человечества, Франция традиционно считается одной из главных стран Европы и всего цивилизованного мира. Французский язык - один из шести официальных языков Организации объединенных наций и один из двух ее рабочих языков. И хотя сегодня трудно без колебаний назвать Францию “мировой державой”, и генетически, исторически и актуально-политически страна традиционно является одним из оплотов демократии и свободы.

Франция названа по имени народа франков (les Francs), населявшего земли от Рейна до Атлантики. Завоевав римскую провинцию Галлию, франки образовали в 500 году королевство тех, кто живет к западу от Рейна – “Francs orientaux”.

В генезисе концепта наличествует круг, в котором присутствуют понятия: 1) вольный, свободный, живущий по собственному праву (в противовес рабам); 2) прямой, ясный, откровенный (в противовес вынужденной хитрости и путаности зависимого человека). Эти свойства –

свободолюбие и ясность французы на протяжении столетий называют отличительными свойствами французского культурного мира. Концепт “французское” существует также и в синонимах, отражающих его разные стороны: “Франк” – общее название европейца на востоке. Франкированный город – свободная экономическая зона. В обиходной речи – “это не по-французски” (cela n’est pas francais) – сказано неясно.

Французский культурный мир достаточно цельный, хотя французы не составляют чистой расы. На землях Франции смешивались кельты, римляне, германцы. И хотя сегодня 90% населения говорит на национальном французском языке, в провинциях также звучит эльзасская, баскская, бретонская, каталонская, фламандская, гасконская, корсиканская речь. Антропологический портрет нации сегодня еще более нечеток. Постоянный приток в страну жителей заморских территорий, арабов, эмигрантов из Азии и Восточной Европы, рождает сложные демографические проблемы, хотя не подрывает значимости французского языка и не разрушает основ французской культуры.

Франция являет собой один из классических примеров европейского единства в разнообразии. Даже географически это чрезвычайно компактная, естественно ограниченная страна, отделенная от соседей водами и горами. По своей конфигурации французская земля является идеальной территорией – это почти квадрат, с горами по границам. В стране нет необходимости в окольных железных и шоссейных дорогах, нет и чрезмерных расстояний. Здесь влюбленному нет нужды петь о том, что “верному сердцу / восемь тысяч километров пустяки”. В глухих степях здесь никогда не замерзали ямщики, как в России, где до сих пор на свадьбу или на похороны родственника часто можно добраться только самолетом. Во Франции самые лучшие в мире скоростные поезда и скоростные автобусы, которые пересекают страну из конца в конец за короткие часы.

Франция - единственное западноевропейское государство, открытое северным и южным морям, страна - перекресток торговых путей, срединная земля, счастливо обладающая плодородными почвами, умеренным климатом, компактно проживающим населением (104 жителя на кв. км.) Природный фактор французской культуры чрезвычайно благоприятен. Он оказывал и продолжает оказывать влияние на экономику, политику, историю страны. "Прекрасная, милая Франция" (La belle, la douce France) называет ее автор древней эпической "Песни о Роланде".

И при всей трагичности французской истории, изобилующей, как все истории, катастрофами, эпидемиями, войнами и революциями, ее столь дорого оплаченные шаги к прогрессу нельзя оценить негативно. Римские завоевания принесли на земли кельтов, галлов и франков высокую культуру земледелия и градостроительства.

Империя Карла Великого (800), а затем Верденский договор (843), зафиксировавший границы Francia Occidentalis, – это те исторические этапы, которые закрепили традиции христианского феодального государства. Наличие сильного рыцарского сословия не только тормозило централизацию страны, но вносило в ее культуру особые черты – примеры героического служения, чести, независимости, "куртуазности", что проявилось и в крестовых походах, и в Столетней войне с англичанами (1337-1453), и в более поздних войнах. С другой стороны, расцвет ремесел и раннее развитие городов-коммун, администрацию которых были вынуждены признавать высшие церковные и светские власти, способствовали формированию французских национальных концептов, отражающих чувства независимости, самоуважения и внутреннего достоинства человека.

Городские коммуны и Генеральные Штаты, высшее сословно-представительское учреждение во Франции, сложившееся в начале XIV века не только из депутатов дворянства и духовенства, но и третьего сословия, преимущественно городской буржуазии, сыграли в истории страны огромную роль: стали гарантами республиканских свобод - концепта, эволюционирующего во времени, но не теряющего постоянный смысл.

Через народные восстания, революции, многочисленные реформы и смены режимов в национальном сознании сохраняются оценки действительности, эмоции, моральные ценности, закрепленные в концептах. Они "работают" и в историческом прошлом, и в сегодняшней жизни. Шарля де Голля сравнивали с Жанной д’Арк. Деятельность Вольтера и просветителей, подготовивших умы для Великой буржуазной революции, не осталась лишь фактом истории культуры, они продолжают оказывать виляние на то, что французы называют духом критицизма. Понятно, что при беглом обзоре исторических факторов невозможно назвать все источники, из которых проистекает мощная струя французской цивилизации. Религиозные войны католиков и протестантов, мудрая политика короля Генриха IV, подписавшего эдикт о веротерпимости, установление абсолютизма с помощью хитрого и проницательного кардинала Ришелье, власть “короля-солнце” Людовика XIV, отождествившего себя с Францией (“Государство – это я”), события якобинской диктатуры, величие и падение Наполеона Бонапарта, Франко-прусская война и позорное поражение под Седаном (Седанская катастрофа), Народный фронт 30-х годов XX века и героическое сопротивление в период второй мировой войны – суть исторические константы, явленные через имена, места действия, события: Лютеция, Париж, Версаль – не единственно обозначения подмостков истории. Жанна д’Арк, Наполеон, де Голль…, 843, 1789, 1870, 1914, 1945… - знаки, символы, ключевые понятия и эмоциональные переживания национальной

судьбы, французской культуры. В словесном, вербальном выражении каждый из них может быть представлен широко, объемно, в контексте своего времени или сегодняшней современности. Вербальные французские концепты присутствуют в национальном языке. Как трагедию рассматривают сегодня французы все большее отставание его от английского (особенно в американском варианте). В качестве компенсации в последнее десятилетие возникло понятие “франкофония”. Слово, придуманное и введенное в словарь в XIX веке географом Реклю, вошло в обиход в 1962 году, когда при Французском министерстве иностранных дел был открыт особый отдел, и за рубежом начали создаваться французские культурные центры. Понятие франкофония обрело новый смысл и стало концептом, окруженным экономическим, политическим и культурным ареалом.

Но французский концепт живет не только в слове. Он обозначен на полотнах художников вроде парадных портретов Наполеона, написанных Давидом. Он прозвучит мелодией революционной Марсельезы. Красный фригийский колпак – знак революции, но и традиции идеи свободы, полученной в наследство от античности. Версаль – город и парк неподалеку от Парижа и обозначение изысканности поведения, и лицемерия, и непомерных претензий…

Исторические опоры (так же как и природные и этнографические) в очерчивании национальной концептосферы не могут дать сколько-нибудь полной характеристики культурного мира Франции. Однако есть и некие общие признаки французского культурного мира. Сами французы среди них охотно называют способность к восприятию чужой культуры, динамизм, подвижность, тяготение к обновлению, а также упорядоченность и ясность. Трудно утверждать с непреложностью, что эти свойства французского культурного мира суть его незыблемые основы. Но некие соотношения с национальным характером в них просматриваются, в частности в присутствии национальных французских концептов в том, что французы называют “своим”.

Набор концептов никем не установлен и не может быть установлен с определенностью. Можно назвать десятки и сотни концептов в зависимости от отправителя и получателя. Столь же неоднозначен их сравнительный объем. Они отличаются по “возрасту”, долготе бытования, могут быть обозначены словом или набором слов, но могут иметь и невербальную форму. Закрепленные в национальной культуре, они являются константами.

Именно такие концепты-константы обозначают ту зыбкую, но и бесспорно существующую реальность, которую мы называем национальным культурным миром или национальной концептосферой. В этом разделе мы выделяем лишь ее малую, притом вербальную часть – десять концептов-констант. Их выбор, как и порядок по значимости,

осуществлен французскими профессорами парижских университетов и затем уточнен в словарях и трудах ученых разных специальностей[192].

Первым французы единодушно называют 1) **Дух критицизма** (ésprit critique).

Слово ésprit (лат. spiritus) – дух, дыхание на протяжении веков во французской культуре означало: 1) часть человеческого существа в противовес плоти; 2) нематериальное существо, часть Божественной Троицы – Святой Дух; 3) принцип психической, интеллектуальной жизни; 4) область идей, духовное наследие; 5) особый характер мировоззрения – ésprit critique.

Первые четыре из названных значений отражают универсалии, присущие многим народам. В роли французского концепта выступает ésprit critique. Именно он, по мнению русского историка Б.Н. Чичерина, в наибольшей мере отражает “свойства французского ума, ясного, точного, положительного, склонного скорее ограничиться тесным объемом, нежели вдаваться в туманные отвлеченности, но который все обобщает, все делает доступным самому простому пониманию…, сила сарказма против старого и этот неотразимый смех, составляющих национальную принадлежность французов,…”[193] Слова эти принадлежат профессору Петербургского университета, написавшему их полтора столетия назад; но и сегодня словарь фиксирует “принцип критического мышления, побуждающего человека к разумной активности”. Ибо как писал Вольтер корреспонденту в 1760 году: “Les beaux ésprits se rencontrent”. Показательно, что словарь синонимов включает в раздел “ум” ésprit как концепт.[194] Смысл ésprit critique включает рационализм, критицизм, радость жизни, сложившиеся при формировании французской нации. С понятием рационального духа связано во французском языке “позитивный дух”, выражение введенное О. Контом для обозначения научного знания. “Ésprit” – название журнала французских персоналистов, основанного Мунье, “Ésprit nouveau” – журнал, основанный архитектором Ле Корбюзье и художником Озенфаном. Это же имя носил павильон на международной выставке декоративного искусства в Париже.

Понятие рационального и сегодня во многом определяет сущность духовной культуры во Франции. Уже Пьер Абеляр (1079-1142), преподававший философию и теологию в Париже, учил, что религиозная

---

[192] Boussinot R. Dictionnaire de synonymes, analogies et antonymes. Bordas, 1981; Bernet Ch. Dictionnaire du français parlé. Seuil, 1989; Dictionnaire d’aujourd’hui Le Robert. / Sous la rédaction d’Alain Rey. P., 1992. Dictionnaire du Français contemporain. (Par R. Lagone). P., 1971. Grand Larousse de la langue française en sept volumes. / Sous la direction de Louis Gilbert, René Lagard, Georges Niobey). Thrésor de la langue française. V. I-XVI. P., Gallimard. 1971-1994. Французско-русский словарь по лексиконам Закса и Виллата, Ларусса и др. / Сост. А. Редкин. Спб. 1906. Dictionnaire de la communication. / P. Arman. P. 1991. Dictionnaire critique de la communication / L. Sfez. Presse universitaire, 1993.

[193] Б. Чичерин. Очерки Англии и Франции. М., 1858, с. 274.

[194] R.Boussinot. Dictionnaire de synonymes, analogies et antonymes. Bordas, 1981.

вера должна находится в зависимости от разумных оснований. В трактате “Да и нет” он говорил о необходимости подвергать критическому анализу даже признанные авторитеты. Мишель де Монтень (1533-1592), автор одной из самых удивительных книг во французской философии и литературе, подлинном кладезе национального духа, исполненном по словам Ги де Мопассана “старого здравого смысла и старинной мудрости”, закладывает основы европейского рационализма. Ésprit critique исповедуется во Франции не только и даже не столько философами. Как все национальные константы, он коренится в самой гуще народной жизни, его корни уходят в историю развития средневековых городов, в разумную жесткость цехового уклада, в следование добродетелям того “мелкого” люда, которого во Франции именовали “буржуа” - ремесленников, ткачей, оружейников, каменщиков, красильщиков, столяров, плотников, мясников, торговцев, всех тех, кого в России называли мещанами, позабыв за презрительно-негативным словом “мещанство” о наличии мещанских добродетелей. В России концепт “дух критицизма” не вошел в константы культуры. У нас нет Монтеня, нет и “Романа о Лисе”, в котором главный герой - буржуа побеждает чванливого синьора не силой и не благодаря счастливому случаю, как в русском фольклоре, а благодаря продуманному расчету, хитрости, критическому уму.

2. **Свободолюбие** (liberté) (лат. libertatem) – имеет в словарях ряд значений. 1) Свобода воли. Ситуация, в которой находится личность, не пребывающая в зависимости от кого- или чего-либо; 2) политическая и религиозная свобода; 3) у римлян богиня свободы; 4) простор, незакрытость (liberté de ventre); 5) физическая свобода, простор для движений; 6) центральное понятие философии, феноменологии, персонализма, экзистенциализма. В ассоциативно-вербальной сети концепт фигурирует во многих выражениях – donner sa liberté à un esclave (освободить от рабства), ta liberté s’arrête la où celle des autres commence (твоя свобода кончается там, где начинается свобода других), garder sa liberté (хранить свободу), liberte d’ésprit, de pensée, d’action (свобода духа, мысли, действия) и т.д. Во французскую культуру концепт входит не только в вербальной форме. Из древней Греции пришел образ незапряженной лошади, из Рима – гордой женщины, из революционной символики – женщины во фригийском колпаке. Среди многочисленных статуй свободы одна из самых известных (скульптор Бартольди) стоит над Сеной и в увеличенном варианте была подарена Америке, возвышаясь в Нью-Йорке над морем на 93 метра.

В современной Франции концепт “свобода”, помимо общечеловеческого значения, имеет и собственно-национальный, вырастающий из исторической традиции, смысл. Французские социологи называют три главных аспекта гражданских свобод, унаследованных от

Великой французской революции и развитых на протяжении XIX-XX веков. Это 1) libertés politiques избирательное право, свобода союзов и ассоциаций, митингов, шествий и демонстраций, свобода мысли, право на отказ от принуждения (в том числе от военной службы) по религиозным или политическим мотивам; 2) libertés personnelles право на жизнь, личную неприкосновенность, свободу частной жизни, неприкосновенность жилища, тайну корреспонденции, свободу передвижения, выбора местожительства, вероисповедания, обладание собственностью; 3) libertés professionnelles et sociales (droits socio-professionels) право на труд, на образование, на социальное обеспечение, на свободный выбор профессии, на профессиональную деятельность.

Концепт “свобода” связан во Франции с национальной историей. Уже король Людовик X в указе 1305 года говорит, что “всякий должен быть свободен, ибо наше государство называется государством франков” (свободных).

Представление о свободе как о природном праве человека подтверждалось на протяжении веков многочисленными юридическими актами. Так, в XVI веке французские юристы выступили с запиской “О пересмотре обычаев”, в которой предстали адвокатами низшего сословия. Крестьяне стали свободными и освободились с землей, хотя и продолжали платить подати, но уже как бы “в порядке на чужую вещь”. Для получения земли нужно было выкупить только повинность. Вопрос окончательно решился в период Великой буржуазной революции, но подготовлен он был заранее.

Еще раньше бравирование свободой, “либертинаж” проникает в светские салоны. Особый термин либертен (libertin) обозначает независимого дворянина. В XVIII веке оппозиция феодальному строю имела первой строкой требование свободы – liberté, égalité, fraternité (свобода, равенство, братство) стали лозунгом революции. До сегодняшнего дня почетно слыть свободомыслящей личностью (libertin-penseur). Самое знаменитое стихотворение П. Элюара, которое в годы второй мировой войны сбрасывали над окопами как листовку, называется Liberté. Его читали и читают с эстрады известнейшие актеры. Оно включено во все школьные хрестоматии. И завершается оно словами: “Я рожден, чтобы узнать и назвать тебя – Свобода”.

3. С жаждой свободы связано уважение к **республиканским ценностям** (valeurs républicaines)

Ценность (valeur) лат. valor, valoris, республика (republique от лат. republica) – 1) республика, народное правление; 2) общежитие равноправных людей. Республиканский (republicain) – держащий сторону республики.

Valeurs républicaines в современном французском языке классифицируются как рабочая модель, все части которой сохраняют непреложные ценности.

“Мы все-таки в республике!” (On est en republique tout de même!) говорится для того, чтобы протестовать против мнений или действий, ущемляющих гражданские свободы.

Республиканские ценности закреплены во мнениях, общественных движениях, комитетах. Связанные с первой республикой Великой буржуазной революции XVIII века, ценности эти родились не во Франции. Их традиции восходят к периоду Римской республики и эпохе английской революции. Историк Мишле называл их классическими ценностями. Шарль де Голль в “Мемуарах” вспоминал, что прежде организации правительства IV Республики он ставил целью восстановить “все французские свободы, законы республики, республиканский режим”. Концепт “республиканские ценности” связан с концептом “свобода”.

4. **Любовь** (Amour admiration) (лат. amorem) Концепт насчитывает более трехсот значений. В самом общем смысле – это принцип универсальной связи, психологическое состояние, требующее выхода из своего “я”.

Именно так определяет любовь французский философ Анри Бергсон. В словаре “живого” французского языка в первой позиции называется чувство сильной привязанности и страстное желание обладания кем-то. Именно этот аспект близок к выделенному концепту любви-восхищения. В других случаях словари дифференцируют чувство любви, называя любовь физическую и платоническую, которая, в свою очередь делится на любовь к Богу, к родине, к близким родственникам, материнскую любовь и т.д. Эти формы любовной привязанности могут существенно различаться, являя, в том числе, и “любовь-восхищение”. Но во всех случаях называется и любовь между мужчиной и женщиной (un sexe vers l’autre), и синонимом “любви” называется “страсть”. Вспомним, что Стендаль в трактате “О любви”, деля любовь на виды и степени и считая наиболее распространенным видом “любовь-тщеславие”, самую высокую оценку дает именно любви-страсти. Для Стендаля “любовь-страсть”, самая возвышенная и благородная форма любви, доступная лишь тем, кому чужды корысть и тщеславие, лицемерие и эгоизм.” “Счастливая любовь подобна болезненному жару, - записал Стендаль в дневнике. – Ничего не остается, когда она проходит.” Определение любви как лихорадки принадлежит и одному из самых проницательных знатоков человеческой природы афористу Ларошфуко (“La plus juste comparaison qu’on puisse faire de l’amour, c’est celle de la fievre” “Самое точное сравнение уподобляет любовь лихорадке” La Rochefoucault Maximes, 638).

Восприняв римскую традицию “Науки любви” Овидия, пройдя “школу” куртуазии средних веков и салонной любви-игры XVII-XVIII

столетий, именно “любовь-восхищение” (“amour admiration”) среди десятков средств выражения концепта фиксирует ту форму, которая близка национальному менталитету и французской культурной традиции. В России эта форма, если и получила развитие, то преимущественно в эпоху модерна, на исходе XIX века, в постромантизме, в возрождении моды на французский рокальный стиль. Пушкинская Татьяна на вопрос к няне о старых годах (“Была ты влюблена тогда?” слышит по сути отповедь: “И полно, Таня./ В наши лета/ Мы не слыхали про любовь”. И не только потому, что молодую жену осудила бы “покойница-свекровь”. В народе, в крестьянской русской среде синонимом к слову “любовь” традиционно называли “жалость”. Современные “писатели-деревенщики” - В. Белов, Ф. Абрамов – неоднократно употребляют концепт “любовь” в этом значении: “Муж тебя любил?” - спрашивает вдову молодая женщина. И получает ответ: “Да, он меня жалел”. О “любви-жалости”, как о самом стойком и даже самом опасном чувстве писал В. Распутин. Пьяные пассажиры в книге В. Ерофеева “Москва – Петушки” договариваются рассказывать “про любовь”, красивую, “как у Тургенева”. Но вместо этого слышатся истории, поражающие какой-то жуткой нелепостью – о поступках и людях низких и неприятных. И однако комментирующий автор-повествователь заключает беседу с пониманием и сочувствием: “Первая любовь или последняя жалость – какая разница? Бог, умирая на кресте, заповедовал нам жалость... Жалость и любовь к миру – едины. Любовь ко всякой персти, ко всякому чреву. И ко плоду всякого чрева – жалость”.

Любовь-жалость и amour admiration... Через семантику французского и русского языков просматриваются общенациональные и временные признаки концепта. “Заниматься любовью – выполнять сексуальный акт” (faire l’amour – accomplir l’acte sexuel) отмечено в современном французском словаре как просторечие. Однако, именно в этом качестве перешло в современный русский язык и получило сегодня широкое распространение в бытовой речи и в передачах телевидения, знаменуя отход от “любви-восхищения” и от “любви-жалости” как противоположных, но равно укорененных в духовной сфере разных народов концептов любви.

5. **Оцениваться по заслугам, оценивать по заслугам** (méritocratie) (лат. meritum)

В современном языке от понятия “достойный” - méritant. концепт méritocratie - гибрид, имеющий латинское ядро, обрастающее рядом дополнительных признаков. Достойный ученик (élève méritant), достойная семья (famille méritante), но главное – индивид, обладающий определенными достоинствами – честностью, верностью, отвагой – качествами, проявившимися в трудных для человека обстоятельствах и вызывающими уважение окружающих (C’est un homme de mérite), и

благодаря собственным достоинствам имеющими право подняться по социальной или имущественной лестнице. Во французском языке глаголы и прилагательные, содержащие ядро концепта, образуют ряд устойчивых сочетаний, отражающих национальный менталитет: “Всякий труд достоин оплаты (Toute peine mérite salaire); всякое ремесло оплачивается (chaque metier mérite salaire); хранить свою репутацию (meriter sa réputation); нация имеет то правительство, которое она заслуживает (toute nation a le gouvernement qu’elle mérite). Méritocratie - один из самых непереводимых французских концептов. На русском языке его приходится давать только в описании.

6. **Дух рыцарства** (Ésprit chevaleresque)

Словари фиксируют генезис и рыцарские качества. Рыцарство (от chevalerie) (s.f. cheval - лошадь)

Рыцарь-шевалье – дворянский титул. Особо отмечается, что рыцарство - средневековая воинская организация религиозного характера преимущественно из знати, в которой от членов требовались высокие моральные качества – мужество, верность Богу и сеньору, военная доблесть, куртуазность. Особо отмечается “дух рыцарства” (ésprit chevaleresque) – военная бравада и героизм в битве, милость к побежденным, верность сюзерену и даме. Понятие “быть достойным рыцаря” (digne des chevaliers d’autrefois) восходит к эпохе феодализма, орденам Святого Иоанна и Тамплиеров, Крестовым походам, странствующим рыцарям. От этих времен сохраняется выражение – “рыцарь без страха и упрека” (le chevalier sans peur et sans reproche).

В “Песне о Роланде” император, в поисках рыцаря на поле битвы знает, что

“если б смерть его в бою застала,
Он впереди своих солдат лежал бы,
Лицо бы повернул к земле врага,
И умер бы, победою венчанный”. (пер. А. Сиповича).

И Карл Великий находит Роланда именно в том положении, которое достойно рыцаря. Те же свойства восхваляются в рыцарских романах. В песнях о Крестовом походе XII века Конан де Бретон говорит:

“Пусть знают все, что мы даем зарок:
Свершить святое рыцарское дело
И взор любви, и ангельский чертог,
И славы блеск стяжать победой смелой”. (пер. А. Сухотина).

В романах круглого стола так называемого артуровского цикла в XII веке происходит и поэтизация рыцарской любви.

Эта старинная традиция находит отражение в современности и подтверждается опытом жизни Шарля де Голля, писателей Сент-Экзюпери, Ромена Гари или зачастую скромными житейскими примерами.

Отсутствие ее осуждается: Он поступает по-рыцарски. Ce qu'il fait est si chevaleresque (J. Giono) C'est d'un chevaleresque.

7. **Индивидуализм** (individualisme) (lat. individuus)
Индивидуализм – представление о праве личности на отдельное существование (в противовес коллективизму). Теоретической основой индивидуализма являются демократические свободы, согласно которым всякий индивид имеет самостоятельное значение и его личные интересы не должны приноситься в жертву интересам общества.

В политике, экономике и морали индивид провозглашается высшей ценностью. Человеческое существо рассматривается изолированно, в противопоставлении группе, социальному классу, семье. Как синоним индивидуализма в положительном смысле употребляется "нонконформизм" (non-conformisme) – выражение, перешедшее в русский язык в прямом переводе. Во французской культуре и менталитете индивидуализм имеет давние и прочные традиции. Исторически индивидуализм поддерживается воспоминаниями о дворянском "либертинаже", о вольностях городских коммун и особенно всей практикой жизни после Великой буржуазной революции. Развитие капитализма дает индивидуализму мощный импульс. Свободная конкуренция – одно из проявлений индивидуализма. В философии и литературе индивидуализм противостоит католицизму и социализму. Апологетами индивидуализма выступили Андре Жид и Жан Поль Сартр, подчеркнувший его значимость для французов: "Для нас, французов, индивидуализм всегда сохранял старую классическую форму борьбы человека с обществом, личности с государством" (Ж.П. Сартр. Ситуации.) Вместе с тем словари фиксируют в близком синонимическом ряду к "индивидуализму" "эгоизм" и даже "эгоцентризм", антонимом выступает "альтруизм".

Именно здесь обнаруживаются наибольшие расхождения с русской национальной традицией, в которой концепт "соборности" занимает одно из ведущих мест. Сама природа России, быт северных и сибирских деревень, русская община, славянофильство, теория коммунизма – все отрицает индивидуализм, рассматриваемый как зло национальной традицией (см. роман Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание"). В период "перестройки" индивидуализм развивается и в России. Сегодня русский концепт "соборность" вошел в моду. О нем пишут монографии и статьи. Пример Наташи Ростовой, приказавшей сгрузить с подводы домашние вещи, чтобы посадить туда раненых солдат, стал классическим в разделении своей и чужой ментальности ("Мы не немцы..."). Но общепринятое осуждение западного индивидуализма в сегодняшней российской ситуации тоже приобретает иную оценку. "Мы" имеет тенденцию двигаться к "Я", что объясняется не единственно новыми

капиталистическими тенденциями. Во внутренней коммуникативной структуре уже заложены соотношения “я – ты, мы – они”, хотя степень оформленности “своего” и “чужого” в разных языках разная. “Индивидуализм” требует особой бережности при его ментальной оценке либо переводе с одного языка на другой и может быть передан только концептом.

8. **Элегантность** (élégance) (lat. elegans) – щеголеватость, изящество, красота формы, легкость, ясность, простота. Синонимы - грациозность, шик, хороший вкус. Близко к английскому концепту “дэндизм”. Широко употребляется во французском языке – элегантный жест (un geste élégant), элегантная поза (une pose élégante), элегантное платье (une robe elégante)… “Он поступил со мной не очень-то красиво” (Il n’a pas agi très élégamment avec moi). В качестве антонима – “вульгарный”. Во французском языке “элегантность” как концепт существует с XIV века в качестве соединения грации и простоты в натуральной или искусственной форме. В XVII веке “элегантность” стала нормой поведения в дворянской среде, в салонах, при королевском дворе. В баснях Лафонтена, в комедиях Мольера, в мемуарах Сен-Симона элегантность предстает отличительным свойством французов. Глядя на портрет мадам Помпадур кисти Давида, мы можем подумать, что любовница французского короля не отличалась особенной красотой. Но элегантности ей было не занимать. И в поэме А. Блока, сетующего на приход века “не салонов, а гостиных”, вспоминается, что XIX столетие было временем “не Помпадур, а просто дам”. Мадам Помпадур не только дама, но воплощение элегантности. “Элегантность” во Франции - не единственно вербальный концепт. Парижская элегантность, парижский шик получили признание за пределами Франции: кто, кроме французов, согласится “потратить целых семь с половиной минут на то, чтобы положить в коробочку крошечное “torte aux cerises” (пирожное с вишнями), перевязать коробочку лентой и вручить ее покупателю с таким видом, словно это долгожданный первенец, отлично зная, что сия благословенная вещь будет мгновенно съедена, стоит покупателю переступить порог кондитерской?”.[195]

9. **Бережливость** (ésprit d’épargne) (épargne - герм.)

Глагол “épargner” имеет множество значений, среди которых первые – беречь, копить, щадить, отделять часть от целого, сохранять… Синоним концепта ésprit d’épargne - экономность. В русской ментальности воспринимается как скупость, почти скаредность. У французов ésprit d’épargne имеет положительную коннотацию. Экономить деньги (épargner de l’argent) – похвальное свойство, подкрепленное исторической традицией. Уже король Франциск I в XVI веке основал государственную

[195] Н. Япп, М. Саретт. Эти странные французы. Пер. с английского. М., 1999.

сокровищницу (Thrésorier de l'épargne). У Мольера скупой, хваля свою дочку потенциальному жениху, говорит, что она "вскормлена и воспитана в большой экономии" (nourrie et élevée dans une grande épargne de bouche). Она не проглотит лишнего куска.

Бережливость для французов связана с предусмотрительностью. В качестве антонимов выступают заведомо негативные свойства – разбросанность, фанфаронство, беспорядок. Многократно отмеченный французскими классиками – от авторов фаблио до Корнеля, Мольера, Бальзака и Мориака, концепт этот имеет и организационное, и юридическое закрепление – в сберегательных кассах (caisses d'épargne) и в тщательно продуманном гражданском кодексе, свято соблюдающем права наследования. В ассоциативном ряду к "бережливости" близко понятие "экономности". Понятие это получает представление и в философии, ассоциируясь с разумностью – "с искусством мыслить в соответствии с системой правил, ограждающих нас от бесполезных усилий". Другой аспект концепта – чувственный – "удовольствие от признания эффективности деяния или вещи": "...экономия в духовном отношении означает, что мы являемся в некотором роде богаче и глубже нас самих"[196].

10. **Вкус к комфорту** (goût du confort) (lat. confortare – donner de la force, позже англ. comfort) – набор благ, обеспечивающих удобную жизнь. Существующий прежде всего в сфере материальной, концепт охватывает и области духовного бытия – комфорт моральный, интеллектуальный, внутренний… В средние века о комфорте не было слышно. Употреблялись иные понятия – укрепление сил, удобство, благополучие (bien-être). Преимущественно в XX веке концепт приобрел новый ореол и значение – люкс, высокий уровень жизни, современные удобства. Концепт обрастает неологизмами – bon standing, антонимами – некомфортно (inconfort). Во всех европейских странах среди растущих потребностей членов общества на первое место выдвигается требование комфорта – s'installer confortablement (комфортно устроиться).

Показательно, что опрос французских преподавателей из разных слоев и в разных университетах показал результаты, мало отличные от приведенных. Так, семь преподавателей из Сорбонны и Высшей нормальной школы, согласившись в основном с коллегами из университета Париж-8, в число десяти основных концептов включили "стремление к ясности" (clarté) и "чувство порядка" (sens de l'ordre), изъяв по условиям "игры" два концепта valeurs republicaines и l'individualisme, взамен которого было названо чувство независимости (ésprit d'independance). Они подчеркнули при этом, что ни в малой степени не

[196] V. Jankelevich. L'Alternative. Paris. 1938, p. 123. У этого же философа мы находим и определение вербальных концептов-понятий, которые "могут означать тысячу вариантов, оставаясь похожими на самих себя". Там же, с. 73.

хотели бы недооценить “республиканские ценности”, но посчитали, что понятие о них уже заложено в названных концептах.

Преподаватели лицеев из Нанси предложили свой ряд в следующем составе и порядке: 1) ésprit critique, 2) liberté, 3) valeurs républicaines, 4) individualisme, 5) élégance, 6) goût du confort, 7) sens de l’épargne, 8) ésprit de solidarité, 9) clarté, 10) souci de la justice (по сравнению с первым перечнем здесь появились “чувство солидарности” и “забота о справедливости”.

Обзор десяти французских концептов позволяет увидеть в них взаимное пересечение смыслов. Заложенные в природе, образе жизни, истории, этнографии, они, пусть в первом приближении, намечают границы французской национальной концептосферы, области “своего” мира.

Тема 13. Языковая личность

Ключевые слова: *языковая личность, вторичная языковая личность, ассоциативно-вербальная сеть, когнитивный (тезаурусный) и мотивационный уровни языковой личности*

1. Языковая личность

В современный научный контекст термин «языковая личность» ввел известный лингвист Ю.Н. Караулов. Он предложил изучение человека в единстве «стиля жизни» и «стиля употребления языка». Именно в личности «социально-поведенческий» контекст соединяется с речевым[197].

В отечественной филологии к изучению «языковой личности» с разных сторон приближались литературоведение и лингвистика. Ю.Н. Тынянов глубоко анализирует «литературное лицо» Тютчева. М.М. Бахтин размышляет о реальном и потенциальном «речевом субъекте», создателе высказываний. Языковое оформление «образа автора» рассматривает В.В. Виноградов, работы которого существенно повлияли на генезис представлений о «языковой личности»[198].

Другим подступом к изучению «языковой личности» стала коллоквиалистика, изучавшая «разговорно-речевую деятельность» в контексте «внеязыковой деятельности». Характеризуя разговорную речь, Ю.М. Скребнев обращает внимание на «обратную связь» между

---

[197] Ю.Н. Караулов. Русский язык и языковая личность. Издание второе, стереотипное. М., 2002. с. 22. В дальнейшем страницы указываются прямо в тексте. См. также: В.И. Карасик. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. Языковая личность: культурные концепты // Сб. науч. тр. Волгоград-Архангельск, 1996. Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты // Сб. науч. тр. Волгоград-Саратов, 1998. Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики // Сб. науч. тр. Волгоград, 1999 и др.

говорящим и слушающим: «Слушатель не пассивно воспринимает обращенную к нему речь, а немедленно реагирует на нее, активно соучаствует в ней»[199].

Языковая личность всегда направлена на адресата, на слушателя. Она несет в себе его отраженный образ (33). Языковая личность диалогична, поскольку манифестируется на пересечении сознаний и языков.

Юрий Николаевич Караулов, известный российский лингвист, один из создателей «Русского ассоциативного словаря». Ю.Н. Караулов разработал понятия «языковая личность» и «прецедентный текст». Для теории межкультурной коммуникации особенно важен сопоставительный словарь «Ассоциативных норм испанского и русского языков», созданный ученым в соавторстве с М. Санчес Пуиг и Г.А. Черкасовой. (Ассоциативные нормы испанского и русского языков. Москва-Мадрид, 2001).

Основные работы:

Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М., 1992.

Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.

Рассматривая структуру языковой личности, Ю.Н. Караулов выделяет в ней три уровня:

А) *вербально-семантический*,

Б) *когнитивный (тезаурусный)*

В) *мотивационный* (56).

Первый уровень исследователь называет «нулевым». Он включает в себя «…слова, вербально-грамматическую сеть, стереотипные сочетания (паттерны)» (53). В большей мере индивидуальность языковой личности может проявляться на втором, когнитивном уровне в построении иерархии понятий, идей, концептов, «…в способах их перестановок и противопоставлений при формулировке проблем» (53). На этом уровне важны «иерархические-координативные семантические поля», «картина мира» языковой личности. Высший, мотивационный уровень языковой личности связан с ее «деятельностно-коммуникативными» потребностями, со всей совокупностью характерных для нее сфер общения и коммуникативных ролей (56).

Стереотипные сочетания первого уровня, распространенные в речи людей в определенные эпохи, передают специфику национальной,

---

[198] См.: Ю.Н. Караулов. Понятие языковой личности в трудах В.В. Виноградова // Ю.Н. Караулов. Русский язык и языковая личность…с. 27-35.

[199] Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1985. с. 8; 193.

социальной, гендерной концептосфер. Так, в «Приветствии Петрограду. Совету депутатов» (ноябрь 1922 г.) И.В. Сталин писал: «В пятилетие рождения пролетарской диктатуры приветствую красный Петроград, колыбель этой диктатуры»[200]. В этом коротком тексте раскрываются важные грани «языковой личности» Сталина. Приветствие представляет собой комбинацию стереотипных сочетаний: «пятилетие рождения», «пролетарская диктатура», «красный Петроград», «колыбель диктатуры». Эти паттерны подводят читателей и слушателей к когнитивному тезаурусу, картине мира эпохи. Слова «кровь», «подавление», «враг», «террор» отсутствуют в тексте. Между тем эти и другие ментальные концепты, составлявшие социоконцептосферу «победившего пролетариата», определяют отбор стереотипных словосочетаний. Мотивационный уровень «языковой личности» раскрывается в «Приветствии» весьма четко: текст содержит призыв к дальнейшему усилению «красной диктатуры», хотя прямо эта мысль не высказана.

Интересна история немецкого писателя Йохена Клеппера (Jochen Klepper), лояльного к режиму Гитлера, прославившегося романом «Отец» (1937) об императоре Фридрихе Вильгельме I. Клепперу, женатому на еврейке, повезло, поскольку он получил особое разрешение продолжать писательскую деятельность. В письме от 17 декабря 1939 года Клеппер обратился с просьбой о помощи к государственному советнику Гансу Хинкелю, отвечавшему за работу по «аризации» (Arisierung) немецких писателей. Клеппер жалуется в письме, что его жену ограничили в продуктах питания и одежде. Супруги не могут путешествовать вместе. Им запрещено вместе посещать культурные мероприятия.

В ответном письме от 5.01 1940 г. Хинкель пишет: «Auf Ihr Schreiben vom 17. Dez. 1939 – betr. Lebensmittelzuteilung und Kleiderkarte für Ihre Ehefrau – wird Ihnen mitgeteilt, dass von hier aus in dieser Angelegenheit nichts unternommen werden kann"[201]. В переводе на русский язык письмо Хинкеля звучит так: «В ответ на Ваше письмо от 17 дек. 1939 г. – касательно обеспечения Вашей жены продуктами и талонами на одежду – сообщается, что в рамках ведомства никаких шагов в этом отношении предпринято быть не может». Русский перевод несколько сглаживает стереотипные сочетания оригинала – "wird mitgeteilt" (сообщается), "von hier aus" (отсюда, в рамках данного ведомства), "nichts unternommen werden kann" (предпринято быть не может). В письме Хинкеля привлекают внимание безличные пассивные конструкции, устраняющие конкретного деятеля,

[200] И. Сталин. Сочинения. Т. 5. М., 1947. с. 137.
[201] Literatur im Dritten Reich. Dokumente und Texte. Stuttgart, 2001. S. 87.

персональность, конкретное лицо. За этими языковыми стереотипами скрывается «языковая личность» Ганса Хинкеля. Безличные структуры, пассивные конструкции указывают на концепты картины мира, сложившейся в третьем рейхе: «аризация», «устранение разлагающих элементов», «народное начало» (Volkstum), «иерархия карательных органов». На высшем мотивационном уровне Хинкель напоминает Клепперу, что он балансирует на опасной грани. Если он будет продолжать напоминать о своей неарийской жене, то его собственное положение может пошатнуться. Не претендуя на полноту и масштабность анализа «языковых личностей», можно отметить моменты сходства в тоталитарных дискурсах.

Современный дискурс отмечен печатью неуверенности, релятивизма. Одним из наиболее распространенных стереотипных сочетаний современного русского языка является «как бы». Очень часто «как бы» управляет нашей речью, указывая на глубины подсознания говорящего и связанную с ними «внутреннюю речь». «Как бы» – языковой концепт, позволяющий проникнуть в «картину мира» говорящего. Если студент на семинарском занятии говорит, что он «как бы прочитал эту книгу», то это означает, что он книгу читал, однако, вероятно, не дочитал. Говорящий скорее всего держал в руках этот текст, открывал его, но, возможно, смысл текста не понял. Стереотип «как бы» сигнализирует о глубинных концептах сомнения и отрицания, о текучести и изменчивости как основных категориях картины мира поколения, «выросшего в 1980-х и не реализовавшего себя в 1990-х»[202].

Известный французский ученый Р. Барт определял нулевой уровень «языковой личности» как «письмо». Именно «письмо» навязывает Автору свою волю и, в конце концов, его устраняет[203]. В то время как автор-демиург полагает, что он владеет языком, язык с его клише и стереотипами овладевает им.

Подчинять себе – частично и, конечно, на время – ассоциативно-вербальную сеть родного языка способны лишь великие художники слова. Это происходит благодаря возникновению двойной смысловой перспективы, характерной для иронии, метафоры, символа. Так, на пародировании клише и стереотипов бытовой и официальной речи строит художественную речь писатель А. Платонов. Персонаж «уходил прочь и, чтобы прожить поскорее служебное время, когда его ночлежное учреждение заселено штатами, заходил во все уборные и не спешил

[202] В.П. Руднев. Словарь культуры XX века. М., 1998. с. 123-125.
[203] Ролан Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. с. 389.

оставлять их; выйдя же оттуда читал сплошь попутные стенгазеты, придумывая свои мнения по затронутым вопросам, а иногда давал даже свою собственную заметку о каком-либо замеченном непорядке как единичном явлении» («Ювенильное море»). Еще один пример из романа «Котлован»: «В такие минуты жизни, минуты грозящей опасности, Козлов чувствовал внутри себя горячую социальную радость и эту радость хотел применить на подвиг и умереть с энтузиазмом, чтобы весь класс его узнал и заплакал над ним». Повествователь вводит в стереотипные сочетания дополнительный элемент, тем самым нарушая устойчивость ассоциативно-вербальной сети: «чувствовал внутри себя горячую социальную радость», «давал даже свою собственную заметку о каком-либо замеченном непорядке как единичном явлении». Платонов создает нетипичные глагольные конструкции, которые выглядят как языковые стереотипы. На самом же деле стереотипы разрушаются: «и эту радость хотел применить на подвиг…». Лирическое «я» во многих произведениях В.В. Маяковского выступает как явление природного ряда, как солнце, как «облако в штанах».

В знаменитом Б.Л. Пастернака «Марбург» поэт говорит о себе:

Я вздрагивал. Я загорался и гас.
Я трясся. Я сделал сейчас предложенье,-
Но поздно, я сдрейфил, и вот мне - отказ.
Как жаль ее слез! Я святого блаженней.

Абстрактные концепты наделяются конкретными признаками:

Я вышел на площадь. Я мог быть сочтен
Вторично родившимся. Каждая малость
Жила и, не ставя меня ни во что,
В прощальном значеньи своем подымалась.

Подобно булыжнику, даром зрения наделен и «полдень»:

Плитняк раскалялся, и улицы лоб
Был смугл, и на небо глядел исподлобья
Булыжник, и ветер, как лодочник, греб
По липам. И все это были подобья.

«Развинчивание» ассоциативно-вербальной сети становится особенно явным в седьмом четверостишии:

В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Поэт подчиняет языковые клише своей воле, по-новому формируя ассоциативно-вербальную сеть: понятно, что любимую женщину нельзя репетировать, нельзя «знать назубок». В седьмом четверостишии любовь и искусство предстают как «подобья». Они соединяются в неразрывное целое, что находит выражение в сравнении – «В тот день всю тебя, от гребенок до ног, // Как трагик в провинции драму Шекспирову…» Любовь и искусство «подобны», поскольку по-кантовски «бескорыстны» и полны самоотдачи.

В «Марбурге» «подобья» – ключевое слово. В единый круговорот метафор втянуты природа – человек – культура. «Подобье» – слово-дескриптор, наделенное не только значением, но и особой энергией смыслопорождения. Вокруг него складываются важнейшие семантические поля:

Тут жил Мартин Лютер. Там - братья Гримм.
Когтистые крыши. Деревья. Надгробья.
И все это помнит и тянется к ним.
Все - живо. И все это тоже - подобья.

Концепт «подобья» объединяет очеловеченную природу (раскаленный плитняк, смуглый «улицы лоб», глядящий на небо булыжник, «ветер, как лодочник», гребущий по липам), культуру, очеловеченную памятью, к которой тянутся «когтистые крыши», деревья, надгробья, и человека, страстно любящего, а потому стоящего вровень с природой, историей и культурой. Большие художники слова перекраивают ассоциативно-вербальную сеть повседневного языка.

На высшем мотивационном уровне «языковая личность» переживает расширение и восполнение. Получив «отказ» от любимой, лирической герой потрясен. «Отказ» подобен тектоническому сдвигу. В этот момент Вселенная раздвигает рамки его сознания, врывается в него. Он замечает «каждую малость», которая живет собственной жизнью, независимой от его взгляда или слова. Утрата амплуа «счастливого любовника» делает героя собеседником Вселенной. Он с особой зоркостью, сквозь рыдания, замечает живую жизнь природы, истории, людей, интуитивно постигая самоценность всякого другого бытия.

Я вышел на площадь. Я мог быть сочтен
Вторично родившимся. Каждая малость
Жила и, не ставя меня ни во что,
В прощальном значеньи своем подымалась.

Вербально-семантический, когнитивный и мотивационный уровни соединены прямыми и обратными связями: А ↔ Б ↔ В. Высшие уровни

(когнитивный и мотивационный) воздействуют на нулевой уровень. Элементы нулевого уровня (слова и словосочетания) проникают на высшие уровни. Процесс формирования «языковой личности» проявляется и при изучении чужого языка. Изучение иностранных языков усложняет языковую личность.

2. Вторичная языковая личность

В современной теории и практике межкультурной коммуникации большое внимание уделяется формированию «вторичной языковой личности». И.И. Халеева справедливо подчеркивает, что «…приобщение…русскоязычной «языковой личности» через новое для нее средство социальной коммуникации (через усвоение другого, иноязычного кода) к распознаванию и пониманию смысловых и прагматических черт «иноязыковой» личности» в идеале означает приобщение к новым «картинам мира» [204]. Таким образом, первичная языковая личность решающим образом определяет новое «иноязычное» «Я». Схематически процесс формирования «вторичной языковой личности» можно записать так:

А ↔ Б ↔ В ↔ А-1 ↔Б-1 ↔В-1, где А – нулевой уровень первичной языковой личности, Б – когнитивный, а В – мотивационный уровни. Соответственно А-1 – нулевой уровень вторичной языковой личности, Б-1 – когнитивный, 1 – мотивационный уровень.

Все уровни структуры первичной и вторичной языковых личностей могут образовывать горизонтальные и вертикальные связи:

А ↔ Б ↔ В (первичная личность)

А-1 ↔ Б-1 ↔ В-1 (вторичная личность)

А ↔А-1 (взаимодействие нулевых уровней)

Б ↔ Б-1 (взаимодействие когнитивных уровней_

В ↔ В-1. (взаимодействие мотивационных уровней)

Однако возможны, вероятно, и разнообразные междуровневые контакты и связи:

А ↔ Б-1; А ↔ В-1; А-1 ↔ Б; А-1 ↔ В…

[204] И.И. Халеева. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М., 1989. с. 55.

Можно сказать, что «вторичная языковая личность» – метапродукт, типичный для межкультурной коммуникации. В данном случае коммуникация внутри одной и той же целостной личности оказывается неожиданно сложной: первичная языковая личность может вступать в конфликт со вторичной и наоборот. Так, русская «языковая личность» А.С. Пушкина вступает в сложные соотношения с его французской «языковой личностью». Если в переписке с женой и братом Пушкин чаще всего выбирает русский язык, то «…в ритуальных ситуациях» – объяснениях в любви, переписке с невестой, вызовах на дуэль, он использует французский. Пушкин пишет письма по-французски «в скользких и двусмысленных ситуациях, когда удобнее укрыться за отточенными, четкими и одновременно безличными формулами отработанного французского эпистолярия»[205]. Это положение как художественный прием использует Л.Н. Толстой в «Войне и мире» при характеристике персонажей салона А.П. Шерер.

Одна ассоциативно-вербальная сеть нередко вторгается в другую, концепты разных культурных миров начинают взаимодействовать, синонимизироваться, сближаться друг с другом и друг от друга отталкиваться. Такова, например, природа билингвизма в творчестве И. Бродского. Порой современные писатели ошибочно смешивают социальное и речевое поведение первичной и вторичной языковой личности. Характерные ошибки такого смешения можно найти в романах В. Пикуля. Русские офицеры-дворяне, не понаслышке знакомые с народным бытом и русским языком, могли вольности речевого общения друг с другом или с солдатами, но по-иному разговаривали в гостиных с дамами. Эти же проблемы рассматривает и современная функциональная стилистика, обращающаяся к анализу языковых тезаурусов и речевых кодов, используемых в различных коммуникативных ситуациях (К.М. Рябова).

Еще более сложные структуры-гибриды могут возникать на родном и чужом мотивационных уровнях. Порою коммуникативные роли первичной и вторичной языковых личностей в различных национальных и социальных мирах не совпадают. Так, Петр I в Голландии был судовым мастером, в России – плотником, бомбардиром, императором. И в каждой из этих ролей по-новому раскрывалась его «языковая личность». Совмещение коммуникативных сетей разных культурных миров важно для переводчиков, преподавателей, разведчиков, дипломатов.

---

[205] Ю.М. Лотман. Избранные статьи: В 2 Т.: Т. 2. Таллинн, 1992. с. 365-366.

Взаимодействие нулевых уровней родного и первого иностранного языка – большая проблема лингводидактики. Как правило, у начинающих возникает искушение строить ассоциативно-вербальную сеть изучаемого языка по законам АВС (ассоциативно-вербальной сеть) родного языка. С этим связан внутренний «перевод» с родного на иностранный язык во время акта речи. На ранних этапах обучения интерференция практически неизбежна. Следующий этап связан с возникновением «свободной» речи на иностранном языке. Однако часто бывает так, что «свобода» заключается в искусном оперировании клише и паттернами. При этом студенты с равной легкостью высказываются на любые темы, манипулируя стереотипами. Без овладения клише никакая языковая личность существовать не может. Однако, овладев ими, студенты должны научиться от паттернов отступать. Идеальная цель состоит в том, чтобы научиться думать на чужом языке. *Другими словами, постепенно вторичная языковая личность переходит от внешней к внутренней речи.*

Чтобы научиться «думать» на иностранном языке, необходимо подняться до уровня Б-1 (когнитивный уровень), то есть постигнуть хотя бы некоторые константы, концепты, идеи, формирующие «картину мира» изучаемого языка. Это подразумевает знакомство с целым рядом «прецедентных текстов» и «микротекстов», значимых для иноязычной картины мира. Так, изучение американского варианта английского языка нельзя оторвать от американской истории, культуры, ментальности. Отбирая «прецедентные тексты», необходимо познакомиться с контурами «ассоциативного фонда» американской языковой личности. Студенты должны уметь декодировать хрестоматийные отсылки к «прецедентным текстам». Например, «government of the people, by the people, and for the people” (правительство народа, для народа, из народа). Знаменитая цитата из геттисбергского послания А. Линкольна (A. Lincoln. Gettysburg Address) – один из характерных «прецедентных» микротекстов американской культуры. Высказывание Линкольна в Америке нередко трактуют как одну из «дефиниций демократии»[206].

Знакомство с «картиной мира» изучаемого языка предполагает постижение основных констант, концептов, идей, выраженных словами-дескрипторами, ключевыми словосочетаниями, метафорами, символами, крылатыми выражениями, «прецедентными текстами». Гораздо более сложным представляется вопрос о приобщении к вторичному мотивационному уровню (В-1). Во время заграничных стажировок студенты соприкасаются с «коммуникативной сетью», мотивами,

[206] E.D Hirsch, Jr., Joseph F. Kett, James Trefic. 2 Ed., Revised and Updated. Boston – New York, 1993. p. 254.

оценками, побуждениями, значимыми умолчаниями, характерными для чужой культуры и языка. В эмиграции происходит постепенное вытеснение ассоциативно-вербальной сети родного языка ассоцитаивно-вербальной сетью другого языка (А ← А-1). Когнитивный тезаурус родного языка (Б) подвергается бомбардировке со стороны тезауруса Б-1. Перерождение первичной личности происходит тогда, когда происходит замена коммуникативных ролей (В ← В-1).

Проникновение чужого языка в родной начинается с интонации. Эмигранты, хорошо говорящие на родном языке, начинают использовать интонационные модели чужого языка. Этот процесс закономерен. Интонация в наибольшей мере связана с экстралингвистическим контекстом. Так, Ю.С. Степанов приводит интересные экспериментальные данные о том, что русские, даже прекрасно владеющие французским языком, не могут определить при прослушивании, «какая часть фразы выделена говорящим в качестве предиката». Интонационное выделение предиката оказывается «за порогом восприятия русского». Причины этой «глухоты» «не физиологические, а функционально-языковые»[207]. Если этот порог удастся преодолеть, то, скорее всего, пострадает «первичная языковая личность». Родная речь вне типичных для нее ситуаций получает новую аранжировку. Позже появляются замены на лексическом и грамматическом уровнях.

Приведем несколько примеров из речи эмигрантов, американских «русских». Лингвистические замеры характеризуют ситуацию людей, проведших в Америке десять и более лет, находящихся в возрасте от 25 до 45 лет, работающих в типичном американском окружении:

Проникновение А-1 в А:

Ты взял шауэр? – …ты принял душ?

Я драйвал в Нью Йорк – я ехал в Нью Йорк

Я фейснул его перед фактом – …поставил его перед фактом (подобное высказывание возможно и в современном молодежном идиолекте).

А потом я драпнул – … перестал говорить на эту тему (от to drop – оставить, бросить тему). Здесь возникают внутриязыковые ассоциации, мешающие пониманию и придающие обороту игровой характер: «*драп*нул» – быстро убежал, смылся.

Надо пикапнуть язык – …надо «набирать» язык

Тут много красивых домов и всяких дорогих девелопментов…

---

[207] Ю.С. Степанов. Французская стилистика в сравнении с русской. Издание второе, стереотипное. М., 2002. с. 253.

Пойдем пошопаем – пойдем за покупками …

«Взять автобус» – означает не «ограбить автобус» («взять банк» в русской ассоциативно-вербальной сети), а – «сесть в автобус». (ср: взять вакейшн)

Очень распространено выражение – «афордать что-либо» (дом и т.д.).

Интересные замены происходят и на уровне Б – Б-1:

Так, в газете «Новое русское слово: 23-24 ноября 2002» (штат Нью Джерси) помещено объявление:

Приглашаем Вас в поход за собственным здоровьем по программе –
Помоги себе,
А мы поможем Тебе!»

Здесь в русскоязычный рекламный дискурс внедрен типичный американский концепт – “self-help” (помогай себе сам), восходящий к Б. Франклину и Р.У. Эмерсону.

Связанное с культурной и межкультурной коммуникацией, понятие «языковая личность» придает системный характер изучению ассоциативно-вербальной сети, когнитивного тезауруса и коммуникативной сети говорящего, слушающего и действующего человека.

Вопросы и задания:

1) Перечислите основные характеристики «языковой личности»
2) В чем сходство и в чем отличие первичной языковой личности от вторичной?
3) Каковы основные уровни структуры языковой личности?
4) Сравните структуру первичной и вторичной языковой личности.
5) Проанализируйте языковую личность Мармеладова из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (на примере первого разговора с Родионом Раскольниковым).

Проект:

Понаблюдайте и опишите случаи влияния русского языка на ассоциативно-вербальную сеть чужого языка

Тема 14. Перевод в межкультурной коммуникации

Ключевые слова: *интерпретативное переводоведение, метаартефакт, посредник, высказывание, дискурс, смысл, лакуна*

Теория межкультурной коммуникации опирается на современные концепции перевода. В понимании В.Н. Комисарова перевод – «вид языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста оригинала передается на другой язык путем создания на этом языке коммуникативно равноценного текста»[208]. В теории межкультурной коммуникации дополнительный акцент ставится на переводческом «предпонимании», на установлении *смысла* сообщения, сделанного на исходном языке. Смысл как категория культуры и языка одновременно связан как с инвариантом, семантическим ядром сообщаемой и переживаемой информации, так и с переменными величинами (модальностью, спецификой образа мысли на данном языке), возникающими в контексте.

Для межкультурной коммуникации важное *интерпретативное переводоведение*, возникшее во Франции в конце 60-х годов XX-го века. Однако параллельно сходные идеи возникают в трудах теоретиков и историков перевода в разных странах мира. Так, например, в работах российского исследователя В.Н. Комиссарова лингвосемиотические, текстологические, культурологические и социологические аспекты переводоведения рассматриваются в единстве. Р.К. Миньяр-Белоручев подчеркивает, что «содержание речевого произведения в данной конкретной ситуации» представляет собой «результат взаимодействия семантической и ситуационной информации»[209]. *Смысл* текста не равен совокупности значений составляющих его языковых единиц[210]. Другими словами, смысл сообщения возникает в ходе взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов.

Интерпретативная теория перевода ориентирована не на систему языка, а на смысл текста (высказывания). По мнению французских теоретиков перевода, она восходит к фундаментальным концепциям М.М. Бахтина[211]. Как известно, М.М. Бахтин определял диалогические отношения как «особый тип *смысловых* отношений, членами которых могут быть только *целые высказывания* (или рассматриваемые как целые, или потенциально целые), за которыми стоят (и в которых *выражают* себя) реальные или потенциальные речевые субъекты, авторы данных

---

[208] В.Н. Комиссаров. Современное переводоведение. М., 2002. с. 411.

[209] *Р.К. Миньяр-Белоручев. Как стать переводчиком? М., 1999. с. 173.*

[210] Со ссылкой на Л.А. Черняховскую об этом пишут А.А. Кретов и Н.А. Фененко. См.: А.А. Кретов, Н.А. Фененко. Динамика имплицитного и эксплицитного в переводе // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. Воронеж, 2002. с. 135.

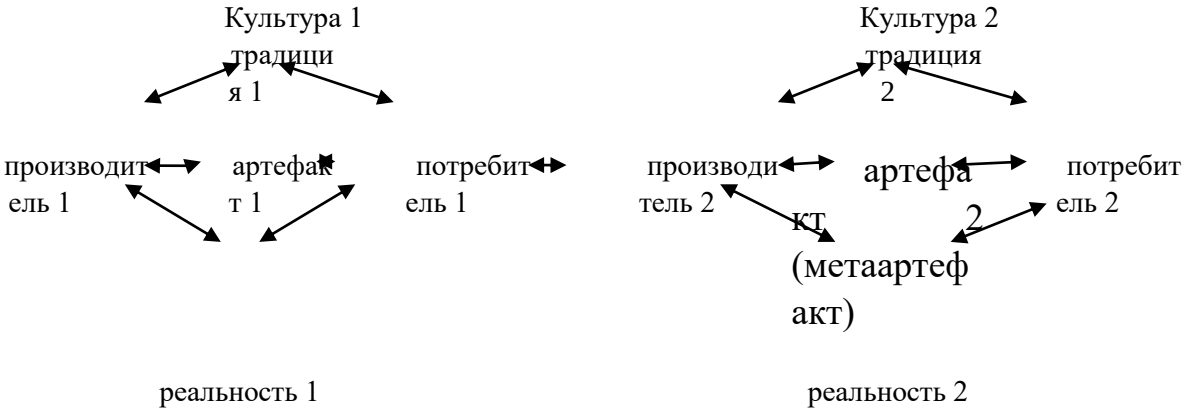
[211] Т. Бодрова-Гоженмос. Концепция М.М. Бахтина и интерпретативная теория перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». № 1 / 2002. с. 72-79.

высказываний». Переводчик – «вторичная языковая личность» особого типа, отличающаяся от педагога, лингвиста и т.д.

Интерпретативное переводоведение ставит в центр внимания переводчика как «вторичную языковую личность». Переводимые тексты исходного языка и тексты, возникающие на переводящем языке, рассматриваются в контексте целостного *переводческого дискурса*. В акте перевода учитываются экстралингвистические, «внесловесные моменты ситуации», «внетекстовая реальность»[212]. Это положение коррелирует с представлениями о системном характере коммуникации и культуры, изложенными выше.

Напомним, что в межкультурной коммуникации на выходе системы “культура” потребитель оказывается создателем нового артефакта, который не тождественен первому артефакту и является по отношению к нему *метапродуктом*. Появление метапродукта обусловлено новой реальностью и другой традицией.

В основной схеме схем межкультурной коммуникации «потребитель-1», являющийся одновременно «производителем-2», предстает как *посредник*:



Посредник воспринимает артефакт-1 и пересоздает, трансформирует его в артефакт-2 (метаартефакт). Приведем конкретный пример. Представим себе, что «производитель-1» − это немецкий писатель Томас Манн, автор романа «Иосиф и его братья». Томас Манн писал свой «роман-миф» в 1933-1943 годах. Это произведение связано с традицией (традиция-1) и реальностью (реальность-1) одной из самых трудных эпох истории Германии. Как известно, в 1933 году Гитлер пришел к власти. В 1943 году наступил поворотный пункт в истории второй мировой войны − битва под Сталинградом. Роман содержал множество концептов, ментальных и языковых, вызывавших бесчисленное множество

[212] В.Н. Базылев. Ю.А. Сорокин. Интерпретативное переводоведение. Ульяновск, 2000. с. 94.

ассоциаций у носителей немецкой культуры. Вызовом фашизму было уже то, что в романе речь шла об истории еврейского народа. Т. Манн начинает повествование с «Пролога», который называется «Сошествие во ад»: «Прошлое – это колодец глубины несказанной. Не вернее ли назвать его просто бездонным? (…) Ведь чем глубже тут копнешь, чем дальше проберешься, чем ниже спустишься в преисподнюю прошлого, тем больше убеждаешься, что первоосновы рода человеческого, его истории, его цивилизации совершенно недостижимы, что они снова и снова уходят от нашего лота в бездонную даль, в какие бы головокружительные глубины времени мы ни погружали его»[213]. Эти мысли открывали опасную смысловую перспективу, на фоне которой третий рейх представал лишь как мимолетный эпизод истории.

Предположим, что потребитель-1 (он же − производитель-2) − переводчик романа на русский язык С.К. Апт. В своих воспоминаниях С.К. Апт пишет, что в начале 60-х годов XX-го века ему с трудом удалось пробить с одним из издательств договор на перевод романа «Иосиф и его братья». Трудности были связаны с тем, что к Т. Манну советская цензура относилась весьма избирательно. Переведенный на русский язык роман-миф «Иосиф и его братья» оказался включенным в иную традицию (традиция-2) и соотнесенным с другой реальностью (реальность-2). У советских читателей конца 60-х годов прошлого века возникали отсылки к совершенно иным прецедентным текстам, чем у немецких читателей разных эпох. В 1968 году «Иосиф» уже верстался, но набор могли рассыпать в любой момент, поскольку в 1967 году в Израиле разразилась шестидневная война. География романа об Иосифе и его братьях совпала с театром военных действий. И, кроме того, повествование Т. Манна построено на Библии»[214]. *В контексте теории межкультурной коммуникации перевод романа Т. Манна на русский язык предстает как метаартефакт, входящий в систему принимающей культуры* (культура-2). При этом переводчик оказывается перед «…проблемой восприятия и переработки чужого “ментального содержания”»[215].

Переводчик – всегда *посредник*, «промежуточный деятель», способствующий сближению «своей» и «чужой» культур. По словам П.А. Флоренского, “всякое приближение происходит в силу промежуточного деятеля, среды и т.п., и соприкосновение совершается в точке, равно

[213] Томас Манн. Иосиф и его братья: Т 1. Пер. с нем. С. Апта. М., 1987. с. 29.
[214] Культура. 16 – 22 ноября 1999 г. № 44. с. 24.
[215] Т.А. Фесенко. Моделирование процесса перевода вконтексте метатеории сознания // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. Воронеж, 2002. с. 130.

принадлежащей сближающимся бытиям»[216]. В идеале переводчик должен равно принадлежать «сближающимся бытиям» разных культур. Чтобы достичь этого на практике, необходимо, прежде всего, превосходно знать родной язык во всех его основных регистрах, интуитивно и аналитически различать стилистические оттенки.

Формирование «вторичной языковой личности» переводчика – сложный и многоэтапный процесс. Овладевая ассоциативно-вербальной сетью исходного языка, переводчик должен приблизиться к пониманию картины мира иноязычной культуры. Для этого необходимо представление о системном характере культуры, национальном культурном мире, базовых концептах ментальности и языка. Переводчик должен ориентироваться в истории, нравах, бытовом укладе, искусстве, литературе исходной культуры, отражающихся «в сознании человека в определенных когнитивных структурах, которые, в свою очередь, реализуются и переструктуризуются в языковых категориях»[217].

Так, например, практическое значение для переводчика имеет положение о том, что в разных языках и культурах не совпадают «концептуальные системы», что в целом ряде случаев серьезно затрудняет перевод[218]. Разные языки наделены собственной логикой, они по-разному членят мир. Поэтому главной задачей представляется передача *смысла*. В романе современного французского писателя Пьера Даниноса «Записки майора Томпсона» французы оцениваются англичанином и понятно иронически. Француз обожает родину и считает ее лучшей страной на свете, но иногда «он вынужден уехать, тогда он может строить метро в Каракасе или готовить лакомые блюда в Аделаиде». В переводе Н. Ипполитовой фраза выглядит иначе, чем в подлиннике: Quelque fois il s’expatrie. Il prépare alors le métro à Caracas ou les grenoilles à Adélaide”[219]. Лягушки (les grenoilles) в переводе не упоминаются, потому что для русского читателя они не столь лакомое блюдо. Вспомним, что французы в России имели презрительную кличку «лягушатники». Вторая замена – разделение глаголов «строить» и «готовить», тогда как по-французски употребляется один глагол – préparer, имеющий более широкое значение. Но с разделением глаголов снимается ирония. Другой пример – замена немецкого концепта “frei” (свободный) русским концептом «вольный» в переводе Р. Райт-Ковалевой. Повествователю из романа Кафки «Замок»

---

[216] П.А. Флоренский. Сочинения: В 4 Т.: Т. 3 (1). М.,1999. с. 302.
[217] В.Н. Комиссаров. Современное переводоведение. М., 2002. с. 69.
[218] George Lakoff. Women, Fire, and Dangerous things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago and London, 1990. p. 311-312.
[219] P. Daninos. Carnets du major Thompson. Л., 1959. с. 103.

принадлежит следующее замечание о буфетчице Фриде: ”Etwas Fröhliches, Freies war in ihrem Wesen, was K. früher gar nicht bemerkt hatte und es nahm ganz unwahrscheinlich überhand...”[220] В переводе Р. Райт-Ковалевой: «Что-то в ней было веселое, *вольное* (курсив мой – В.З.), чего К. раньше и не заметил…». *Русское «вольное» не соответствует немецкому “frei”*. Здесь один концепт передается другим. Интересно и то, что в данном случае «неполная переводимость» возникает вовсе не из-за наличия «этнографической лакуны»[221]. Слово “frei” можно было без труда перевести как «свободный». Очевидно, что поиск соответствий шел не на уровне ассоциативно-вербальных сетей исходного и переводящего языков, а на уровне лингвокогнитивных тезаурусов.

Расхождение значения и смысла лексических единиц – еще одна важная проблема интерпретативной теории перевода. Так, немецкое слово “Freund” и английское слово “friend” не совпадают по смыслу, хотя имеют одно и то же словарное значение. Немецкое “Freund” является, скорее, эквивалентом английского “close friend” (близкий друг)[222]. Приведем еще один пример. Перевод драмы В. Гюго «Марьон Делорм», сделанный А.А. Ахматовой, также заставляет задуматься о расхождениях в картинах мира русской и французской культур. Так, Марьон Делорм напоминает королю, что он «принадлежит народу», у него есть перед народом «долг»:

Vous vous devez au peuple

Король отвечает:

Oui, je me dois à tous

В переводе утрачивается концепт «регламентированной свободы», свободы как долженствования. Марьон Делорм у А. Ахматовой восклицает:

Народу вы родной!

Русское слово «родной» напоминает о концептах «соборности», «братства», «коллективизма», отличающихся от французского концепта «долг».

Особенно интересны примеры, когда совпадают словарные значения слов, в разных языках выражающих сходные концепты, скрывая при этом их разный смысл в «ментальных лексиконах». Хотя универсальный смысл все равно сохраняется, дом – это дом для англичан, американцев, эскимосов и русских, социокультурный, экстралингвистический контексты вносят свою дополнительную специфику. Ментальные и вербальные

[220] Franz Kafka. Das Schloß // Kritische Ausgabe. Fr.a.M., 1983. S. 67.
[221] В.В. Сдобников. О.В. Петрова. Теория перевода. Нижний Новгород, 2001. с. 83.
[222] Losche Helga. Interkulturelle Kommunikation. Sammlung praktischer Spiele und Übungen. Augsburg: Ziel, 2. Auflage. Augsburg, 2000.

концепты «дом» и «home / house» требуют интерпретации при переводе. Если вербально выраженный концепт «дом» в русском языке символически расширяется до концептов «родина», «умственное и психическое здоровье», «святое», то английские языковые концепты «home / house» соединяются с концептами» «внутренний мир, предел, разум» (home), ограждение собственности (стена) и гостеприимства (house)[223]. Для русского «дома» характерны открытость, распахнутость вовне, разрастание, расширение. Для английского «дома», напротив, – ограждение, постановка предела, ограничение, налагаемые на приближение «чужого». Все эти социокультурные параметры исчезают, если опираться лишь на словарное значение слов. В переводе-интерпретации возникает необходимость перевода не значения слов, а концептов. Переводчику приходится соотносить ассоциативно-вербальные сети, когнитивные тезаурусы и мотивационный уровень своего и чужого языков. На другом материале об этом шла речь в разделе «Языковая личность».

В качестве примера рассмотрим название романа Ф.М. Достоевского “Бесы” как метафору и концепт русской культуры. Роман Ф.М. Достоевского “Бесы” (1871-1872) − явление не только русской, но и мировой культуры, что, в частности, проявляется в переводах произведения на разные языки. Сопоставление переводов названия романа на славянские и западноевропейские языки выявляет метафорический и концептуальный смысл “бесов” как одного из ключевых слов культуры.

Роман Ф.М. Достоевского − историческое свидетельство. Известно, что у персонажей романа были реальные прототипы. Непосредственным поводом к его созданию стало “нечаевское дело”. Однако “Бесы” − это не только диагноз, но и пророчество. Именно так рассматривал замысел романа сам писатель. Автор “попытался изобразить те многоразличные и разнообразные мотивы, по которым даже честнейшие сердцем и простодушнейшие люди могут быть привлечены к совершению чудовищного злодейства” (Дневник писателя за декабрь 1873 г.). Очевидно, что автора интересует не только национально-историческое, но и вселенское.

Глубинный смысл романа, зафиксированный в противоречивых оценках 70-х годов XIX-го столетия (П.Н. Ткачев, Н.К. Михайловский, Вел. Князь Константин Константинович Романов и др.)[224], на протяжении

[223] А.В. Медведева. Концепт **ДОМ** в русской и английской концептосферах // Методологические проблемы современной лингвистики. Научное издание. / Научный редактор И.А. Стернин. Воронеж, 2001. с. 106.

[224] Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821 − 1881. Т. 3. 1875 − 1881.СПб., 1995. с. 180.

последующего столетия продолжал открываться в двух взаимосвязанных аспектах − общенациональном и вселенском. Роман восприняли как “пророчески верную анатомию всего российского революционного движения”[225] и всего европейского нигилизма. Это “стяжение” дает основание рассматривать текст романа как метафору и концепт. Произведение Достоевского включается в поля напряжения исторических сил между путем России и зарождением христианства.

Метафорика “бесов” зафиксирована в двух эпиграфах:

Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы, что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

…….
Сколько их, куда их гонят,
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?
А.С. Пушкин

Второй эпиграф заимствует из Евангелия от Луки (гл. 8, 32-37), где Иисус Христос исцеляет «бесновавшегося».

В первом пушкинском эпиграфе поставлен вопрос о русском пути. Притом поставлен от имени не одного человека (“сбились мы…”). Это “мы” точно подмечено А. Григорьевым: “Пушкин − представитель всего нашего *душевного, особенного*, такого, что остается нашим, душевным, особенным после столкновения с чужим − с другими мирами”[226]. Наше “свое” кроется в эпиграфе и в русском чувстве жалости (“что так жалобно поют?”), пронизывающем и всю образную систему романа Ф.М. Достоевского. Бесовское начало автор находит и в персонажах романа. Причем бес именно “овладевает” ими. (“Овладел Варварой Петровной бес самой заносчивой гордыни”. Федькой Каторжным овладевал “расчетливый бес”). Бесовское и демоническое Ф.М. Достоевский разводит. Даша говорит Ставрогину: “Да сохранит Вас Бог от вашего демона”. Ставрогин возражает: “О, какой мой демон! Это просто маленький гаденький золотушный бесенок с насморком из неудавшихся”.

Во втором эпиграфе зафиксирована мысль Достоевского о всемирном характере бесовского начала. В евангельском варианте

[225] В. Малягин Достоевский и церковь // Ф.М. Достоевский и православие. М., 1997. с. 20-21.
[226] А. Григорьев Литературная критика М., 1967. с. 166.

метафора пути дана в двух вариантах: гибельности и исцеления. Эпиграфы вступают между собой в диалог. Однако и внутри их текстов содержатся элементы диалога. Диалогична и вся структура романа. Внутренне диалогична и метафора, заключенная в названии, поскольку в ней присутствует свернутое соотнесение параллельных рядов − человеческого и бесовского.

Метафоричность заложена уже во внутренней форме слова. Бес (укр. Біс, ст.-слав.**,** польск. bies, литовск. baisà, словен. bes, болг. бесът, чешск. běs) восходит к *бояться*[227]. Этимология слова "бес" в других языках указывает на следующие моменты: "ярость", "злой дух", "страх", "отвратительный", "мерзкий", "ужасный", "обезьяна", "пугать" и т.д. В славянских языках преобладает, по-видимому, общая смысловая линия, связанная с отвращением и страхом.

Иначе реконструируется внутренняя форма этого слова в некоторых западноевропейских языках. Там нет слова с подобной внутренней формой. Слово démon пришло из греческого в латинский (daimon), где со II века употреблялось в значении d´esprit infernal. В дальнейшем оно стало означать "дьявол", ложный Бог"[228]. Особенно распространены словосочетания с глаголом "posséder": "posséde d´un démon", "одержимый демоном", духом. Однако во французском языке, например, слово démon лишено однозначных отрицательных коннотаций. Так, в словарях приводятся указания на то, что в католической традиции "одержимый" может быть добычей не только дьявола, но и Бога (posséde Diable, posséde de Dieu)[229].

Трансформация идей в слова и слов в идеи приводит к прочтению французского слова "демон" как "ange déchu, personne méchante, vice, a posséde – как энтузиаста, страстного, экзальтированного, опьяненного, неистового, буйно помешанного. Происходит усложнение и даже поляризация смыслов: от порочного падшего ангела до одержимого, неистового и экзальтированного энтузиаста.

---

[227] Макс Фасмер. Этимологический словарь: В 4 Т.: Т.1. СПб., 1996. с. 160. Ср.: бес – "злой дух", "бешеный", "неистовый", "вызывающий страх", "страшный"

[228] В XVI веке − гений, высшее существо. В XVII веке в словосочетания этого ряда входит ирония. В XVIII веке распространяется слово "pandémonisme", созданное Дж. Мильтоном. См.: Dictionnare etymologique du français. Paris: Robert, 1979.

[229] См.: Trésor de la langue Française du XIX et du XX siècle. P., 1978. Ср.: словосочетания типа "démon familier" (ангел-хранитель). Il a de´espri comme un démon (он чертовски умен). См.: В.Г. Гак, К. А. Ганшина Новый французско-русский словарь. М., 2000. с. 309. В русском языке устойчивые словосочетания дают почти всегда отрицательную оценочность: "бес наживы", "бес разрушения", "мелким бесом рассыпаться". См.: Словарь русского языка: В 4 Т.: Т. 1.Изд. второе, исправл. и доп. М., 1981. с. 80.

Бесовское начало соблазнительно и заразительно. Это находит подтверждение и во всей истории русского революционного движения, и в развертывании характеров в романе Достоевского. Между тем само русское слово “бесы” этого развертывания не дает, замещая семантическую многозначность отчетливой оценочностью. В русском слове “бесы” как его использует Достоевский содержится в свернутом виде вся русская культура, русский мир[230]. Метафора “Бесы” открывается как концепт.

Показательно сопоставление переводов названия романа на разные языки. Если в славянских языках преобладают “Зли дуси” (сербохорватский; Белград, 1964), “Besi” (словенский; (Любляна, 1960), “Běsi”(чешский; Прага, 1966), “Бесове” (болгарский; София, 1960), то в западноевропейских доминируют “Демоны” и “Одержимые”[231]. При этом происходят сбои. Перевод эпиграфов, как правило, не стыкуется с переводом названия романа. Так, в английском варианте название “The Possessed” (Одержимые) соседствуют с “Demons” (демоны) из пушкинского эпиграфа и “Devils” (дьяволы) из Евангелия от Луки. Сходная ситуация и в немецкой версии Хуберта Путце (Hubert Putze): Die Besessenen (Одержимые) – Teufel (черти из стихотворения Пушкина) – Teufel (черти; Евангелие от Луки). Во французском переводе В. Дерели сходная ситуация: Les Possédés (Одержимые) – le démon (демон) – les démons (демоны). При этом нарушается ось романной метафоризации и перекрывается возможность рассмотрения метафоры как концепта. Хотя общие, универсальные смысловые моменты сохраняются, различные «образы мысли» языков порождают несовпадающие ассоциативные цепочки.

В русском языке эта метафора с течением времени не только сохраняется, но и получает актуализацию. Так, в современных русских жаргонах “бес” – “осужденный, добросовестно работающий на производстве” (“зачеты бесам, волам и дурдизелям”), пассажир правительственной машины (“бесы едут”), человек, симулирующий психическое заболевание. Устойчивое выражение “гнать (гонять) беса в поле” означает дополнительное усложнение ситуации[232]. Здесь можно уловить неосознанные аллюзии на стихотворение А.С. Пушкина “Бесы” (В поле бес нас водит, видно…). Здесь выявляется “фрейм” русского

[230] Г.Г. Шпет Сочинения. М., 1989. с. 380.
[231] Th. Dostoïevsky Les Possédés. {Bési} / Trad. par Victor Derély. Paris: Plon, 1886. F.M. Dostojewski. Die Besessenen / deutsch von Hubert Putze. Bd. 1. Dresden und Leipzig: Verlag von Heinrich Winden, 1888. Fjodor Dostojeewskij. Die Dämonen. Bd. XXIV. München, 1922. Fyodor. Dostoevsky. The Possessed / Translated from the Russian by Constance Garnett. London – Toronto: William Heinemann LTD, 1946.

культурного мира: сцепление концептов “пути”, “простора” (русского поля) и возможность встречи с “бесами”. Подобные аллюзии и актуальный слой концепта “бесы” свидетельствуют о гениальности художественного видения Достоевского.

Название “Бесы” выходит за пределы романного текста. При этом метафора входит в другие ряды культуры, что позволяет рассматривать ее как концепт.

Приведенный пример показывает, что перевод как важнейшая форма межкультурной коммуникации нацелен на передачу ментальных и языковых концептов, входящих в высказывания, «прецедентные тексты», «фреймы» и «сценарии» национальных языков и культур. При этом ассоциативно-вербальные сети исходного и переводящего языков соотносятся с национальными картинами мира. Национально-специфичные языковые «образы мысли» и образы переживания мира всякий раз по-новому, неповторимо воссоздают универсальный общечеловеческий смысл.

Вопросы и задания:

1) Почему перевод можно рассматривать как форму межкультурной коммуникации?

2) Охарактеризуйте переводчика как «вторичную языковую личность». Почему переводчик становится «вторичной языковой личностью»?

3) Почему для переводчика недостаточно владение ассоциативно-вербальной сетью исходного языка?

4) Почему выдающиеся мастера художественного перевода (С.К. Апт, Н.М. Любимов) утверждают, что при переводе для них наибольшее значение имеет ассоциативно-вербальная сеть и когнитивный тезаурус русского языка (языка перевода)?

5) Сопоставьте немецкий оригинал стихотворения Г. Гейне “Ein Fichtenbaum steht einsam...” с переводами на разные языки: охарактеризуйте расхождения концептов.

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh'
Ihn schläfert; mit weißer Decke
Umhüllen ihn Eis and Schnee.

---

[232] Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2001. С. 59.

Er träumt von einer Palme,
Die fern im Morgenland
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна.
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

М.Ю. Лермонтов

На Севере диком, на голой скале
Кедр одинокий под снегом белеет
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока
Под пламенным небом на знойном холму
Стоит и цветет, одинока...

Ф.И. Тютчев

Незыблемо кедр одинокий стоит
На Севере диком, суровом,
На голой вершине, и чутко он спит
Под инистым снежным покровом.
И снится могучему кедру Она –
Прекрасная пальма Востока,
На знойном утесе, печали полна,
И так же, как он, одинока.

Перевод И.П.Павлова

A lonely pine is standing
In the North where high winds blow.
He sleeps; and the whitest blanket
wraps him in ice and snow.

He dreams—dreams of a palm-tree
that far in an Orient land
Languishes, lonely and drooping,
Upon the burning sand.
Louis Untermeyer.

Гайнріх ГАЙНЕ
СНИ
Стоїть сосна одинока
На голій вершині,
І під снігом, на півночі,
Сниться сиротині

Все полудень ясний, теплий,
Долина глибока,
Та джерела живучії,
Та пальма висока.

Степан Руданський.